

Александр Кушнер

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Александр Кушнер

Александр Кушнер

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Из стихов, не вошедших в книги

Москва

Булат

2020

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6
К96

Кушнер А. С.

К 96 **Обстоятельства времени : из стихов, не вошедших в книги / Александр Семёнович Кушнер. — М. : Булат, 2020. — 407 с.**

ISBN 978-5-6044334-0-9

Книгу А. С. Кушнера (р. 1936) составили стихотворения, написанные в течение шести десятилетий, публиковавшиеся в периодике и альманахах, но не входившие до сих пор ни в один из сборников поэта.

ОТ АВТОРА

Эта книга стала неожиданностью для меня самого, потому что возникла она на основе стихов, не вошедших в мои книги, хотя и опубликованных в разных журналах, альманахах, газетах, в том числе самых ранних стихов, написанных еще в пятидесятые годы прошлого века начинающим двадцатилетним автором.

Мне и в голову не приходило собрать их и посмотреть, что из этого получится. Вместо меня это сделал мой друг Анатолий Валентинович Кулагин, доктор филологических наук, живущий в Коломне, преподаватель Коломенского университета, автор множества статей и книг о русской поэзии, в том числе — и о моих стихах. Пишет он о поэзии увлекательно и ярко; да, филолог, учёный, но главное — любящий поэзию человек, по-настоящему тонко и зорко слышащий и видящий стихи.

Это он, А. В. Кулагин, проделал огромную работу, нашел стихи, в том числе давно забытые мной, — и преподнёс мне такой необычный, чудесный подарок. И перечитывая найденные им стихи и сравнительно недавние, но тоже не вошедшие в книги, я понял, что было бы жаль, если бы они затерялись, пропали.

Стихов много, но и времени немало — больше шестидесяти лет поэтического труда.

Как назвать такую книгу? Название не заставило долго себя ждать: его подсказала мне сама книга, в

которой запечатлено время, прожитое и осмысленное в стихах, — «Обстоятельства времени»*.

И, конечно, я благодарен также Валерию Валерьевичу Ковалёву, поддержавшему идею Кулагина и субсидировавшему издание книги.

Александр Кушнер

---

* Под каждым стихотворением в книге стоит год его первой (в большинстве случаев она же и единственная) публикации, а если оно написано намного раньше, чем опубликовано, — то обе даты (*примеч. издат.*).

СТИХИ

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Голубой почтовый ящик
Всем открыт — врагу и другу...
Подошла с лицом горящим,
Поднимала долго руку.

Эта горькая минута
Мне казалась целым веком:
Стало больно почему-то
За чужого человека.

Я от писем сам завишу.
День за днём бегут, мелькая.
Вдруг и мне такое пишут,
Что не сразу опускают?

1957

* * *

У этой речки без названья
Дышать и легче и вольней.
Меня преследует желанье
Сказать кому-нибудь о ней.
Как будто счастья мне не будет,
Вернее — чувства полноты,
Пока о ней не знают люди,
Пока её не видишь ты.

1957

* * *

На странных мыслях я себя ловлю,
Когда на юг летят над нами птицы:
Жаль, что и мне нельзя, как журавлю,
Под облака полуденные взвиться.

Не для того, чтоб с ними улететь,
Мне не страшна безжалостная осень —
Я жизнь хотел бы сверху рассмотреть,
Чтоб легче было лишнее отбросить.

1957

* * *

Стояла осень, тихая, погожая,
И в сердце чувство было ей под стать.
Кленовый лист кружился над прохожими,
Казалось, думал, на кого упасть.

Когда вверху он замер на мгновение,
Я проходил, надежду отстраня,
И вдруг, как сон, его прикосновение...
Спасибо, друг, что ты избрал меня.

1957

* * *

Что от грусти исцелит?
Вы не замечали:
Первый снег развеселит,
А второй — печалит.

Это — сердце до весны
Скованным представьте,
Это — радость новизны
Уступает правде.

1957

ЛЕРМОНТОВ

Поэтов любыми путями
Сживали с недоброй земли
За то, что с земными властями
Ужиться они не могли.

Всех больше мне жаль человека
С глазами осенних глубин,
Влюблённого в выси Казбека
И в призрачность русских равнин.

В которого, как в неизбежность,
Входили, душой завладев,
Еврейской мелодии нежность,
Шотландской легенды напев.

Я слышал: ещё бы немного,
Дошёл бы до нужд мужика,
Когда б не уткнулась дорога
В гранитную грудь Машука.

Красивым портретам не верьте.
Он был настоящий поэт, —
При чём же тут радужный ментик
И блеск золотых эполет?

Ведь сделан рукой деловитой
Набросок одним из друзей,
Где он нарисован небритый
В походной фуражке своей.

Вот этот скиталец и воин,
Смуцавший мундир голубой,
Из первых свинца удостоен,
Из первых —
Из принявших бой.

1957

* * *

Мост прям и прост —
И умница,
И как помост
Над улицей.

Он знал:
Недаром светимся.
Он ждал,
Когда мы встретимся.

И туч
Не стало около:
Как луч,
Меня потрогала

Твоих зрачков
Иголочка.
Был мост Тучков,
Стал — облачков.

1957

* * *

Выручает звёздный тамбур.
Век стоял и ехал там бы.
Тук-тук-тук да так-так-так,
Ты не плачь, не надо так.
А в вагоне-ресторане
На столах стоят пионы,
А в вагоне-ресторане
Ездят грустные шпионы
(Англичане или финны,
Подрывающие мир).
А в меню одни дельфины
На себе везут пломбир.
В тот пломбир подсыпать яда —
И грустить уже не надо,
Ни по рельсам колесить,
Ни чужой костюм носить.
На руке — узор колючий,
Виноградная лоза.
— Вы случайно не лазутчик?
Только выкатит глаза.
Поезда даны как средство,
Чтобы к нам вернулось детство.
И сосед не виноват,
Что немного мешковат.

1957; 2010

ТОВАРНЫЙ ПОЕЗД

Как эпос длинный товарняк —
Я насчитал в нём сорок песен —
Взбирался в гору кое-как,
Железо вёз и много весил.

Мелькали люки на болтах,
Кондукторши в простых платочках
И на коричневых бортах
Скрещенье белых молоточков.

И я, читая, как с листа,
Что путь его далёк и труден,
Любил задымленный состав,
Его товарное безлюдье.

А там, наставив воротник,
В последнем буферном вагоне
Плыла девчонка-проводник
И пела на своём балконе.

«Слезай, красавица!» — «Нельзя!..»
И улыбалась долго-долго,
Не притворяясь, не дразня,
Моя одну минуту только...

1959

ВЕЩИ

Очень трудно выбрасывать вещи,
шапки и тряпки.
Покрываются плесенью вещи,
старые тапки.
Сапоги и галоши, и рваные боты —
Им лучше — в утиле.
Но лежат они в ящике долгие годы,
Потому что в них долго ходили.
Очень трудно выбрасывать вещи,
майки и брюки.
Невозможно выбрасывать вещи.
Опускаются руки.
Не могу! Ни за что! Никогда!
Как на вечное счастье заявка,
полосатая та,
позабывтая та,
как мне жить без тебя,
безрукавка?
Легче выбросить новенькие сандалии,
что ещё не носили.
Те ботинки, в которых не спали
и грязь не месили.
Хорошо не жалеть ничего.
Стопан задник —
в ведро!
И туда же лети, рукавица.
Всё равно. Я не выброшу ватник.
Он ещё пригодится.

1961

* * *

Сосед выходит бойко
На праздник за порог,
Синеет под ковбойкой
Тельняшки уголок.

Ах, это даже слишком:
Больной и пожилой,
Какой же он мальчишка,
И глупенький какой!

Стоит он в коридоре,
Рассказывая нам
О днях былых на море,
О пляске по волнам.

Отличная житуха!
Чужие берега!
Но выглянет старуха
И спрячет старика.

И снова в коридоре
Безлюдно и темно.
Но есть на свете море,
И синее оно.

1961

* * *

День птиц. Но я плохая птица.
Как ни хочу, не полечу.
Мне в крайнем случае приснится
Крыло, пришитое к плечу.

Но если выйти за ворота,
Подняв от ветра воротник,
Высокий рокот самолёта
Тебя утешит в тот же миг.

А птицы понизу летают,
То наземь сядут, то на пень,
А птицы мокрые не знают,
Что люди празднуют их день.

1961

НА КИНОСЪЁМКЕ

Подбирали высоких парней,
Белобрысых и тощих.
Одевали в шинели травы зеленой,
Цвета осинової рощи,

Заходили им сбоку.
«Постой. Походи».
Убеждались в итоге,
Как правдиво висит автомат на груди,
Как расставлены ноги.

Режиссёр объяснял, за рукав теребя,
Говорил: «Всё сначала».
Но немецкая каска сама за себя
Отвечала. Кричала.

И зелёная форма, отбившись от рук,
Своё делала дело.
Проходила старуха. И плюнула вдруг.
И глядела, глядела.

1961

СТЕКЛЯННЫЙ ДЕНЬ

В лесу, в саду, на огороде,
На сельской улице — везде
Стеклянный блеск разлит в природе
В травинке каждой и кусте.
Кто на бутылку, кто на банку,
Кто на кувшин с водой похож.
Крыжовник в листьях наизнанку
Рукой заденешь — разобьёшь.
Деревья словно не отсюда,
Но и они в стеклянный день
Все, как зелёная посуда,
Бросают призрачную тень.
На небесах вставляют стёкла,
Лучами пыльными слепят,
Пылинок лёгкие волокна,
Как будто стёклышки, блестят.
И пар стоит среди поляны,
Как столб гранёный: не забудь...
Иди в стихи, мой день стеклянный,
Блесни ещё кому-нибудь.

1963

* * *

Наконец, покинув ложе,
Ты встаёшь, внушая страх.
Невозможные вельможи
Долго мешкают в дверях.

Подавляя гнева вспышку,
Прерывая их поклон,
Ты спускаешься вприпрыжку
В тёмный сад, Тутанхамон.

Мимо сказочных растений,
И цветов, и пальм из Фив,
И гранитных сновидений
Ты идёшь, нетерпелив.

Там, где сорок водоёмов
Отражают сорок лун,
Отдыхая от приёмов,
Бродит Анхес-ан-Амун.

Ах, когда вы знать могли бы,
Что обоих вас спасут,
Как и этот, в форме рыбы,
Алебастровый сосуд!

Что когда, как бы в испуге,
У вселенной на виду,
Протянув друг другу руки,
Вы встречаетесь в саду,

Крепнет мастера усердые,
Он резец ведёт углом —
И высокое бессмертье
Осняет вас крылом.

1963

* * *

Где царствуют петрушка и лопух,
Не часто, но встречаются, однако,
Чудовище по имени петух
И чудище по имени собака.

И встреча двух животных на мгновенье
Обоих повергает в изумленье.

Два разные устройства! Двух планет
Сближение, и то, наверно, проще.
Что думать друг о друге, если нет
Ни крыльев, ни ушей, ни вкусов общих?

Печальна эта встреча и тиха.
И медленно расходятся без драки
Собака, будто нету петуха,
Петух, как будто не было собаки...

1963

* * *

Каких ни высмотришь чудес,
Переходя из рощи в лес!
Из рощи в лес. (Я бы сказал:
Переходя из зала в зал).

Каких ни выследишь красот,
Покинув синий небосвод,
Ступив под пёстрый и рябой,
Шумящий ровно над тобой.

Каких ни выслушаешь птиц!
Каких ни вытопчешь дорог!
Каких ни выломаешь спиц,
Пронзивших чащу поперёк,

Весь день вертящихся в лесу
В листве, подобно колесу!
Каких ни выменяешь благ
На этот дивный полумрак!

Каких ни вымолишь щедрот
У солнца с пламенных высот,
У туч, обнявших край небес,
Когда природа — склад чудес!

1963

* * *

Люблю остановки в пути.
Чуть выйдешь на снег из кабины,
Окажешься ты посреди
Промёрзшего камня и глины.

Снежок как-то косо летит,
Как будто тоска его точит.
Никто на него не глядит —
Вот он и ложится как хочет.

Застигнуто явно врасплох,
Голодное воронов племя
Снимается с места, как вздох
Тяжёлый, и путает время.

И яшень, корявый чужак,
Меж ёлок на зимней дороге
Несчастен и горд, как поляк,
Замученный в омском остроге.

А метрах в пяти от него
Повёрнут на Гдов указатель,
И, дверцу открыв: «Ты чего?»,
Тебя окликает приятель.

1966

КОНСЕРВАТОРИЯ

Мне дом этот гулкий,
звучащий орган,
среди зимней прогулки
в спасение дан.
Он горд не на шутку
— не слышать нельзя, —
то флейту, то дудку
на суд вынося.

Летит он, химера,
под стать облакам,
два маленьких сквера
блестят по бокам.

Метель, по оркестру
настроив трубу,
к шестому подъезду
заносит тропу.
Заносит тропу
или делает знак
пенять на судьбу,
что сложилась не так?

Я, кажется, слышу,
как в сумрачный класс
под гулкую нишу
внесли контрабас.
Иголкой в соломе
он кажется мне.

Поёт в этом доме
струна на струне.

Гудит он, запаслив,
озвученный весь,
в нём был бы я счастлив!
Счастливей, чем здесь.

Но ветер! Но город!
Но крылья у плеч,
со снегом на ворот
грозящие лечь!
Призывней кларнета
поёт темнота.
И музыка эта
не хуже, чем та!

1966

* * *

Посмотри: не ревную,
Ничего не боюсь
И за ручку дверную
Я рукою берусь.

Между тем за отлучку
Станет дверь не такой
Или вывернут ручку
И заменят другой.

Насыпают щебёнку,
Ремонтируют сад —
Это нас потихоньку
Поджимают, теснят.

Платья те, что носила,
Те дома, где росла,
Смотришь — моль их побила
Или стройка снесла.

Новый толк, новый глянец
И другой разговор.
Сколько новых красавиц
Появилось с тех пор!

Подожди — над кроватью,
Смяв рукав и подол,
Напугает халатик,
Как петровский камзол.

1966

МОРЕ

Тяжёлыми клочьями пена
Клубится над грудой камней
И море бушует, как сцена
Охоты на диких зверей.

Там тоже жестокая давка,
Львы, лошади, рёв, теснота.
Собака висит, как пиявка,
В пылу не щадя живота.

Сам герцог, свирепый, как звери,
Но с ниточкой синей в глазу,
Кипит, как бурун, на шпалере
С огромным копьём навесу.

Ах, море, кипенье, коварство!
Где грива, где львиная пасть!
Ты так заполняешь пространство,
Что яблоку негде упасть.

Свирепо, свежо, нереально,
В рожок непрерывно трубя,
Ты тоже живёшь вертикально,
Хоть вешай на стену тебя.

1966

* * *

Ты ведёшь меня тайным путём,
Мне не внятным, но ясным тебе,
Что казалось смертельным узлом,
Развязалось само по себе,
Даже то, что саднит до сих пор,
В чём Ты так мне и не уступил,
Постепенно сложилось в узор,
Что теперь для меня проступил.

Навсегда устарел разговор
Об избранничестве и судьбе.
Как служебный уныл коридор,
Как привычно движенье в толпе,
Но какие чудовища вслед
Мне, когда оглянусь я назад,
Выгнув спины, из прожитых лет
Примирённо и льстиво глядят!

Там стоит приבלатнённая голь
И богемная пьяная рать,
Можно к тряпкам приникнуть, как моль,
Можно так, на гитаре играть
Или взять переехать в Москву,
Для того нам друзья и даны,
Чтобы жизнью пять-шесть наяву
Пережить, злоключенья и сны,

И в чужую судьбу и талант
На мгновение руки продеть —

И отдёрнуть: не мой вариант!
Плащ мой должен был справа висеть.

А на улице звёзды горят,
Зацепившись в щелях тополей,
И печальный, внимательный взгляд
Провожает меня из гостей,
И я думаю: сколько людей,
Столько, видимо, тайных путей,
Надо лишь путеводную нить
Не натягивать, не теребить.

1966*

---

* Автор благодарит своего друга кинорежиссёра Андрея Смирнова, сохранившего это стихотворение в своём архиве и напомнившего автору о нём (стихотворение публикуется впервые).

* * *

Мне хочется ладонью провести
По всем кустам, встающим на пути,
По всем волнам, навстречу мне бегущим,
По всем полям, по всем садам и кущам.

Мне хочется к холмам припасть щекой,
Подняться к облакам, достать рукой
Их влажные края, их вес убавить,
Как вату подоткнуть и бег направить.

Мне хочется прохожему помочь,
Устанет он — над ним устроить ночь,
И дальний город, блещущий в тумане,
Ласкать в руке, держа на дальнем плане,

Сиять в лучах, снижаясь временами.
Ведь всё, что богу передано нами,
Его любую прихоть и затею
В душе и я проделывать умею.

1966

НАТЮРМОРТ

Ах, этот лимон с кожурой,
Свисающей в виде спирали, —
Как солнечный рай с мишурой,
Который мы все потеряли.

Как тянет на это смотреть!
Какое же надо, однако,
Жестокое сердце иметь,
Чтоб фрукты писать среди мрака.
«Мой Питер! Не верю глазам!
Как сделать, чтоб так он сочился?» —
«Ты прав, дорогой Абрагам!
На славу лимон получился».

В разгаре кровавой войны
Во Фландрии, застланной дымом,
Лоснятся круги ветчины
И пахнут омары приливом.

Бокала хрустальная гладь
Мерцает таинственным светом...
Мы так не умеем писать.
Но я не жалею об этом.

1966

* * *

О, чем не вечность — жизнь моя!
Чего-чего ни видел я!
И море синее, и горы.
Кого-кого я ни любил!
Каких минут ни торопил!
Ни вёл какие разговоры!

Подарок этот дорогой,
Когда ни вспомни, — под рукой.
Шумел, блестел, переливался.
О, сколько раз я спать хотел
И звонкой шторкой шелестел,
А он сквозь щели пробивался!

Вот и сейчас передо мной
Невы простор берестяной
И небосвода шёлк атласный.
Легко дышать груди моей.
Уже покальывает в ней,
Ещё не стала боль опасной.

И если кто-то скажет нам:
Как жизнь прошла — не помню сам,
Как промелькнула — не заметил, —
Три жизни дай ему — опять
Загубит их и будет ждать:
Четвёртой нет ли на примете?

1968

* * *

Средь солнца, ветра и дождя,
О мокром платье не тревожась,
В прогулках летних доходя
До Академии художеств,
Мы вспомнить многое могли б,
Хоть живописцев русских в Риме!
До нас дошёл дагерротип:
Они в плащах, и Гоголь с ними.

Им были портики нужны,
Везувий, мрамор, храм Киприды.
Руины их обожжены
И дикой зеленью увиты.
А плащ лоснился, взор сверкал,
И полагалось кудрям виться.
И так высок был идеал,
Что как же было им не спиться?

Не потому ли мы с тобой
Имён не вспомним, лишь бородки?
Мне представляется с тоской
Как бы провал — их век короткий.
Великолепная Нева —
И та их взоры не прельстила.
Ни сада Летнего, ни льва
Их кисть в пылу не начертила.

Не потому ли мы с тобой
Картин не вспомним, лишь гравюры?
И невский отблеск голубой,
И яркий шпиль, и запад хмурый

Ложатся на сердце как есть,
Не подменяют их полотна,
И тают, стоит взор отвести,
Как соль в воде, бесповоротно.

1968

* * *

Деревья, дома обступив,
Едва не касаются кровель,
И ходишь, их шум подхватив,
С вершинами лёгкими вровень.

Мы с ними живём заодно,
Замашки их знаем, уловки,
И к нам залетают в окно
Листочки и божьи коровки.

В их кронах живут сквозняки.
Ночами, подобные пене,
На стёкла и на потолки
Ложатся узорные тени.

Дрожит на стене образец
Густых вензелей и виньеток,
И сын мой лежит, как птенец,
В сплетенье причудливом веток.

1969

ПРОЩАНИЕ СО ШКОЛОЙ

Я не даю топтать полы
И скатываться с горки.
Я ставлю мальчикам колы,
А девочкам — пятёрки.

Мальчишки — правильный народ,
Грамматики не учат.
А девочки — наоборот,
И скоро вам наскучат.

О как беспечен и соплив
Мой второгодник Колька!
О, мальчик мой, я сам ленив
И притворяюсь только.

Зачем я в школу прихожу,
Зачем я строгим выгляжу
И так сижу, и так гляжу,
Я долго так не выдержу!

И проверяю дневники,
И огибаю лужи...
Учитесь сами, дураки!
Я больше вам не нужен.

Конец 60-х — начало 70-х; 2008

* * *

Безгрешной пифии черты
Не принимай, подруга Муза.
Ты — прихоть, ветреница ты!
А важность — лишняя обуза.
Мне всё равно, в какие дни,
Кому и сколько диктовала.
Шепчи, подсказчица, бубни,
Но улыбнись, прошу, сначала.

1970

* * *

И воздух и вода, и смена дня и ночи,
И солнце с двух часов на письменном столе
Прекрасно так сошлись, и липы вдоль обочин
У Пулковских холмов — для жизни на Земле.

Чего тебе ещё? Исакий в отдаленье,
И скатерть под рукой, цветы и бахрома,
И милая с тобой, какое совпадение!
И дружба, и стихи, и грусть, и жизнь сама.

Чего тебе ещё? Так синяя изрыта
Поверхность на реке, что весело глядеть,
И тени, и огни, и если что забыто,
Нельзя ли обойтись и больше не жалеть?

Но в том-то и беда, а может быть, отрада,
Что кроме ветерка, прохлады и воды
Для жизни нам с тобой ещё так много надо!
Всё то, за что готов расстаться с жизнью ты.

1970

* * *

Уснём — и сердцу плеск морской
Подскажет, выключив сознание,
Что наша кровь с морской водой
В родстве и разве что в изгнание.

Вдали — но так же солона,
Послушна ветру и прибою,
И набежавшая волна
Её зовёт бежать с собою.

Мы спим. Волна бежит к волне,
Шипит в песке, по венам льётся,
И, как заученный во сне
Урок, их прелесть нам даётся.

Все, все неровности, холмы,
Пробелы, взлёты и провалы
В самих себе лелеем мы,
Швыряем лодочки на скалы.

И даже мозг, пока мы спим,
В сплошных извилинах, бугристый,
Свои мечты, неутомим,
Сличает с линией волнистой.

1970

ПОЭТЫ

Поэту похвалить поэта!
Как ты осмелился на это?
Ты сделал глупость, милый мой.
Теперь твой кроткий собеседник
Угрюм и холоден, как ледник,
И норовит домой, домой.

Поэты робки, бог свидетель.
Застенчивость — их добродетель.
Кривые толки — клевета.
Но, влюблены, неприхотливы,
Они, как женщины, ревнивы,
Так, что противно иногда.

1972

* * *

Прочтя о себе фельетон на ходу,
Я шел на работу в холодном поту,
И школьные лампы глаза мне слепили,
И школьники в шестьдесят третьем году,
Стесняясь, глаза от меня отводили.

Хотя я держался, как дай бог и вам
В таком переплёте.

У критика бойко
Мелькали в статье в примененье к стихам
Слова: ковырянье, архив и помойка,
Ущербность, и вредность, и книжность, и хлам.

Мне жаль не себя, а того ловкача,
Прораба, завмага, того инженера,
Которого рубит газетчик сплеча
Друзьям на потеху, другим для примера,
И в полночь жена вызывает врача.

Меня выручали уроки: Толстой,
Которого стыдно давать в расслабленье,
И гордость, и молодость, гнев за душой,
И зоркость, и новое стихотворенье.
Так я научился справляться с бедой.

1972; 2019

* * *

Душа — не испарина крови,
Не призрак, готовый взлететь.
Сдвигай к переносице брови,
Пытаясь её разглядеть.

Незримая, всё же реальней,
Чем куст у тебя за спиной.
Неслышная, всё же печальней,
Чем ветер осенний ночной.

Прекраснее нет пережитка,
Печальнее и веселей.
Вся лирика — только попытка
Дать определение ей.

Здесь столько прямых попаданий,
Что тянет примерить своё:
Добро, совершённое втайне,
Вот смысл сокровенный её!

Ты в шумнуюходишь аллею,
Глядишь на взъерошенный клён.
Весь мир этот жёсткий лишь ею
Приподнят и одушевлён.

1973

* * *

Тишина — это музыка тоже.
В крайнем случае — пауза в ней.
Слышит, слышит полночный прохожий
Что-то большее, чем тополя
Слабый шорох... Как рваная ветошь
Облака проплывают над ним.
Он не очень-то в музыке сведущ,
Но воистину ею храним.
Почему ему ночью не спится?
Кто его отпустил одного?
Кроме музыки, кто заступиться
В эту полночь готов за него?

1973

* * *

Ларошфуко! Не для отчёта,
Так для чего вам эта фраза,
Что за последние три года
Смеялись вы четыре раза?

Как грустно жить, как безутешно!
Я сам унынию подвержен.
Преувеличили, конечно,
Число улыбок преуменьшив?
А ваши дамы? А набег?
А фронда с буйными вождями?

.....
Какие мы в двадцатом веке
Весельчаки в сравнение с вами!

1973

* * *

Смотреть в дворцовое окно
Мне веселей, чем на картину:
Вверху лиловое, оно
Подсинено наполовину.

И словно шёлк, чуть-чуть морщит,
Немного в сторону сдвигая
Волну речную и гранит.
Иль от волненья рябь такая?

А пёстрой тучки над Невой
Перо так ярко серебрится,
Что и испанец никакой
С ней, как ни блещет, не сравнится!

О жизнь, о радость, кто её
Придумал, яркую такую?
А горе тайное моё...
Напомни мне: о чём горюю?

1974

* * *

Я тоже помню Крым, эдем,
Полынь с метёлками сухими.
Мгновенье тем прекрасней, чем
Невыносимей.
Признаться ль: счастье тяжело.
Вот затаённое желанье:
Скорей бы уж оно прошло,
Томленье это, содроганье.

Скамья в кизиловых кустах
Ребром придвинута к обрыву,
Там волны светятся впотьмах,
Вздымая гриву.
И сгоряча: Остановись! —
Сказав мгновенью, слава богу,
Ты видишь: втягиваясь в жизнь,
Оно проходит понемногу.

1976

* * *

В гостях я вышел на балкон.
Так жизнь меняют на другую.
На свет и воздух с трёх сторон.
Напомни мне, о чём горюю?
Дрожат чугунные цветы
И узкий поручень холодный.
Нет круче этой высоты
И жизни, более свободной!
Острее, чем смертный холодок
И возвращение билетов.
Цветка чугунный завиток
На влажном солнце фиолетов.
О голубь, бьющий по плечу,
И ветер, рвущийся по шторам!
Я возвращаться не хочу
Во тьму, к вину и разговорам.

1976

* * *

Художники до старости глубокой
Обычно доживают, им мила
Поверхность жизни, с яркой поволокой
Воздушного, блестящего стекла.

Их радость — ткань узорная, цветная,
Материя, мерцающий покров,
До пола скатерть, пена кружевная,
Волшебный очерк пышных облаков.

Их время — день, им ночь не угрожает
Сердцебиением; бабочка в тени
Так на ночь крылья пёстрые смыкает:
Она устала; ночью спят они.

Кто видел гладиолусы Матисса,
Тот понимает: автор этих стрел
Счастливей всех, и странствия Улисса
Он превзойти в цветах своих сумел.

А утром, утром снова мир подмочен
Росой, и свеж, и блещет за окном.
Не на себе их взгляд сосредоточен,
А на бессмертной радости — на нём!

1976

* * *

Пейзаж не бывает смешным.
Не нами замечено это.
Смешон человек и раним.
Комична нелепость предмета:
Какой-нибудь шляпы, зонта,
Комода на столбиках тощих.
Смешной не бывает звезда,
Снег, поле, овраг или роцца.
Нет ливней смешных и ракиит.
Над нами смеются? — не сетуй:
Смеяться им всё ж предстоит
На фоне серьёзности этой.

1977

* * *

Ах, какие названья отныне в копилке моей:
Каратау, Нурек, Оби-Гарм, Зеравшанский хребет...
Покусись кто-нибудь и меня, как копилку, разбей —
Сколько гор, сколько рек... как старинных персидских
монет.

Я скатился недавно, как шарик, на юго-восток
И в ущелии Вахша на несколько суток застрял.
Я заглядывал в мутно-зелёный кремнистый поток
И отхлёбывал чай из волнистых тяжёлых пиал...

Я в нурекском саду присмотрел одного ишачка,
Он гулял, как собака... Наверное, став стариком,
Хорошо, взгромоздясь на него и сутулясь слегка,
В ярко-синем халате трусить, не томясь ни о ком.

Это тем поразительней, что за спиной старика
Поднимается лес металлических жёстких опор,
И миллионные мощности Азии дарит река,
Электрической нитью вплетаясь в восточный узор.

1977

* * *

Ветры в мае такие напали,
Словно мир недостаточно хрупок.
И зародыши птичьи лежали
На земле среди разбитых скорлупок
Безобразные, как лягушата.
Кто и помнит об этом — забудет.
Только летом среди зарослей сада
Петь, наверное, некому будет.

Где поэты, воскликнешь однажды,
Старых много, а новых не слышно!
И на клён поглядишь трёхэтажный,
На кустарник, разросшийся пышно.
Ты забыл, как они приходили,
Доставали тетради, листочки,
А деревья метались и стыли,
И кустарник вставал на носочки.

1978

* * *

В любом другом пространстве или времени,
Каким бы льготным ни было оно,
Я не хотел бы жить — лишь в этой темени,
При этом свете, льющемся в окно.

В любом другом прекраснейшем... риторика!
Ни в будущем не быть нам, ни в былом.
В любом другом не вижу книг и столика
И нас с тобой, сидящих за столом.

Благодарю, что не рудник египетский,
Не местечковый зябкий колорит,
Благодарю за выплески, за выписку
Из книги тайн, что плакать не велит.

Благодарю, что слабая протянута
Ко мне рука с горячим перстеньком.
Что не дана охранная мне грамота,
Что не хочу заискивать ни в ком.

1978

* * *

Профессор университета
Провинциального — на фото
Не то на старого поэта
Похож, не то ещё кого-то
Напоминает; эспаньолка,
Усы, закрученные остро,
Брильянтовая иголка
Сверкает в галстук; не просто
Следить за модой на отшибе;
Нам разъясняет примечанье,
Сгустившись вроде мёртвой зыби,
Его достойную признанья
Самоотверженность — на благо
Экономической науки;
И объективность вроде флага
Он брал в негнущиеся руки.

Профессор университета
В Правительственном Сенате
Служил лет семь, но как-то где-то
Сказал не то или некстати;
Преподавал он в институте
Политехническом; на карту
Не ту поставил в снежной смуте
Опасных лет — и съехал в Тарту.

Профессор университета
(а мне-то что?) учил студентов
Словам: кредит, налог и смета,
Писал для банковских агентов,
Переводил таких известных

Собратьев, как Шеффле и Зомбарт,
Бродил вдоль улочек воскресных
Всегда подтянут, прям и собран.

Он умер в чётном, неприметном
Двадцать шестом; его из створок
Мы утром выманили бледным
И оживили строк на сорок,
Но утро хмурится и плачет
И надувает ветром шторы —
И он улиткой рожки прячет
И убирается за створки.

Так вот, любого человека
Стихи берут в свои ладони,
Не привередничая; веко
Моё прищурено; на фоне
Неукротимых волн отвесных
Те створки выглядят, конечно,
Как два крыла, прижатых тесно
И навсегда окаменевших.

1978

* * *

Два поэта: Полонский и Фет,
Тот в ермолке, а этот в фуражке,
На скамье, и рассеянный свет,
И помещицы эти замашки.

Два поэта, Полонский и Фет.
Тот с подагрой, этот с одышкой,
И свежо, и расстёгнут жилет,
И костыль суковатый под мышкой.

Как поставлена эта скамья!
Даже взглядом подвинуть не смею.
Как раскатисто дрожь соловья
По ночам пробегает над нею!

Два поэта, и липа цветёт,
И порывы древесного шума,
И пока разглагольствует тот,
Этот слушает как-то угрюмо,

На скамью оперевшись рукой.
Взгляд прищуренный, чуть ли не злобный.
И покой. Непонятный покой.
Недоступный покой. Допотопный.

1978

* * *

В сыром лесу, в густой его тени,
Так по утрам таинственна прохлада,
Такой сквозняк: лишь руку протяни —
Достанешь тех, трубить о ком не надо,
И след в траве не высох, лишь поблёк
От их сандалий, тапочек, сапог.

И Троя рядом где-то, за бугром,
И за кустом лозы — средневековье,
И те, кто пал под Курском и Орлом,
На нас глядят с печалью и любовью,
Кто тридцать лет, кто тысячу назад,
Для них с тех пор прошло одно мгновенье,
Кто умер сам, кто выпил горький яд,
Кто на больничной койке, кто в сраженье.

Не лейте слёз и горестной черты
Непоправимой вскользь не проводите.
Она — уловка вашей слепоты,
Вы провели её для простоты,
Но где она в природе, покажите?

Нам с вами легче думать, что Сократ
Бог знает как давно испил отраву,
А для него — лишь миг тому назад.
Ученики вокруг него сидят
И делят мудрость вечную и славу.

1978

1910-й

Десятый круглый год. Широколистный, ржавый
Яснополянский парк. Выводят лошадей.
Неравная борьба с детьми, женой и славой.
И некуда бежать от собственности всей.

На станцию! Томясь враждой к родному крову.
В прокуренный вагон! С домашними порвав,
Когда бы ведал он, в какую катастрофу
Всего, что он отверг, торопится состав.

Семь лет ещё прожить — и не было б мороки.
Он шапку потерял, ему возврата нет.
А собственность и ей присущие пороки
Октябрьский так легко перечеркнёт декрет.

Семь лет ещё прожить — и не было б заботы.
Мне нравится, что жизнь вперёд не предсказать!
Что ночи холодны, что горестны уходы,
Что можно разрубить, когда не разорвать.

И так неровен бег разбуженных лошадок,
И сердце веселит их утренняя прыть,
И кажется навек заведенным порядок,
Которому семь лет всего ещё пробыть.

1978

* * *

Любовь — это боль. Не до книг,
Друзей, тополиного ворса.
К руке бы любимой приник
Навек. Остальное — притворство.

Любовь — это боль. Не до лип
И рифм перекрёстных и парных.
К руке бы любимой прилип
Навек. Остальное — бездарно.

Любовь — это боль. Не до скал,
Облизанных ветром и влажных.
К руке бы любимой припал
Навек. Остальное — неважно.

1978

РЫБЫ

Художник выловленных рыб
Рисует вроде круглых глыб,
Лежащих порознь и вповалку.
Мы отличить меж них могли б
Ещё живых и розоватых,
И лиловато-голубых,
Напоминающих русалку,
Смертельным ужасом объятых,
И посиневших, неживых.

Так точно выглядят цветы
Полуувядшие — в букете
С ещё цветущими, черты
Их тленьем тронуты, в их цвете
Заметен тот же переход
От жизни к смерти; так в корзине
Лежит уже подгнивший плод
На сочной груше или дыне.

А разве радости твои
Не перепутаны с кошмаром?
И разве призраки любви
Не снятся выжатым и старым?

Художник выловленных рыб
Рисует, крабов и моллюсков,
Последний всплеск, последний всхлип,
Сведённый судорогой мускул,
Клешню, чудовищную пасть,

Шипы, махровую оснастку.
Он жизнь выписывает власть
И с жизни сбрасывает маску.

1978

* * *

Когда бы он при нас чертёж свой развернул,
Я ткнул бы пальцем: «Тут ошибка! И вот в этой
Детали!» — горячась и опрокинув стул,
В азарте и слезах, с зажжённой сигаретой.

Меня трясёт озноб, пронизывает дрожь
В присутствии твоём — не обращай вниманья, —
Прекрасен твой чертёж, но вкрались зло и ложь,
Меж нами и грозой всё меньше расстоянье.

Кустарник удался с висюльками на нём,
С пахучими, в кистях, базарными цветами,
И поле, и овраг, и марево над пнём
Обугленным, и жук с кошмарными чертами.

И море удалось. Чтоб вал соорудить,
И гребень кружевной, и скользкую подкладку
Так вышить, так прогнуть, — тобою надо быть,
Порядок поощрив, склоняться к беспорядку.

Но дальше, приглядись, ошибка там и тут!
И здесь ещё поправь, когда и впрямь всесилен!
Уж сколько было гроз, а тучи всё плывут...
Я подоткнул бы их, сиреневых — на синем.

1978

* * *

Так вот они, другие берега,
Как он о них писал издавека,
Песчаник красный славя их и глину.
Петляй, петляй, вертлявая река,
Не знала ты, что в прозе на чужбину
Ты выбежала, что твоя форель
И вырицкая жёсткая плотвичка
Прославлены среди других земель.
Ты — жизнь моя, и детская привычка,
Купание, и сон, и колыбель.

И я не знал, в том нет моей вины,
Что залитые эти валуны,
Мостки твои, перила и кувшинки
Английскому читателю видны:
Бодрей бы я взбирался по тропинке
Среди твоих тускнеющих зеркал,
Смелей бы шуму хвойному внимал,
Уверенней бы обходил корову
И Оредеж бы Оредежью звал,
Печатному скорей доверяясь слову.

1978; 1989

* * *

Мемориальная
преображает фасад,
из бессловесного перевода в речевой
ряд — эту улицу, словно устроив каскад,
мраморный, маленький всплеск,
ярлычок голубой,
розовый, белый, с прожилками,
как язычок.
Иней на нём по утрам оставляет налёт.
Вот ты идёшь, над тобой — беловатый клочок,
то ли записочка, то ли раскрытый блокнот.
Много ли надо, —
достаточно нескольких слов,
чтоб всколыхнулось всё то, что давно улеглось.
Так оставляют листочек, его приколов
кнопкой к дверям:
«Не дождался. Жалею, что врозь».
Гений квартиры менял, как лошадок — жокей,
надоедала — другую снимал, за углом.
Жить торопился:
Скорей, брат, скорей, брат, скорей!
Перебирался, а жить собирался потом.
Словно перчатки,
фасады менял, этажи.
Словно любовниц — в какой-то нездешней тоске.
Мы теперь бегай за ним по проспектам, кружи,
вешай, волнуясь, на каждый фасад по доске.

1979

* * *

Спасибо мастеру краснофигурных ваз,
Ничто не страшно нам, покуда чудо это,
Из хрупкой Аттики дошедшее до нас,
Ещё пленительней, чем если б с того света,
Ничто не страшно нам, покуда чёрный мрак
И эти розовые, смуглые фигурки
Так сочетаются, и каждый полунаг,
И, обожжённые, играют с нами в жмурки.

Что этот юноша кричит из тьмы густой?
Привстав, на ласточку показывает ближним.
И старший друг его, с курчавой бородой,
Смеётся: «Ласточка и впрямь, клянусь всевышним!»
Он со скамеечки чуть не упал складной,
Так развернулся вслед за гостьей с расщеплённым
Хвостом. А мальчик рад поздравить их с весной!
Ничто не страшно нам, от них столь удалённым.

Истлели, выдохлись, совсем сошли на нет,
А всё же ласточку к нам снарядить сумели.
Сквозь эрмитажное окно весенний свет
В зал пробивается, как в погреб, еле-еле.
Нас так на севере бодрит её прилёт,
На хмуром севере, где тучами закрыта
Даль, где поддерживать атланты небосвод
Из сердобольского поставлены гранита.

1979

* * *

Я не знаю, какие ещё города
Всеми мыслями сцеплены так.
Разве что в небесах со звездой звезда,
Раздвигая космический мрак.

Может быть, так с Дижоном повенчан Париж
И к Милану стремится Турин?
В этот поезд садишься, и едешь, и спишь
Так, как будто он в мире один!

Пожалейте о ком-нибудь, в мыслях, другом,
Я счастливее многих, всю ночь
Снег метёт, и дежурный фонарь в Бологом,
Отшатнувшись, уносится прочь.

И цветные картинки всю ночь под стеклом
В коридорах пустынных блещут,
И Василий Блаженный — в вагоне шестом,
А в седьмом — лучшая из оград.

И по снежной равнине их возят всю ночь,
Сквозь пургу — театральный макет.
И старается кто-то тоску превозмочь,
Вжавшись в полку и жмурясь на свет.

И всю ночь что-то сыплется с шумом со стен,
И скребётся, и дует в трубу.
Это наши дела, это наш феномен,
Это след от подушки на лбу.

1979

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Ботанический лучше, чем зоологический сад.
Здесь не стонут, не воют, не бегают молча по клетке.
В крайнем случае, здесь все нездешнею кроной шумят
И роняют на землю листочек какой-нибудь редкий.

Леопарду не скажешь: укрой от любви и тоски,
Он безумней тебя и в несчастье своём безутешен.
А у пальмы такие смешные растут волоски
На стволе и, как юбка, нарезан наряд и потешен.

Хорошо посидеть в африканской лиловой тени,
Как гогеновский негр, и под клён пересесть
европейский, —
Тут пасует Гоген, но зато, Веронезе, взгляни
На бутылочный этот, стеклянный, почти венецийский.

По листве истоскуешься за зиму, как по любви,
По узорной, зубчатой, капризной, ворсистой, плакучей.
Ты устал, захандрил? — горьковатый листочек сорви.
И любовь утомит, а листва никогда не наскучит.

Так от зелени к зелени переходя, обопрись
Всей тоской — на оттенки в зелёном растительном
цвете,
Растолкай своё зренье, и вширь свою душу и ввысь
Растяни, погрузись до оскомины в заросли эти!

1979

ЗИМОЙ В ТБИЛИСИ

Иностранная речь всего лучше, если
Не понятно ни слова; тогда нисколько
Не мешает она; утопая в кресле,
На неё обращаю вниманье только
Как на шум посторонний, допустим, птичий;
Впрочем, птицы, оставив свои корзины
На ветвях, улетели; зато обычно
В большинстве своём — дома зимой грузины.

Я за несколько дней, что живу здесь, понял,
До чего мы угрюмы в сравненье с ними.
В моём номере тесном диван — в попоне
С кисточками нитяными, смешными.

Город, я бы сказал, кое-где уклончив,
Кое в чём уступчив; на третьи сутки
Я заметил: иду — напеваю, точно
В моём горле очнулись рожки и дудки.

Я приехал к шапочному разбору.
Всё поэтами вытоптано другими.
Мне писать о Грузии — словно к хору
Прислонять свой голос, сливаясь с ними.

Я не думаю, чтобы мой случай редким
Был; живёшь и живёшь, а потом метаться
Начинаешь; грудной не хватает клетке
Воздуха — и не знаешь, куда податься?

Умереть под пальмой грузинской чахлой
Приблизительно так же, как под забором,
Соблазнительно; в виде грузинки дряхлой
Под накидкой — смерть предстаёт пред взором.
Ничего старушка, да мы на разных
Говорим языках: не поймёт, отпустит.
Эх, Тбилиси, лестниц веерообразных,
Красных крыш столичное захолустье!

Прислониться к чужому гнезду, втереться,
Присоединиться к жизни; на бланках, пачках
По-грузински читать; успокоить сердце
И посвистывать, как этот малый в бачках.

1980

ГРУЗИНСКАЯ РЕЧЬ

Речь грузинская где-то глубоко в горле
Зарождается, словно орлиный клёкот.
Камни речку, бегущую с гор, затёрли.
Есть ли смысл в этой пенной и хриплой склоке?

Есть, да мы им, неловкие, не владеем.
В этом вспененном тоном водовороте.
Это мы свою речь на губах лелеем
И зубах, а у них — вся гортань в работе.

Но когда мы вблизи толчеи и схватки,
Оглушённые, топчемся скромно с края,
Вдруг — стремительной мимики мостик шаткий
Возникает, над пропастью провисая.

1980

БИРЖА

Летний свет вечерний златотканый
Метит Биржу с левой стороны.
Храм античный: подиум пространный,
Колоннада... мы приобщены
К безупречным снам твоим, Эллада.
На широком аттике Нептун
Восседает, словно так и надо,
И кипит, как ладожский бурун.

Хороша игрушка... ей не страшно
Среди наших северных зыбей.
Только краска держится неважно
Из-за ветра, снега и дождей.
Шелушатся белые чешуйки,
Как на невских вспененных волнах.
Что ни год — леса на ней и люльки
С малярами в стёганных штанах.

1980

* * *

Мне снится старая квартира,
Как бы пристроенная к новой.
Так ставят длинные, для пира,
Столы в кафе или столовой.
Две жизни выглядят неловко,
Как будто в чём-то виноваты,
И покосилась обстановка,
И смещены координаты.

Две жизни выглядят печально.
Квартира словно в сон зарыта,
Удалена, полулегальна
И всеми жэками забыта,
Хожу, распахиваю двери,
Тайком выглядываю в окна:
Как тополь мокры в дворовом сквере!
Как дров поленица намокла!

В стереометрии бывали
Такие трудные задачи.
Две разных плоскости едва ли
И могут выглядеть иначе.
А в новом ящике почтовом —
Все письма стопкой, как в пенале,
А в старом, с маленьким засовом,
Те, что, наверное, пропали.

1980

* * *

Когда в купальнике на постамент пустой
Ты взобралась, сверкая белизной,
Передразнив бессмертную богиню,
И локоть занесла над головой,
Внизу смутив прохожего-разиню,
Как мы смеялись... парк лежал у ног,
Кусты ерошил знойный ветерок,
На жирных клумбах розы подгибались
От тяжести... к чему высокий слог?
И боги нам в аллее улыбались.

1980

* * *

Поэзия — это отравы,
И жизнь проворонишь за ней.
Поэзия — это облава
На шорох шагов и ветвей.

Поэзия — это опора
На лучшее что-то, вне нас.
Проценты с того уговора,
Что в детстве настиг и потряс.

Поэзия — только не надо
Гремучих и выпренных слов.
Поэзия — это засада
Ненастья, дождей, облаков.

Так что же, и мокрая прядка?
И мокрая прядка, и тьма.
Поэзия — это догадка,
А может быть, тайна сама!

Поэзия — это газета,
Сегодняшний выпуск, отчёт,
Которыми вечность задета
И бредит всю ночь напролёт.

Поэзия — это камена
На каторге черновиков.
Поэзия — это отмена
Приклеенных к ней ярлыков.

Поэзия — это внушенья,
Что захожи, как к другу, в Дарьял.
Поэзии определенья
Нет, кто бы его ни давал!

1980

* * *

В этот час я хотел бы на площади Марка стоять,
На фасад его яркий и пёстрые толпы смотреть.
Может быть, мне бы жизнь, моя жизнь, приглянулась
опять.
Ах, мне плохо без друга, и страшно, и рук не согреть.

Если суть этой жизни горька и промёрзла насквозь,
То хотя бы поверхность, поверхность была хороша!
Там, в Венеции, столько венозных каналов сплелось.
Ах, мне плохо без друга смотреть с моего этажа.

Две лазурные капли дрожат у неё в перстеньке,
Венециейским они отливают весёлым огнём.
Если двое расстались, то лучше им быть вдалеке
Друг от друга, чем рядом, под снегом одним
и дождём.

Говорят, что, шагнув через мраморный низкий порог,
Полустёртый, сырой, — жизни прожитой шепчут:
прощай!
Так считай, что шагнул. Что ни вздох не дойдёт,
ни звонок.
Что стою, заглянув за тоски обвалившийся край.

1980

* * *

Где листва? Не успею плениться и свыкнуться с ней,
Как уже отшумит, дотлевая в аллеях бесшумно.
Я из тех, кто читает в вагоне; насколько умней
Те, кто в окна глядит расточительно или бездумно.

Эта зелень им зренье надёжнее капель глазных
Промывает, как волны, колебля и нежа сетчатку.
Я же выловить пробую что-нибудь в мыслях чужих:
Откровенье, догадку.

Иногда на страницу ложилась лиловая тень,
Иногда розоватая; падал жучок, выпуская
Из-под панциря крылышки; шла по проходу сирень
В синяках, как слепая.

Ты, вторая реальность, преследуешь нас и в пути:
Как иллюзии выпуклы, как соблазнительны книги!
Ты используешь слабости первой: заторы, дожди
И кустарник корявый и дикий.

А зимой точит душу тоска, как цинга — северян:
Не хватило ей лиственной тени, зелёного цвета.
Ах, статья философская, пьеса, роман
Чёрно-белые, вас, не моргнув, я сменял бы на лето.

1981

* * *

В городке, где родились отец мой и мать,
Я хотел что-нибудь ощутить, угадать,
Опознать — и не мог; этой жизни
Я не помню, со ставнями бедных домов,
На привет их ответить я был не готов.
Смысла не было в их укоризне.

Если жил я до жизни своей на земле,
То не здесь, у литовской границы,
Где боярин погряз в байроническом зле
У слиянья Днепра и Оршицы.
Ни пожарная часть, ни решетчатый люк,
Ни висящий на ставне заржавленный крюк
Не могли, о, споткнись, о, помедли,
Зацепить ни одной во мне петли.

О, не здесь, где врастает забытый лабаз
В мостовую, слепой и безликий,
Но вдали, где читающий лев и сейчас
Держит лапу на мраморной книге!
Там я жил! Там любая ступень под ногой
Отзывалась бы в памяти. Ветер какой!
Зыбь в канале... мечтанье, виденье,
Расставанье под сводами, чтение.

1981

ДОМ

Я хотел бы пожить в этом доме,
Чтоб окно выходило на Крюков зелёный канал.
Наяву его помню и в архитектурном альбоме.
Тополь на фотографии стынет, — под ним я стоял.

Два атланта вздымают ненужную тяжесть при входе
В тьмою залитый двор, где, как в склепе, темно.
Вы не сразу шагнёте
В эту темень, помедлите: а, пропадать всё равно!

Может быть, во Флоренции, в Риме, где ищут спасенья
От палящего солнца, уместны такие дворы.
На фасаде — орнамент: какие-то хитросплетенья,
Средиземного лета дары.

Кое-где завиток с мавританским тяжёлым изгибом.
Что-то я в этом доме ни разу жильцов не видал.
То ли все заболели каким-то особенным гриппом,
То ли дверь запирают на Крюков канал.

Может быть, я смотрел бы на тусклую воду канала
Из того углового окна —
И другая судьба обнимала б меня, обминала,
И другие твердил бы стихи, адреса, имена...

1981

* * *

Мы обсудили Чехова с тобой
По телефону так, как будто в Ялте
Еще томится нынешней зимой,
Разглядывает Африку на карте
И писем ждет...

— Заметь, — сказала ты, —
Как любит всплески он и перебои,
Ну, например: «Ах, как шумят кусты
Под ветром!» Или «Как трещат обои
Зимой, когда затопят в доме печь!»
И не понять, чье это восклицанье,
Поскольку тут же сдержанная речь
Рассказчика и ровное дыханье.

Мы обсудили Чехова с тобой
По телефону так, как будто рвется
В Москву из Ялты, смотрит на прибор
Сквозь мушмулу и щурится на солнце,
Достав платок.

— А в грустном месте он
Сказать стремится что-нибудь смешное,
Чтоб сохранить дистанцию: смешон
Отец Сисой — и горько остальное,
Но мы, читая, заняты своей
Бодрящей жизнью, только ради книги
Забыв себя на час... Архиерей
Уснул... на пасху звон стоял великий.

Я не люблю, когда меня берут
За горло. В нем, не знающем ответов,
И не сидел витийства грозный зуд

С огнем в очах, с возвратами билетов,
Любил ли он кого-нибудь? Какой
Спокойный взгляд, не знающий иллюзий!
Мы обсудили Чехова с тобой
По телефону. Не был он во вкусе
Ахматовой, Цветаевой — они
Своих отцов в нем как-то узнавали.
О, детский стыд: подальше от родни!
Им в Достоевском радостней скандале!

1982

ФОТОГРАФИЯ

Фотография тридцать шестого, наверное, года.
Театральная труппа. Домашнее что-то, как сода,
Закулисное, рыхлое, в воздухе растворено.
Двадцать два человека уткнулись во что-то одно.

Двадцать два человека уткнулись, наверное, в пьесу
Про слугу двух господ или так: про вдову и повесу,
Лишь один человек не глядит в распечатанный текст,
Он застыл, словно гипс, словно известь, цемент
и асбест.

В сером пепле табачном и брюки его и ладони.
Старику и неряхе, о как ему скучен Гольдони!
Он глядит, а куда? Никогда не узнаем, — в окно,
Где воронежский грач прошлогоднее топчет сукно.

Колченогих столов пузырями вспухает фанера.
Сколько жизни осталось? Не спрашивай, что за манера
Разбегаться с вопросом? В окне на нетвёрдых ногах
Выступают грачи, — он и сам здесь на птичьих правах.

Он и сам кое-как, еле держится, сбоку припёку.
Почему же так любит он тёплую эту мороку
И в преснятину эту, тосчищу, — вот дикая роль, —
Каждый раз подсыпает свою стихотворную соль?

1983

* * *

Эта улочка странный имеет затерянный вид.
К дому дом прислонён, как в сушилке посуда.
То ли вспомнить Париж норовит,
То ли Вену? Оставь, не ищи: никуда, ниоткуда.

На другой стороне разметался Таврический сад,
Развалился, расселся, разлёгся, как в кресле
на ножках
Полусогнутых, тени обивочной тканью лежат
На вертявых дорожках.

На закате багровом, как будто опять Олоферн
Головой поплатился, лучи, как сказали б, в экстазе
Обнимают эклектику, молодцеватый модерн,
Кружевные балконы в чугунно-растительной вязи.

Вот не думал, что буду вблизи этой пышности жить,
Вдоль ограды ходить, в «Мойдодыре» воспетой.
Как петляет судьба! — в самом деле похожа на нить.
Поклянусь, что прохожий идёт с Биржевою газетой.

Получились три комнаты, кажется, вместо одной.
Объяснили жильцы, что они к посещениям привыкли.
Где кристалл ясногранный, воскрылья и сон золотой?
Всё в смертельном расплавилось тигле!

Спят жрецы, прорицатели; я здесь, увы, ни при чём,
Гость невнятный, туманный.
Почему-то сравнить все хотят этот век с серебром.
Если так, то к концу оловянный он стал, деревянный.

Постучаться мне не к кому. Тёмный, обшарпанный
вход,
Запустенье, потери.
Но поэзии это, быть может, на пользу идёт,
Как туман бледноокий шершавой парижской химере.

1983

* * *

Не очень холодно. И всё-таки знобит,
И ветви голые следят за человеком,
Который, кажется, сейчас сообразит,
Как тесно связана история со снегом,
Со снегом, с розвальнями. Не вообразить,
Чтобы Морозову везли в Боровск иначе.
И мрачен Меншиков, и шубу не сносить
Ему в Берёзове, где жжётся снег горячий.

Попробуй что-нибудь за снегом рассмотри,
За белым пологом, за выстуженным веком.
Смутяны связаны, и взяты главари.
Как тесно связана история со снегом,
Со снегом, с розвальнями, с вязнущей в снегу
Французской армией и площадью Сенатской.
Но и поэзия... представить не могу
Её без фабрики молочно-белой, ткацкой.

1983

* * *

Чётки католик янтарные перебирает.
Он из чистилища души всю жизнь выкупает.
Может быть, в эту минуту, так думает он,
Выпущен им, словно птица, на свет Цицерон?

Вкрадчивый, он представляет себе Цицерона
Чище, чем спиртом, протёртым молитвой земной:
Стал он, как голубь, а только что был, как ворона,
И добродетелью римскою дышит сплошной.

Складки расправил, прочистил остывшее горло.
О, что за шум, что за клёкот во имя творца!
Райская горлица крылья над ним распростёрла.
Пятый параграф, десятая строчка с конца.

Или я что-то не понял в загробном устройстве,
Свойстве молитвы, возможностях и беспокойстве
Иезуитского ученика, на ходу
Что-то бубнящего тихо в церковном саду?

1983

* * *

О, как мне нравится волнистая черта
На берегу морском, стыдливая граница,
Через которую, спесива и крута,
Перешагнуть волна стозевная боится.

Смелее, пышная! Сама же провела
Сырую линию, причудливо-живую,
И пену рыхлую на кромку намела,
И горстку раковин прибила к ней вплотную.

Рискни, безумная! Сорвись, тут нет стыда.
Но в глубине души, собирающей приметы
Подспудной общности, шевелится мечта,
Что и для рыщущей, должно быть, есть запреты.

1985

* * *

Пушкин — вот течение наше тёплое,
С ним и жизнь морозная легка,
Звуковое, знойное, подробное,
С золотым запасом на века.

Здравствуй, здравствуй, Африка курчавая!
Из жары общинно-родовой
К нам волна прибилась пенноглавая,
Затопив тростник береговой.

Всё давно на свете перемешано.
Экваториальная жара
В белоснежных сумерках утешена
Чернобровым росчерком пера.

Не пугай меня колючей Азией.
Мы её, с Европой сочетаю,
Увлажнили рифмой и фантазией,
Стиховых подбросили забав.

Не прискучит грызть орешек белочке.
Жарко бедной в шубке меховой.
Нарисуй, прошу, мне эти стрелочки
Красные — на карте мировой.

Вот и к нам, подкравшись, загибаются,
Не боясь на Балтике остыть.
Видишь, сразу руки согреваются,
Стоит книгу чудную открыть.

1986

* * *

На пне, на высохшем, на самом солнцепёке
Сидеть на вырубке, средь золотистых мух,
В их любознательности, липкой их опеке
Не видя повода для огорченья, дух
Застойный впитывая, пламенный, пахучий —
Всем телом, памятью, сознанием, существом,
И всем беспамятством, на всякий горький случай,
И всем безмыслием, и всем блаженным сном!
На пне, на высохшем, — все кресла в мире хуже,
Все стулья венские грубы в сравненье с ним,
Таким разохшимся, топорным, неуклюжим,
Обитым бархатом лоснящимся лесным,
На пне, — и розовый, нет, всё-таки лиловый
Сквозь сон у глаз держа пушистый иван-чай,
Решить, что, может быть, есть где-то образцовый,
Но вот захламленный понятней жгучий рай.

1986

* * *

Короткие и толстые, — про волны
В Неве сказала, дышащей сурово.
Как все определенья своевольны!
Но эти два как бы толстовских слова
Нас рассмешили. Ветер от залива
Гнал воду вспять, чернела, прибывала.
Как трудно жить таинственно, счастливо!
Чтоб научиться жить так — жизни мало.

И не учились мы, и не умели.
Но иногда почти что получалось:
Нас подводила к чудной этой цели
Верней всего какая-нибудь малость,
Намёк, улыбка, два-три точных слова,
И фон, конечно, тоже что-то значил, —
Кипень волн, холодная основа
Прилива сил и радости горячей!

1986

* * *

В новое время, при Нерве уже, на пиру
Речь о доносчиках как-то зашла. Вспоминали
Все Мессалина, умершего впрочем... Сотру
Тысячелетнюю пыль... проступают детали.
Вот кто был страшен! Действительно, сколько людей
Предал и продал... И Нерва воскликнул: «Когда бы
Жив Мессалин был, что сделали б с ним?» Из гостей
Кто-то ответил: «Обедал бы с нами». Как слабы
Сильные души, забывчивы... Разве в глаза
Скажешь кому-нибудь, что о нём думаешь? Робки,
Мяжки, уступчивы... Благодарю небеса,
Что не погиб в неурядице той, перекопке.

1987

* * *

Всё разобрано: лавр, кипарис,
Олеандр — все растения южной
Стороны... И глядят сверху вниз
На твой день, на слепой и недужный
Век недолгий твой... Весело им
Вспомнить изредка, кем они были,
Как бежали под взглядом чужим,
Задыхаясь от страха и пыли.

Мы на север вернёмся — ольха
Груболистая, ель да берёза
Вне латинского дремлют стиха
Рядом с насыпью... Дождик да проза
Обступают их... В голову нам
Никому не придёт превратиться
В них, к стволам их прижаться, ветвям,
Наших бед избежать, притвориться.

1987

* * *

Разговор о стихах самый чудный,
Только он не со всеми хорош.
Тут и опыт молчит многотрудный,
Не поможет и юная дрожь.

Как листочек погладить с изнанки
Иль салфетки сырой уголок...
А на Мойке опять, на Фонтанке
Поднял пыль золотой ветерок.

Меньше всех разбирается критик,
Он абстракцией занят своей.
А на Кипре опять и на Крите
Бродит с лирой безумец Орфей.

Он-то знает, что слушатель лучший
Это, может быть, лань или лев,
Что за каменной прятался кручей
И не прыгнул на грудь, присмирив.

1987

* * *

Я думал. О чём? Не скажу. Не за все
Мы жаркие мысли в ответе. Спасибо
Закатной, отвлекшей меня полосе,
Далёкой грозе,
Съезжавшей с небес, как двугорбая глыба.

А те, кто пытались представить поток
Сознания в прямой прозаической речи,
Кривили душой: сколько фраз поперёк
Торчит в нём случайных — и сдвинуть их нечем,
Обломанных строк.

И мыслей, ещё не одетых в слова,
И слов, не захваченных мыслью, — шумела
Сухая листва
Бездумно, безвольно, невнятно, несмело.
Как слава желанна, как манит молва!

Что рук бескорыстней любимых, нежней?
Что славы доступней, глядящей с экрана
В глаза миллионов: она тем полней,
Чем ярче румяна,
Чем пошлости больше и грубости в ней.

Я думал. О чём? Не скажу. Как во сне
За сны, — мы за мысли свои не в ответе
Слепые, как будто внушённые мне,
Когда в стороне
От них проходил, шелестящих в кассете,

Сползающих с плёнки, кричащих с афиш.
Общественный склад, коллективная касса.
Я думал. О чём? Не подловишь, шалишь!
Ты старше меня, многоликая масса,
Наш рок и фетиш.

Наш лес, наши дебри, наш сумрак лесной.
И в автомобиле
Мифической мглы не объедешь родной.
Я думал о славе, о власти земной,
Её вековой гипнотической силе.

Но всё это мне заслонила гроза:
Далёкие вспышки и образ любимой.
Спасибо ему, он творит чудеса,
Он, крадучись мимо,
Как жаркой слезой, промывает глаза.

1987

* * *

Лучший город на свете — я вышел на Крюков канал
И, как в мелкие сети, к французским туристам попал
В кадр: снимали они белоствольный Никольский собор.
В его пышной тени различит меня пристальный взор.

Погуляй, моя тень, посмотри на Париж без меня.
В Ленинграде сирень так пышна средь июньского дня!
За границую родственник есть у неё, ну так что ж?
Так же ярко цветёт, та же мгlistая свежесть и дрожь.

Лучший город на свете — и мы в нём с рожденья
живём.

Скверы мелкие эти и серый модерн под дождём,
Невский пасмурный тик и остуженный в горестях пыл.
Я французский язык, что учил на филфаке, забыл.

1987

ПУТАНИЦА

— Я говорю ему: Не надо провожать. —
— И он послушался? — Он жутко рассердился. —
— А ты? — А я тогда... (Да что ж это? Опять
К чужому номеру я, видно, подключился?
Прошу их вкрадчиво: Разъединиться нам
Нельзя ли, девушки?) — Что, что? —
— Так ты с Павлушей? —
— Нет, я с Валериком. — Дурак какой-то там
Встревает, кажется. — Да ну его, не слушай! —
(Повесьте трубку же!) — Ещё чего, болван! —
(Вы полчаса уже...) — Вчера нашла в Пассаже
Тебе купальничек. — Квартальный, что ли, план
Им надо выполнить? — (Послушайте, нельзя же...)
— Немецкий, в дырочку. — Лиловый? — Голубой. —
(Перезвонили бы, чего вам стоит?) — Ладно.
Верунчик, значит так, семнадцать за тобой. —
— Двенадцать. — Всё-таки семнадцать, я ж обратно
Не понесу его... — Гуд бай. — (А ты, чем ты
Их лучше? Жалкое благодари сцепенье,
Смешное, глупое... Заботы их просты?
Сложнее всё-таки, чем ангельское пенье.)

1987

* * *

Сегодня к нашему причалу
Кораблик маленький пристал,
Бодрил нас песней поначалу,
Потом прогулкой соблазнял.

Но мы с тобой, потупив взоры,
Беседой заняты своей,
Не поддались на уговоры —
И он растаял средь зыбей.

Теперь он где-то, одинокий,
Отверженный, полупустой,
Бредёт, взрезая синеокий
Пласт неподъёмный и густой.

Забудь нас! Все мы виноваты.
И ты кого-то обижал
И краснопёрые закаты
С дождливым сумраком мешал.

Добро бы мы и вправду знали,
Где лучше нам: вблизи воды
На гулком каменном причале
Иль там, в волнах, где рыщешь ты!

1987

* * *

Вас тоже кто-нибудь запомнит из детей,
Вбежавших в комнату, когда вы там сидели
В гостях, друзья мои, вы явитесь из дней
Забывших, нынешних: вас дети разглядели,
Вы им запомнились...

        Так я читал о том,
Как мальчик Ласкера в московском видел доме
За чайным, чашками уставленным столом,
Нет, не за шахматным... В покое и в истоме
Послеобеденной... Пенсне, горбатый нос...
(Отец известный был любитель даровитый)
Или Чигорина, в дыму от папирос, —
Угрюмо-чопорный, надменно-ядовитый,
И даже несколько осталось внятных слов,
Полунасмешливых, застрявших в детском слухе:
— Не дорог выигрыш, а рад, что дураков
Обидел нехотя... А впрочем, был не в духе.

1987

* * *

Родись в другой стране — и жизнь совсем другую
Я прожил бы, мой друг.
Но помню гнев войны, сумятицу людскую
Эвакуационных выюг.

Нет, нет, не с теми я, кто хвалит свой обычай
За счёт чужого, жаль
Квасного дурака, его повадки бычьей,
Поддай ему гармонь, замкни ему рояль.

Сквозь щели жалюзи блеснут глаза Европы
В кино на полотне.
Счастливей был бы там, доверчивей, но опыт
Смертельный там почём, в какой у них цене?

Не купите его, как эту балалайку,
Фанерный сувенир.
На западную мне смотреть приятно стайку
Щебечущих транжир,

Не знающих по-русски,
Живущих, как в саду, не так, как мы — в лесу.
Но я люблю стихи, подъёмы эти, спуски,
Колблемый тростник, звучащую лозу.

В комедии играть? Но мне привычней драма,
Как хвойный этот век, как снежный этот мел.
Без Анненского я прожить, без Мандельштама
Не мог бы, не хотел.

1988

* * *

Вот и кончается скорбный наш век.
Что ж, оглянись на него ещё раз.
Кажется мне или вижу сквозь снег,
Как среди адских безжизненных нег
Сталин и Мао слушают нас?

Там, на банкетке кремлёвской, вдвоём
Слушают, как мы и что мы поём,
И совещаются с глазу на глаз
Утром и вечером, ночью и днём.
Слушают нас, слушают нас.

Век отсверкал, отгремел и отцвёл.
Парочка эта в нездешней тени
Стоит всех знаний, учений и школ.
Кто впечатленье на нас произвёл
Самое сильное в жизни? Они.

Будь ты хоть половец, хоть печенег, —
Крепнет единство народов и рас.
В хоре нас, школьников, сто человек,
Высимся мы, как Тянь-Шань и Казбек,
Сталин и Мао слушают нас.

В школьном я хоре всех лучше пою.
Сталин коленку погладил свою,
Мао скосил подозрительный глаз...
Как изменилось всё, — не узнаю!
Те, кто моложе, не верят сейчас.

1988

* * *

Что же делать, что вот не волнуют меня
Фотографии предков моих в сюртуках
И нарядных визитках... Прости мне, родня,
Равнодушие это, едва ли не страх
И, уж точно, тоску... Что крахмальный пластрон,
Что ермолка... Соврал бы, сказав, что черты
Различаю фамильные... Пасмурный сон
Этот смутен, остывшие соты пусты.

О, ни сладости в сердце, ни горечи нет!
Я — скупая, слепая, сухая пчела.
Вот когда на Дунае был я — и в просвет
Меж двух крон проступил крепостного угла
Полурухнувший камень, на крайней черте
В развороченный глядя полынный провал,
Я почувствовал счастье в Паннонии, где
С легионами конный философ стоял!

1988

* * *

Разве знает Италия, что она значит для нас?

Колизей, в чёрной оспе и ранах,

Прогибайся, круглись, чёрствый кратер остывший, у глаз,

Мы расскажем тебе о великих вождях и тиранах.

Твой трёхъярусный, арочный вздрогнет трёхгорный
каркас.

Как читали Светония, как примеряли к себе

Наслоенья и даты,

Помрачения разума, как провожали в толпе

Небольшой — уезжавших от нас навсегда: на губе,

На щеке — след слезы и размазанной, жалкой помады.

Как твердили стихи... Как, считалось, поэт к нам занёс

Итальянские звуки...

Как среди аспидных елей и в гуще молочных берёз

Сквозь аптечные, жирные, жёлтые крылья стрекоз

Вдруг мерещились нам флорентийские своды и дуги.

Как простили мы Гоголя в классе девятом, гордясь

Тем, что он издалёка, а мы — изнутри... Неужели

Вижу дом его в Риме... Обшарпанный Рим, не стыдясь,

Свои трещины, щели

Предъявляет, весь хлам, всю заветную славу, всю грязь.

Разве знает Италия, что она значит для нас?

Я не веточку мирта сжимаю в руке, а свободу.

Рассказать, сколько раз

Я себе представлял этот Тибр, эту мутную воду?

Пятьдесят мне исполнилось. Рок мне подарок припас.

Знал, когда поднести.
Равнодушный, насмешливый, прав: мне уже
не влюбиться.
Я другую люблю. Глянцевитый листочек в горсти
Превращается в прах... Бог с тобой, мировая столица.
«Торопись, — говоришь, — продвигайся с толпой,
не грусти.

Тешься, жадничай, скрытничай... Бойся, что корм
не в коня,
Пей под солнцем палящим из ржавого римского
крана...»
Я о том вспоминаю, кто жарче был, лучше меня
И не дожил до ближнего плана,
Не смягчил своего римским зноем живого огня.

Римский день без прикрас.
Грубоватые римляне, их простоватые лица.
Разве знает Италия, что она значит для нас?
Лавр мерцает, и мрамор лоснится.
Ни улыбок твоих не заметит она, ни гримас.

1988

* * *

Музыкант просил в стихотворенье
Поменять слова: они ему
Затрудняли, видите ли, пенье.
«Так нельзя». Вздыхал он: «Почему?»
«Потому что будет ритм разрушен,
Ведь не ямб у нас здесь, а хорей».
Что-то он другое слышал, слушал,
Помнил в жизни музыкой своей.

«Нет, нельзя здесь иву на берёзу
Поменять. Зачем тебе стихи?
Написал бы музыку на прозу».
Говорит: «А как насчёт ольхи?»
«Посмотри, в ней тоже ударенье
Не на первом слоге — на втором».
Бог с тобою, ангельское пенье,
И в раю, боюсь, не совпадём.

1989

* * *

Прелестна гор живая линия
Шероховато-голубая.
В эпоху Цезаря и Плиния
Она уже была такая.

И облака, ей подражающие,
Тем удивительней, что груды
Их, цепь лепную продлевающие,
Рассчитаны лишь на минуты.

Должно быть что-то в мире прочное.
Стирает время дружбы, лица,
Бежит любви тепло проточное, —
На камни можно положиться.

Лежи, душа, на них, как облачко,
Прильнув к покатым и курчавым!
Тебе по нраву эта полочка,
К обидам нашим и расправам

Не приспособленная. Плачется
На ней счастливыми слезами.
А то она и вовсе прячется
От нас, как рай, за небесами.

1989

* * *

Скажи: сорок первый, — я охну: война.
Зато сорок пятый — счастливая мета,
Победная, в зелени клейкой, весна.
А сорок шестой — это в шоке страна,
И грубый докладчик, и жаркое лето.

О, если б вы знали, с какою тоской
Мы смотрим на то, что стоит за плечами!
Квадратный ли метод забыть гнездовой?
Я всё пятьдесят вспоминаю второй
И третий, как нас напугали врачами.

Я март его пасмурный помню, в слезах
И траурных флагах, на лестнице школьной
Под бронзовым бюстом, застыв на часах
Со страхом в душе и надеждой подпольной:
Таилась в щелях, проступала в пазах.

И это не всё, и ещё у нас есть,
Как редкостный выигрыш, яркая дата,
Число незабвенное — пятьдесят шесть,
Загробная радость, посмертная честь.
А в шестидесятом, к забору прижата,

Стоит землемерша, потупив глаза,
Не смея взглянуть из-за спин на поэта.
Трепещет ольшаник, лоснится лоза...
А в шестьдесят третьем премьер, ни аза
Не смысла в искусстве, кричит: «Что же это?»

«Абстракционизм», — отвечают ему.
Он в гневе, но скоро он канет во тьму.
Так до шестьдесят доберёмся восьмого,
Потом всё слилось, всё смешалось, чему
В каком-то я радуюсь смысле: сурово

Не надо смотреть на меня, — началась
Жизнь частная наша, с подкладкою вечной
И личной, распалась железная связь
Для, может быть, новой, счастливой, сердечной,
И скажет прозаик, что жизнь удалась.

1989

* * *

День прошёл вчерашнего бездарней,
А казалось, быть пошлей не может.
Это Фет с кормленьем псов на псарне
День сравнил, коль он без рифмы прожит,
Без любви, без рифмы, без волненья
По какому поводу? Не знаю.
По тому, что ветра дуновенье
Подогнуло куст жасмина с краю.

Или так ты жизнью избалован,
Так её задарен смыслом здравым,
Что простить не можешь бестолковым
Разговорам, сумеркам шершавым,
Беготне, безмыслию, обиде,
Долгим шапки поискам в передней
И дрожишь, заранее предвидя
Час свой смертный, тяжкий вздох последний?

1989

* * *

Где-нибудь в Цюрихе, Базеле, Ницце
Вспомню, как Жлобин с тобой проезжали:
Новый квартал и листвы груболицей
Сухость и пыль на продутом вокзале
И — были счастливы, честное слово,
Там, под присмотром ночной проводницы:
Жлобиться, жлоб, жлободневный — сурово
Было к нам время — и в памяти длится.

Как, нежлобивый? Вот лучшее средство
Нас рассмешить, проходя по вагонам.
Нет, не свобода досталась в наследство
Нам, как ровесникам нашим холёным
Здесь, на Женевском, чуть-чуть пресноватом
Озере, розово-голубоглазом.
Сердце, завидуй! Но сердце, куда там! —
Льнёт к тому скверу, к тем гипсовым вазам.

1989

* * *

Будут жалеть нас, недоумевать,
Как мы терпели и как мы сносили
Крик этот, ложь эту, брань и печать,
Это кино и помпезные стили,
Будут, плечами пожав, выносить
Суд снисходительный свой, презирая
Нашу зависимость, — что ж, может быть,
Минет вас горькая участь такая.

Вы с человечеством новым в одной
Группе детсадовской, нянчатся с вами,
Не обжигая войной и враждой,
Постановлениями и судами,
С вами — отсутствие жгучих обид,
С вами — права баснословные эти,
Громкие, с нами зато — Еврипид,
Рембрандт и Пушкин на детском портрете.

1989

* * *

Приезд Николая Ростова домой.
На нём повисают Наташа и Петя.
Как близко к слезам это всё, боже мой!
Где мать? И рыдания. И я не в ответе
За дрожь подбородка. И утро, и вновь
Восторг. «Это сабля твоя или ваша?»
Денисов. И преданность эта, любовь.
И Соня. И слёзы. И снова Наташа.

И в английском клубе устроен обед
В честь Багратиона. И тосты. И слёзы.
Кто Пьера несчастней? И клики — в ответ,
И тосты. Не выдержать мне этой прозы.
Пьют за учредителя пиршества, он
Расплакался, вынув платок из кармана.
Дуэль. Почему-то похоже на сон.
«Закройтесь!» От дыма слезятся, тумана...

Сейчас я их вытру... Несчастливая мать
Бретёра!.. И раненый плачет, пугая
Товарища... Что это? Дрожь не унять.
А в Лысых Горах пелена ледяная
И мартовский холод. Он умер, он жив.
Отец заказал ему памятник. Роды.
Я плачу. — Где дохтур? — Сестру подхватив,
Он замер. Он жив. Он не хочет свободы.

Как я это раньше читал? Старика
Рыдания и жёсткие руки на шее
У сына... В гробу восковая рука,

Нет, сказано: ручка. Что сделали с нею?
Что делают с нами?.. Я сорок страниц
Прочёл, я читать это дальше не в силах.
Нет, проза такой не должна быть! Ресниц
Боюсь своих мокрых, всех мёртвых, всех милых...

1989

* * *

Почему-то защитник свободы
И борец за неё, в мятеже
Проводящий и пламени — годы,
Обязательно деспот в душе.

Обязательно — сильное слово.
Скажем так: очень часто, почти
Непрерывно... Мрачна и сурова
Страсть... Безумцы, трибуны, вожди,

Публицисты, философы... То ли
Дело — куст на дороге в шипах
И цветочках, не помнящий роли, —
Как он мёдом и зноем пропах!

Где читал я, неистовый гений,
Метафизик и архистратиг,
Про твой тик посреди рассуждений
И вываливающийся язык?

Заявленье, почти предписание,
Что ни фраза — взыскующий жест.
Прав ты, прав! Но милей — колебанье:
Я не знаю... быть может, в объезд?

А шиповник сорит лепестками,
Вся усыпана ими скамья,
Он махровый, он весь — перед вами,
Так же как безыдейность моя.

1990

* * *

Теперь я знаю, как
Разваливался Рим,
Наваливался мрак
И луч сквозил за ним.

Теперь я знаю, чем
Авсоний жил поэт,
И почему поэм
Он не писал, задет

Тем, что наглеет гот
И штукатурка вниз
Летит: испорчен свод
И обнажён карниз.

Теперь понятно мне
Смешение имён,
Когда в одной цене
Христос и Аполлон.

Постой в очередях
Со мной, родная тень!
Беда на всех путях.
Трагичен каждый день.

Теперь я знаю, где
Спасенье для живых:
На той ночной звезде,
Что сверху видит их.

Теперь я знаю, в чём
Им, бедным, повезло:
В том, что надрыв, надлом —
Их быт и ремесло.

1991

* * *

Ну, радость, жимолость татарская
Попалась в справочнике мне!
Столица, вычитаю, царская
Распространила по стране
Тебя в усердьё ботаническом,
Пленившись розовым кустом
Ещё в державинском, одическом,
Державном веке золотом.
О, нежная и грубоватая,
Теперь я знаю, как зовут
Тебя, цветёшь, к стене прижатая,
По всем дворам и там и тут,
С двугубым венчиком, как сказано
В статье, не пахнущим, так что ж!
Зато душа тебе обязана
Спасеньем на день, на два — сплошь
В цветах, не будешь в рай допущена!
Ах, нам в нём тоже места нет.
Над вечным мусором цветущая
В неисправимом мире бед,
Неутомимо-снисходительна,
Как будто зная лучше нас,
Что радость и не может длительна
Быть — только в данный миг, сейчас!

1991

* * *

Ах, как жил я, так жить уж не буду!
Я по лестничке в гору крутой
Поднимался скалистой, на груди
Опираясь камней, отовсюду
Бил полуденный блеск золотой.

Одиноко — не значит бездарно.
Друга мне заменял этот склон,
Рассиявшийся так лучезарно.
Радость, видно, и впрямь элитарна:
Тот отмечен, кто ею пронзён.

О, как он благодарен полыни
Серебристо-пушистой, с таким
Стойким запахом! К Богу отныне
Нет претензий: Бог помнит о сыне,
Этот склон расстелив перед ним.

1991

* * *

Андреевский Гоголь, Гудоновский в кресле Вольтер.
И в Зощенко что-то, не правда ли, острое было
Под старость, на снимке, на тот же продрогший
манер,
И, может быть, лисье, да нашу лису придавило.

Как хвост прижимала плутовка на скользком бегу,
К смиренным и мёртвым под выстрелом склонная
позам!

Досадно: не знаю, как выглядел Свифт, не могу
Представить себе круглолицым его и курносым.

Природа и внешне того, кто остёр, заострит,
Да так, что ему с остротой его страшно и больно.
Все плачут, когда не снести разноцветных обид,
Горячих и ярких, а эти — смеются невольюно.

1991

* * *

Вдруг показалось на миг, что возможен, возможен
роман.
Ведь ни Набоков, ни Пруст про советскую жизнь
не писали.

Скомканный план.
Тем беззаветней любовь, чем в ней больше печали.
Сели на стулья, потом перешли на диван.

И никогда, никогда не уехать в Париж.
Ночью на пляже в Пицунде бредёшь вдоль кипящей
границы

Или сидишь
С той, кого любишь, уступчивой, розоволицей,
Впрочем, румянец почувствуешь — не разглядишь.

Вдруг показалось на миг, что возможен сюжет.
Лозунги были смешны и доклады тоскливы.
Иммунитет
Образовался, да здравствуют паллиативы:
Чтение, прогулки, стихи, разговоры, заезжий квартет.

Жаль на борьбу
Жизнь загубить с ней самой, простоватой и плоской.
Кто подарил нам такую страну и судьбу,
Всех причесавшую частой железной расчёской?
Как я люблю твою жёсткую прядку на лбу!

Где разводились ещё так ужасно, как здесь?
Где целовались ещё так печально и жадно?
Ночь, занавесь

Наши тела и дела, ты бессмертна, громадна.
Думал: умру — оказалось: умру я не весь.

В партию мы не вступили, свободная мысль —
Частная мысль, не научный доклад, не газета.
Нас привлекали, но мы не дались:
С нами про то, мы как будто глухие — про это,
Спросят: как выжили? Скажем: любовью спаслись.

Пусть беллетрист,
С темой не справившись, дней промотает остаток.
Рифму в чужом языке позаимствуем: triste.
О, как печален роман ненаписанный, сладок!
Но и стихи ничего, под конец удались.

1991

* * *

Понимать — это значит прощать, как сказала одна
мадам

В восемнадцатом веке, на радость себе и нам,
До сих пор это помнящим и благодарным ей
За душевную тонкость и психологизм. Цепей
Было снято немало с тех пор и надето вновь.
Революция — благо, но лучше всего — любовь!
Это твёрдо усвоили мы в нашем веке. Жаль,
Что немецкий философ поправил мадам, на сталь
Ориентируясь крупповскую и стальную рать,
И, безумец, сказал: Понимать — значит презирать.
А во что нам поправочка страшная обошлась,
Мы стремимся забыть, в одно кресло вдвоём садясь.
В старом кресле вдвоём; в тесноте — не в обиде; жгуч
Поцелуй; что такое презренье — не знаю; луч
Прозорлив и приветлив; людей презирает сноб,
Не прощая им слабостей; хочется скрыть озноб;
И решительней всех понимает людей палач,
Презирая надежду, любовь, состраданье, плач.

1991

* * *

Провозвестница новых стихов, — загляделись,
заслушались мы:
На три с лишним хватило бы зада затянутой в джинсы
кормы.

С простоватым славянским лицом. Как схватила она
табурет,
Как им трахнула об пол, — так вот кто здесь, точно,
поэт!

Вырыванье страницы из книги есть творческий акт,
А ещё можно сжечь, можно смять её, съесть её, —
факт

Убедительный, — можно бумажных нарезать полос.
Визуальную лирику нюхают, гладят, целуют взасос.

И порвала, порвала, свой сборник порвала в клочки,
Не задумавшись, вдруг, — так что вздрогнули мы,
новички.

«Так же думают в Мексике! Только ещё горячей».
В Ейске будет поставлен когда-нибудь памятник ей.

Устарел авангард, позабыт и отброшен модерн.
Пишет письма Гофмайер, открытки ей шлёт
Моргенштерн.

Мы опять радикальнее, революционнее всех!
В Ейске гладят стихи против шерсти, как беличий мех.

«Слово лишнее как таковое», — пылающий взор...
Ты, небось, не взойдёшь, как она, за стихи —
на костёр!

1991

* * *

Могло и не быть этой бабочки тусклой,
Но бабочка эта была — и спасибо
Тому, кто её колотиться об люстру
Из тьмы, как юлу, запустил сюда, ибо
С шуршащей и быстрой не так одиноко.
Зубчатым прошлась колесом по обоям,
Затихла и сверху глядит, недотрога,
Не скучно ль нам вместе, не страшно ль обоим?

Не скучно, не страшно. Когда-нибудь тоже
Я в гости к тебе залечу, обещаю,
Туда, где темно, ни на что не похоже,
Я тоже затихну, пристроившись с краю,
Я тоже тебя развлеку, не шуршаньем,
Так речью, безумным своим разговором,
Рассказом о жизни, и смерть оправданьем
Мне будет, и ты не посмотришь с укором.

1991

* * *

Значит, так: с три десятка поэтов, гуськом
Выходящих на сцену немецкую: комм!
Каждый что-то такое прочтёт на своём
Языке. Многоярусной башни
Проступает заросший травой силуэт.
Подозрителен мне этот шум, комитет,
Эти международные шашни.

А что слышу я здесь, не похоже ничуть
На стихи: хоть бы рифма одна где-нибудь
Проскочила! В бесстопной строке не вздохнуть:
Корневые, словесные игры.

Муза хмурится: стих этот влаги лишён,
Но, потупившись, благодарит: данкешён!
Как скучны вы, сплошные верлибры!

Всё равно мне, приедем, нравится тут.
Устроителям я благодарен за труд,
За постриженный куст, европейский уют,
Шведский стол и немецкое пиво.
Усадить бы за стол моих бедных друзей.
До свиданья, поэзия, ауфидерзейн!
Что́ без боли ты, что́ — без надрыва?

И загадка рожденья тогда моего
Открывается мне: почему божество
Посадило в Россию меня, — для того,
Чтобы в северном, сером суглинке
Я, как семя, мелодией чистой пророс.
Лишь в беде ещё стих пробирает до слёз,
Подорожник цветёт на тропинке.

1992

* * *

В коне троянском сидел я, в правой
Его передней ноге огромной,
Тысячелетнею бредя славой
И детской хитростью вероломной.

И тьма внутри его с духотою
В полубеспамяństwo повергала,
А ночь за струганую доскою
Мильоном пристальных глаз пылала.

Тсс... Диомед, не вертись... Прохлада —
Вот счастье, всё остальное — лажа.
А это кто так кричит? Цикада,
А ты, ты школьное вспомнил даже

Словечко... Боже мой, мы, как дети,
Сидим... Вот именно, хуже взрослых...
А ночь, как если бы в наши сети
Попалась, в клёнах шуршала рослых.

Бред. Жар. Тоска. Но всего печальней
Ввод наших танков тем летом в Прагу.
Ночь, ты бумагой копировальной
Переложила вражду, отвагу

Любовь, всё, всё... Я хотел бы лучше
Быть, мне не нравится скорбный опыт.
Но не меняется блеск колючий
Звёзд, и шагает ахейский робот.

1992

* * *

Не привыкай ко мне.
Я не хочу привычки.
Уксус горчит в вине,
Отсыревают спички.

Тысячу или две
Лет собирались звёзды
В братстве своём, родстве
Воздух пронзить морозный

Так, чтобы в их узор
Наша вписалась встреча.
Замысловатый сор
И золотая греча.

Не привыкай ко мне
Нас разведут по нишам
Разным — в летеиском сне,
Лима́м и Могади́шам.

Чтобы тебя обнять,
Сколько порвал верёвок,
Пут и цепей, отдать
Душу готов, неловок,

За торопливый рай
И ненадёжный столик
Круглый, — не привыкай.
Смертны мы. Бедный Йорик!

Я не боюсь зимы,
«Правды» или «Известий»:
Главное то, что мы
Здесь оказались вместе.

Не привыкай ко мне,
Не без надрыва, скрипа
Белой, как соль, стране,
Веку шепчу: спасибо.

1992

* * *

Хорошо мне с французом за столиком круглым сидеть,
Заказали вина, а потом заказали опять.

«Эта сдача у нас, — говорю, — называется медь».
Хорошо языком иностранным немножко владеть,
И владея чуть-чуть, до чего ж хорошо помолчать,
Помолчать, повертеть запотевшую рюмку в руке.
Потому что молчим мы как раз на одном языке.

Бог-отец понимает всех, всех, и тебя и меня.

Вавилонская башня на столик отбросила тень.

«А молчание золотом мы называем, ценя
Тишину, разумеется, а не бездумную лень».

Жизнь прекрасна — и вот, чтобы это не слишком

всерьёз

Понималось, и нужен как раз небольшой перекосяк
Башни, съехавшей набок, одетой как раз набекрень.

Бог-отец понимает всех, всех, и меня и тебя.

Даже выучил он послебашенный твёрдый язык,

Ничего, что тяжёл, и расколот, как камень, и дик,

Чтоб на нём говорить с Авраамом, его возлюбя,

Наставлять и учить, иногда возникать перед ним.

А французский и русский ему ни к чему, помолчим —

И услышаны будем, салфетку в руке теребя.

1992

ВЕЩИЦА

Есть у меня вещица,
Подарок от друзей...
М. Кузмин

Есть и у меня вещица, сам её купил.
Посмотри, какой таится, господи, в ней пыл!

Ах, загадывать загадки весело в стихах.
Дарит маленькие взятки словно впопыхах.

Трудно дышит, как астматик, прячется в руке.
Слово «вот» и слово «кстати» любит в языке.

Ах, не так уж развлечений много у меня.
Друг ты мой, карманный гений, пылкая родня!

Белоглазым сенегальцем любит посмотреть
На того, кто склонен в пальцах скользкую вертеть.

Вещь не знает, как далёко увезут её.
Приоткрыв, смежает око: страх и забытьё.

Как ей весело дышалось там, на Оксфорд-стрит!
А теперь какая жалость: холод и гранит.

Не печалься, чем мы хуже? Тьма на всех путях,
Тьма, и смерть, и холод... Ну же! Ну же! Ах, ах, ах...

1992

* * *

Здесь все номера хороши, что седьмой, что восьмой,
что девятый.
И администратор — мой друг, мой по здешнему раю
вожатый,
Ключами бренча, предлагает открыть мне на выбор
любой,
И я выбираю девятый, а мог бы седьмой и восьмой.

Ах, комната мне безразлична, я сразу иду на балкон, —
И волны блестят хаотично, и синий горит небосклон,
Не правда ли, это похоже на старый придворный театр,
Где зритель взирает из ложи на оперных нимф и дриад!

У Гофмана что-то такое читал я, а что — позабыл.
«Тебя здесь никто беспокоить не будет, не надо ль
чернил?
А впрочем, вы пишете пастой; небось, и машинку
привёз?»
Ах, эти пилоны, пилястры, скульптурные группы
вразброс!

Ни пасмурный гость с новостями, ни ласковый друг
с коньяком,
Ни юный поэт со стихами сюда не прорвутся тайком:
Надёжней тюрьмы, заграницы, «Волшебной горы»,
может быть...
«Нельзя никуда дозвониться, нельзя и к тебе позвонить».

Он смотрит чуть-чуть виновато. «Никто, — повторяет, —
никто».

Я жил так в Пицунде когда-то и в Ялте, но это не то.
«Пройдут перед тобой, как в спектакле, все, кто тебе
дорог и мил».
И только вмешаться, не так ли, ни смысла не будет,
ни сил?

«Сегодня у нас "Риголетто", а завтра как будто
"Кармен"».
Насколько же было всё это страшнее на худшей из сцен!
Приносит в парчовом подоле волна студенистых медуз
И крабов. «Ты будешь доволен». Я знаю.
Но жмурюсь и мнусь.

1992

* * *

Будем считать, что во все времена одни
И те же люди — под разными именами.
Будем считать, что Антоний и в наши дни,
Заговор склотив, кабинет шагами
Меряет грузными, в клетчатом пиджаке;
Будем считать, что правитель обманут снова;
Будем считать, что построены на песке
Наши надежды на счастье, что жизнь сурова,
Но иногда, очень редко, победу честь
Празднует и справедливость, на зависть грусти;
Будем считать, что и Тацит меж нами есть,
Только фамилию носит на «ов», допустим,
И, заполняя свидетельствами тетрадь,
Пишет, что танки по улицам, как трамваи,
Ходят; по осени будем цыплят считать:
Всё неизменно, особенно — негодяи;
Будем считать, что кизилковый куст одет
В те же густые одежды, а как иначе?
Будем считать, что бессмертны стихи, что след
Не остывает: потрогай, какой горячий.

1992

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Из сумрака его, надеюсь, долгих лет
Мы выбрали тот век, когда, утратив имя,
Всего несчастней был он, в лозунги одет,
Трамваями обвит и страхами ночными.

И может быть, затем родились мы как раз,
Любя его сады и мокрые граниты,
В слепые годы те, что он нуждался в нас,
Как сильный человек, скрывающий обиды.

И помнить будет нас он долго, долго: след
Страданья смыть трудней, чем счастья и удачи.
Так старые стихи читает кто-то: нет
В них, бедных, ничего... а он над ними плачет.

1992

* * *

Крымские запахи, как вы приятны в Европе,
Как неожиданны в Оксфорде где-нибудь, в Киле!
Память лелеет их, ловит, и жаждет, и копит,
И ничего, что нет мела, извёстки и пыли.

Если бы я переехал куда-нибудь в Цюрих,
Я бы там выжил, быть может, за счёт кипарисных
Кустиков этих и одури знойной, лазури,
Смол скипидарных и хвойных и троп каменистых.

Я бы считал, что в Гурзуфе живу или Ялте,
Комнату сняв далеко, к сожаленью, от моря
И в октябре почему-то, и кланяюсь Марте,
А не Людмиле Семёновне, с грустью во взоре.

Мне бы казалось, что отдых слегка затянулся,
Прыгают буквы, — должно быть, жара виновата,
Или такой любознательный текст подвернулся:
Как на испуг реагируешь — знать ему надо.

1992

* * *

В Ленинграде мне повезло родиться,
И умру, даст бог, в Петербурге, — город,
Сколько помню себя, как в воде, двоится,
Достоевская сырость течёт за ворот.

Солнце похоронили — и вновь воскресло,
Для поэзии смерти, как видишь, нету.
Умирают — и вновь занимают кресла
Слушать Моцарта, кашлем мешать соседу.

Переглядываться с незнакомкой в зале.
Через двух в этом мире все, все знакомы.
Если б знал, где споткнусь (а другие знали?), —
Всё равно бы не подстелил соломы.

1992

* * *

Зачем писать стихи на смертном языке,
Который всё равно ни райским, ни всемирным
Не будет? Лучше в сад пойти, накоротке
С кустом потолковать, склоняясь к розам жирным.

В тени найти скамью и с книгой посидеть.
Прозаики ещё порой переводимы,
И то не все; как дрозд, попал я в эту сеть:
Железные тиски и мрачные режимы.

Но что это? Пройдусь — и кажется: не зря
К столу я припадал, весь слух и весь вниманье,
Как будто есть страна, где всё без словаря
Понятно, где нас ждут, исполнивших задание.

Там чуткие стихи звучат не хуже нот,
Не требуя венца и премий для таланта.
У Пушкина люблю я в драме эпизод,
Где хвалит музыкант другого музыканта.

Так весело напеть чужое что-нибудь...
Чёрт знает, чем и как кормили нас в трактире,
С кем в чёрном довелось нам встретиться — забудь!
Что было, то прошло. До встречи в лучшем мире!

1992

* * *

С картины пыль смахну и все протру картинки.
Стихи никто держать не станет под стеклом,
Зато за ними нет той дряхлой паутинки,
Что всякий раз, глядишь, висит за полотном.

Смерть, старость, вялость, лень, унынье и упадок,
И поиски в шкафу пропавшего носка...
А сколько было снов счастливых, душных прядок,
Объятий, синих волн и жёлтого песка!

Короче говоря, ты или веришь в эти
Цветы на полотне, сорящие жарой
И счастьем, или ты в расставленные сети
Попал. Да, холст и пыль. И старость, бог с тобой.

1992

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

Что такое «шмуцтитул» и что «фронтиспісом»
Называется, знаю теперь, ибо призван
Под культурное знамя серийное это.
Размещается «Библиотека поэта»
Над квартирой Некрасова: нижним соседом
Я доволен, он тихо ведёт себя: бредом
Не пугает смертельным на длинном диване,
Даже ложечкой звякнуть боится в стакане.

Я хотел бы издать его; сам не попросит
Он об этом, в смиренно-мечтательной позе,
Продиктованной болью, застыв; человека
Не поднять. Двух Ивановых «Библиотека»
Издаёт: Вячеслава, умершего в Риме,
Да Георгия, — где ему, бедному, с ними
Состязаться: один эрудит и античник,
А второй ещё колется, как ежевичник.

А ещё есть у нас петербургская дама,
Чья судьба, как известно, великая драма,
Все любители чёлки её и причёски
Не забудут, как, мемориальные доски
Увидав на фасаде, однажды сказала:
«Прохожу», — третий раз издаём — и всё мало.

И ещё её муж, офицер, убиенный
Ни за что; интересно, звезда во Вселенной
Сорвалась хоть одна с оглушительным стоном,

И ещё её друг у меня под балконом
На Литейном мерещится мне, — за авансом
Он зайдёт, может быть, только справится с трансом.

Странно, странно всё это и, господи, дико!
Человек умирает — является книга
И живёт за него, — ни песка, ни носилок,
Только солнце поэзии жалит в затылок,
Заливая Литейный багряно-пунцово,
Чтобы сверить с автографом каждое слово.

Что мне строгий читатель, идущий навстречу,
Что начальство, — пустяк! Вот умру — и отвечу.
Объясню, почему Теплякова-бедняги
Не издали мы том: не хватило бумаги.
Николай Алексеевич хмыкнет: не важно.
А Гаврила Романович — вот кого страшно!
Табакерку достав, в генеральском припадке
Постучит ноготком и — душа моя в пятки.

1992

* * *

Всё им новый мерещится Пушкин.
Уж его-то в обиду они
Не дадут! У него на подушке
Будет вышито: классик. Взгляни,
И на лбу то же самое слово.
А какая повадка и статья!
Подойдёшь, поглядишь — и готово.
Невозможно его не узнать!

Всех он выше, всех краше, идейно
Грандиозен и образно-свеж.
Сверху — сахарный, снизу кофейно-
Шоколадный, лижи его, ешь.

А стихи он покажет — и сразу
Видно: Пушкин! Про дуб и кота
На цепи. Их что первому классу,
Что второму читай — красота!
Александр Сергеевич, здрасьте!
Наша критика вас заждалась.
Проходите. Журнал наш украсьте.
Вы не то что какая-то мразь.

1992

* * *

Злая воля чужая не действует так на мужчин,
Как на женщин, — у женщин есть орган
подспудного слуха,
Объяснений разумных не надо им, знания причин:
Самых умных дурная сбить с толку способна
старуха.

Сны их путаней наших, как волосы, да и длинней,
Да и гуще, зато, как считается, ум их короче.
Муза — женщина, тот, кто до старости водится
с ней,
Тоже что-то такое всё шепчет как будто, бормочет.

Впрочем, я-то всё время от края её оттащить
Порываюсь, отвлечь и продвинуть в другом
направленье.
Что-то видит, дрожит... Показалось тебе,
может быть, —
Говорю, — посмотри, как сверкает листва, —
загляденье!

Умоляю её заглянуть в философский словарь.
Упрекаю её в бессознательном и коллективном.
Ну, нельзя же так жить, ну, нельзя же так верить,
как встарь,
В непроглядную тьму диким взглядом смотреть
неотрывным!

Разве лист не ворсист, не узорчато-мокр, не зубчат?
Зацепившись за мысль, не приводит махину
в движенье

Так, что крутится вал, встречный рай наползает
на ад,
Вылетает душа, распускается стихотворенье?

1992

* * *

О, радость! Скирос в самом деле
Есть, вот он, в атласе, смотри:
Вокруг него расплылись мели,
И он, как ядрышко, внутри.
Там в платье девичье одели
Ахилла хитрые цари.

И как в текстильном институте,
Он рос среди царских дочерей.
Ах, слишком маленькие груди
У этой девушки, — скромней
Всех, а придут чужие люди —
Во весь свой рост вставать не смей.

Сиди. Как весело им было,
Как он любил свою тюрьму!
Ещё мне нравится, что сила
Такая в ткань и бахрому
Была завёрнута. Ахилла,
А не Ахилл! Смешно ему!

1994

ПОРТРЕТ

Ужасный друг мой, отвратительный,
Невероятный, в преисподней
Свой человек, в ней предварительно
Продрогший так, как в подворотне
На Конной где-нибудь, на Гатчинской,
С глазами, — лучше не смотреть в них,
Такими страшными, стоячими,
На тьме запавшими, на сплетне.

Безумный, с совестью запущенной,
С губами толстыми, лепными,
Клиенты и вольноотпущенники
Такие были в Древнем Риме,
Банкетный друг всеобщий, с премии
Чужой имеющий закуску,
Талантливее, тем не менее,
Их всех, с их жёнами в нагрузку.

Клятвопреступный, но не мелочный!
Драп, коверкот, — тем лучше слово,
Чем матерьяльней, ярко-клеточный
Пиджак надев с плеча чужого,
Он обожает время прошлое
Глагола в лирике жестокой
И поднимает дело пошлое
До слёз с горячей подоплёкой.

Что делать? Что-нибудь утратили
Все, с горем свыклись и обузой...
И я люблю его, предателя,

С его хриплоголосой музой,
Маниакально-депрессивною,
Отнюдь не ангелоподобной,
С земной смирившейся рутинюю,
На сострадание способной.

1994

* * *

Ты уныл? Ты угрюм? Или с жизнью прощаться пора?
В Амстердаме сейчас по каналам плывут катера
И туристы на город глядят снизу вверх — так под стол
В детстве лазили мы, чьи-то видели брюки, подол.

Мутноватой воды навевающий сон изумруд.
Будь уверен, они, что бы ни было с нами, плывут.
Угол зренья важней, чем рассматриваемый предмет.
Можно так посмотреть, что и смерть как бы сходит
на нет.

Обманул бы её и, наверное, преодолел,
Если б сел в этот катер, да гульдены я пожалел:
Обойтись без дорожки, что веером шла от кормы,
И купить босоножки задачу поставили мы.

Ну, теперь в них ходи, золотых, ни о чём не жалея.
Пусть голландцы плывут в легкомысленный свой Элизей,
Пиво пьют по пути, говорю: не жалея ни о чём!
Мы туда же пешком по Шпалерной, по Школьной
придём...

1995

* * *

Я боюсь, что, когда я состарюсь, мне
Перестанет нравиться трудный стих,
Сам себя вопрошающий, сам во сне
Себя видящий, прячущийся в своих
Ответвлениях. Разве душа проста?
Жизнь понятна? Сродни сокращениям тем
В уравнениях? Звезда — зачеркнул! Звезда —
Зачеркнул! Так на так, никаких проблем.

Но звезда отличается от звезды!
Но душа отличается от души!
Воровство, как сказано, простоты
Лучше, заняты им, затяжным, стрижи
Острокрылые, разве б носились так,
Если б всё было честно? Но счастье — миг,
Схваченный на лету, золотой пустяк,
Мысль, улыбка, обмолвка, соломка, блик.

1995

* * *

«О бедность! затвердил я наконец», —
Так он писал, а мы ещё бедней...
Ни серебра, ни золотых колец,
Ни крепостных, ни слуг, ни лошадей,
Ни, если новый слог употребить,
Яхт, мерседесов, алых пиджаков, —
Беднее нас лишь плотник, может быть,
Генисаретский только рыболов.

Беднее нас, быть может, лишь старик
Художник, в тень укутанный на треть...
Ну что ж, проснулся ночью я, приник
К своим печалям, их мне не стереть
С лица: смущает будущее, лей,
Звезда ночная, блеск свой золотой,
И я шепчу во тьме себе: старей,
Умней, добрей под старость, бог с тобой.

1995

* * *

«Дайте Тютчеву стрекозу...»

Мандельштам

А ей вы дайте двух стрекоз,
Она увидела их рядом.
Любовь не стоит наших слёз.
Но покривившимся оградам
Чугунным (чёрным, говорим,
Хотя на солнце цвет невнятен) —
Всё, всё вниманье: ржавым, им
Не стыдно ран своих и пятен.

И каждый раз в душе моей,
Когда стихи её читаю,
Идёт борьба: люблю, скорей,
Чем не люблю их, забываю,
Что не люблю, когда раскос
Взгляд — и на стружьях чёрной краски
Она заметит двух стрекоз,
Вдруг отстранясь от лишней ласки.

1995

* * *

Как Зощенко в Ялте пришёл за письмом,
Себе самому им написанным, лишь бы
С почтамта ни с чем не уйти в золотом
Сверкании южном, — в Нью-Йорк бы, в Париж бы,
Но некуда броситься в тёмной стране
С тоски человеку, — лишь в Ялту да в Сочи,
И женщины пишут, но редко: в цене
Их письма едва ли не больше, чем ночи.

Ведь слово дороже, чем ласка, оно
И завтра утешит, и через недели,
И мы не в Египте, и дует в окно,
И скоро забудется всё, что в постели
Случилось, а письма, — не даром их сжечь
Велят иногда, — и, окутана дымом,
Прощается в корчах беззвучная речь
Со всё ещё, может быть, милым, любимым.

1995

* * *

Ты с книгой о Дега — и будешь знать о нём
Теперь всё, всё, хочу сказать: зачем так много?
Чужая жизнь с её мучительным огнём,
Сухие небеса и смертная тревога.

Не лучше ли, как я, лишь жалких танцовщиц
В дыму припоминать да истовые скачки?
Достаточно картин — не надо мне страниц
В испарине былой беды или горячки.

Иль что ещё нет-нет бывает у людей?
Обманщица-любовь? затмение рассудка?
Все жизни тяжелы: не справясь со своей,
Справляясь кое-как, вникать в чужую жутко.

Не лучше ль только цвет лиловый от неё
Оставить для себя да длинную перчатку
Певицы: рот открыт — и дикое вытьё
Доносится сквозь даль и времени прокладку.

1996

* * *

Филипа Ларкина бы я любил, коль был
бы англичанином, залог условный мил
тем, что мечтателен. И всё-таки заслуга
моя: неплохо я его переводил,
прибегнув к помощи внимательного друга.

Как будто брата я нашёл в чужой земле,
как будто ножичек его носил в чехле,
велосипедные в карман совал зажимки
и в церковь сельскую входил, в добре и зле
провидя Божий смысл и чёртовы ужимки.

Я с ним рассматривал чужой фотоальбом
и видел женщину одну и ту же в нём,
но в разных ракурсах, то девочкой с косицей,
то взрослой барышней — и юношей кругом,
и ревновал я к ним, и спал с розоволицей.

И я разглядывал надгробие одной
семьи: граф Аррундель лежал на нём с женой,
перчатку каменную сняв с руки и руку
держа любимую, как пылью, тишиной
накрыт, смертельную преодолев разлуку.

И к морю тусклому ходил я вместе с ним,
и любовались мы купаньем отпускным
добропорядочных людей с детьми, и даже
чуть-чуть завидовали им, и сладкий дым
от пароходика стоял тех мест на страже.

И я с ним в комнате сидел, и он меня
не видел, чуткое молчание храня,
с ним ездил в лондонскую я библиотеку,
пока однажды он один среди бела дня
не переправился через ночную реку.

И мне стихи его, написанные там,
увы, неведомы... Он к розовым кустам
поближе ставит стул, склоняясь над строкою,
и ходит к Йейтсу их читать по вечерам
за вечным сумраком, за каменной стеною...

1996

* * *

«Меня теперь нужно беречь и лелеять,
Так пусть же приедут за мной из Москвы
Аксаков и Щепкин», — писал он, доверить
Готов им сосуд свой, непрочный, увы!

Тут не было даже и тени улыбки,
Ни капли иронии: в Риме ему
Себя, как вино, расплескать по ошибке
Казалось опасным. Такому письму

Цены нет: смешнее, чем «Мёртвые души»
Или «Ревизор», осчастлививший всех...
Ах, если бы Пушкин прочёл его, Пушкин,
Приятно представить себе его смех!

И чем фанатичней, чем мы своё зная
Серьёзней над миром несём напролом,
Тем мы фантастичней, как если бы нами
Незримый сатирик водил, как пером.

1996

* * *

Пить за вечную женственность с Блоком
Где-нибудь в ресторане далёком
Петербургской глухой стороны
И спросить у него ненароком,
Не мечты ль это всё и не сны?

И потом, так сказать, или вечность,
Или женственность, то есть сердечность,
Бессердечие, впрочем, за ней
Тоже водится... Звёздная млечность
Предпочтительней, пусть холодней.

Посмотреть, что он скажет на это.
Ничего он не скажет. Кларета
Он закажет ещё и «нюи».
Слишком трезв ты и сух для поэта,
И смешны ему взгляды твои.

1996

* * *

«Дорогой Эсме с любовью и –
всякой мерзостью...»

Дж. Д. Сэлинджер

Не о Гоголе думал я, нет!
О другом, современном страдальце,
Тридцать, если не более, лет
Промолчавшем, пчелиное жало
Обронившем, как перстень в песок,
В полудетском с тех пор, полувзрослом
Сне томящемся, — вот мой висок,
Уколи его чем-нибудь острым!

Или в вечнозелёном саду,
Умозрительном, дико цветущем,
Пчёлы только гудят на лету,
Но не жалят, являя живущим
Образец неземной немоты,
И смешон я, с моею отвагой
И тоской, — не ответишь мне ты
На письмо моё, с мерзостью всякой.

1996

СОВЕТ

Когда актёр Ливанов Сталина
Спросил на праздничном банкете,
Как принца Гамлета, датчанина,
Ему сыграть, мол, он в совете
Вождя нуждается, — для мхатовца
Так ценно сталинское слово,
И за традицию не спрятаться,
И надо смело думать снова,
Чтоб вдохновляло исполнение,
Как вождь пленяет зал речами, —
Вождь, выражая удивление,
Пожал покатыми плечами:
«Зачем живущим пятилеткою
Советским людям эта пьеса?»
И драма как бы лишней веткою
Поникла на стволе прогресса:
Срубить бы; ладно уж, оставили,
Так, для гурманов и поэтов...
И сколько Сталин жил, при Сталине
Она не шла в стране советов.

1998

* * *

Ну, хотел бы ты жить в Коктебеле
При Волошине, есть винегрет
В поэтической шумной артели,
Лезть на скалы, заглядывать в щели
И внимать его рассказням? Нет.

Как же так? Там актёр загорелый
К пляжу голому, женскому вплавь
Подбирался, там буйствовал Белый,
В танцах западных поднаторелый,
И витийствовал, — боже, избавь!

Там, в гранёный стакан скорпиона
К скорпиону втолкнув, Гумилёв
Наслаждался их битвой, сладёна,
Выявляя меж них чемпиона.
Ты готов с ним на спор? Не готов.

Там фрейдист выступал, побивая
Ницшеанца, спадала жара —
И любимый поэт, завывая,
Свои строфы читал, там Святая —
За плечами вздымалась гора...

Нет, я сам по себе, обыватель,
Здесьних вин попиватель сухих
И креплёных, в халате лежатель,
Иногда мемуаров читатель,
Хорошо здесь живу после них!

1998

* * *

Между прочим, Каренин читает француза де Лиля
«Poésie des enfers». Что ему до поэзии ада?
Алексей Александрович хочет быть в курсе и стиля,
И проблем современных, не нужных ему для доклада,
Но его добросовестность, тяга похвальная эта
К овладению новым, ему несозвучным и трудным,
Вызывает улыбку любовную, — до кабинета
Провожает жена его с чувством сердечным и чудным.

Доживи он до старости, стал бы читать, принуждая
К объективности разум, и «Снежную маску» и «Урну»,
Ставя кое-где галочки, мало что в них понимая.
Понимать и не надо весь пепельный этот, лазурный,
Аметистово-аспидный вздор с привлечением ритмов
Самых скверных, назойливых, даром что снежных
и звёздных,
И не скажет никто ему: Лучше прочёл бы молитву.
Зачитался, мой бедный, ложился бы спать, да и поздно.

1998

* * *

Я не знаю, был ли век
Девятнадцатый, но были
Книги: в книгах падал снег
На возок, на круп кобылий.

Тень ли, муж, — неважно, кто
В дом входил, белее мела —
И военное пальто
Там на вешалке висело.

Этот предан, тот любим,
В звёздном прахе, снежной пыли,
И наследуем мы им,
А не тем, кто въяве жили.

Мокрый ворс, седая прядь —
Это снег такой белёсый.
Может быть, не горевать,
Что сегодня нету прозы?

А не то живёшь, живёшь
Трудно, жадно, бестолково,
А тебя заменит ложь —
Чудо вымысла и слова!

1998

* * *

Мир в пыли и пыльце, даже моль,
Даже в ней есть блестящее что-то.
Золотистая, как лакфиоль,
От неё на руке позолота.

Мне не жаль пиджака, — ну и что ж,
Что он клетчатым слыл, полосатым?
Съела шестидесятые сплошь,
Подбирается к семидесятым.

Так их, пленница душная, ешь!
Мы-то думали, сноса им нету.
Расширяй эту чудную брешь.
Что же лучше стремления к свету?

А стремленью к старью и тряпью
Не сочувствую, друг-современник,
И свою украшать не люблю
Жизнь, не раб я её и не пленник!

1976; 1998

* * *

Всюду зелень уже, слава богу,
В Брянске, Туле, Калуге, Москве, —
Только мы в Петербурге не в ногу
С остальными, недели на две
Отставая, идём: неужели
И у нас распушится листва?
Ах, какие сырые в апреле
Ветви, как многоводна Нева!

Окна вымыты. Жить в ожиданье
Листьев всё-таки весело: май
Впереди. Тополей прозябанье,
И невиданно красный трамвай, —
Заберёмся в него мы, неловки,
Бег неровен и весел маршрут.
Мы проедем две-три остановки,
А деревья как раз расцветут!

1998

* * *

Если мы в самом деле одна семья
И черту меж нас нельзя провести, между,
То и скамья подсудимых — как раз скамья,
На которой и я сижу.

Как на скамье запасных в каком-нибудь «Спартаке».
Выходи на замену, давай, давай!
Остров Огненный. Волны накоротке
С ветерком. Вологодский край.

Душегуб, сам ты выбрал такую роль,
Поселковый маркиз де Сад?
Если меня побрить под ноль,
Как Ломброзо мне был бы рад!

Смертная казнь, страшно сказать, по мне,
То есть она милосердной пожизненной пытки
в камере гробовой:
По телевизору узника наедине
С вечностью видел, и молодой конвой.

Сходят с ума, начинают писать стихи,
Гвозди глотают, — никто им не даст гвоздей,
Даже опилки — и то не достать, трухи,
Тем более — новостей.

Ни собак, ни котов...
В детстве, помнится, из лесу в дом заманил ежа...
Заодно подтверждается моя догадка насчёт стихов:
Не от хорошей жизни обращается к ним душа.

А ночами гости приходят к ним,
Из пространств отпущенные мировых,
Состраданием полные неземным, —
Это бедные жертвы их.

Никакой Демокрит, Платон,
Никакой в ночное небо глядящий Кант
О превращении материи не знают того, что знает он,
О горячем родстве, — да не верит ему сержант.

1998

* * *

Никаких теней на заднем плане!
Улыбнись, на чистый глядя лист.
Без раскаяния и воспоминаний! —
Как сказал нам кубофутурист.

Взорван смысл и все слова разъяты.
Уж как был закручен, чересчур!
Но и он разобран на цитаты:
Дыр булщыл, — твержу, — и убещур.

Боже мой, как «чудное мгновенье»,
Как весна, как всё, что позади...
Даже что-то вроде умиленья
Ощущаю: классика почти.

1998

* * *

Он осень нас учил любить — и мы послушно
Уверили себя, что лучшей нет поры,
Что если дождь идёт, — то это нам и нужно,
Редющий багрец, прощальные дары,
Топящаяся печь, холодный подоконник
Идохлая оса меж запотевших рам...
Любимый наш поэт, боюсь, был гипертоник,
Страдавший от жары, — о чём не ведал сам.

Поэтому ему так плохо было летом:
Способности его душевные губя,
Оно стесняло ум дыханьем разогретым,
А нам-то для чего обманывать себя
И, холодом дыша, к недужному румянцу
Присматриваться, зонт держа над головой?
Но верим мы ему, плохому африканцу,
Скорее, чем себе, — усладе стиховой.

1998

* * *

Гений должен внушать благоговейный ужас,
Аморален, асоциален и страшен гений,
Как стихия, — стихия не может быть лучше, хуже,
Не поставишь вулкан провинившийся на колени;
Гений — это стихийное бедствие, это пламя,
В крайнем случае наводнение, как в Бангладеше,
Это кажется только, что в шляпе он, что в панаме
Он, как все мы, и галстук такой же, и брюки те же.
Гений это злодейство, а что же ещё, злодейство!
Как смотрел на Сверчка, ужасаясь ему, Жуковский!
Байрон, Лермонтов — всё это как бы одно семейство,
Нам и дороги ужаса этого отголоски.
Гоголь — монстр, с его манией сумрачного величья,
Заходящего в стадию самоуничтоженья...
Тут меня отвлекает от перечня песня птичья,
Затянувшееся обрывая перечисленье:
Дзинь-дзинь-дзинь, пи-пи-пи, боже мой, подожди,
не дзинькай,
Не пиликай. Я сам возражение найду и довод.
Эти мненья расхожие, купленные на рынке
По дешёвке. Зайди в зал суда: вот где спрут, где овод.
Это всё философия, выросшая из Ницше,
Из безвкусицы века и непониманья слова
Поэтического, — чем печальней оно и тише,
Тем в нём меньше поживы для верованья такого,
Уклоняйся, летай в стороне, обходи ловушки
Не способных ни в сердце щегла заглянуть, ни в строчку.
Простодушие — дар, и смеётся над ними Пушкин,
Эти вещи постигший всех раньше и в одиночку!

1999

* * *

Поэзия — переливанье крови
Шекспировской и пушкинской в того,
Кто держит ветхий томик в изголовье
Унынья и упадка своего,
Поистине запас гемоглобина,
Горячих кровяных приток телец —
И псковская пылает в них малина,
И стратфордских кленовых рощ багрец.

Поэзия — ты то же, что здоровье.
Я сделал бы такой доклад назло
Собравшимся, болезни и злословью
Приверженным и тайное тепло
Отвергнувшим; увы, плохой оратор,
Смущаясь, я рискнул бы заявить,
Что лучшие стихи — аккумулятор
Энергии. И жизни, стало быть.

1999

* * *

Я думаю, когда Гомер писал
Прощание героя с Андромахой,
Не старцем был он, — плакал и пылал
И слёзы утирал, смутясь, рубахой,
Заглядывая в пасть тоски, — оскал
Её сквозит за лирой-черепахой!

И славил он спасительную тьму,
На эллинов наброшенную свыше...
Лет двадцать пять, я думаю, ему,
От силы тридцать было...

Рассмотри же
Ахиллов щит, всю эту кутерьму
На нём, дворцы, и пастбища, и крыши...

Не он слепец, а ты — в сравненье с ним!
Очкиними и брось их в пыльный угол.
Он видел всё, он слишком молодым
Был в этом мире нимф и старых пугал,
Которым ветхий миф необходим,
И сонный стих, чтоб нежил их, баюкал, —
А он отверг весь этот жирный грим,
И сам любил, и жарко был любим,
И презирал учёных, пыльных кукол.

1999

УТРО ВОЛЬТЕРА

Посмотри на Вольтера в ночной рубаше,
залезающего в штаны.
Мылся он или нет? — так подумать в страхе
мы, приблизясь к нему, вольны:
балансирует он, задирая ногу,
в дикой позе, одной рукой
расправляя штанину, — молиться Богу
ни к чему, — между тем, другой,
с указующим длинным перстом, — нацелен
перст, наверное, на врага, —
фразе он помогает своей, — смертелен
выпад, — и секретарь-слуга
тут же, сидя за столиком, образцово
и разборчиво, — лёгкий нрав —
никакой отсебятины, слово в слово
всё запишет за ним стремглав.

Мы-то утром обычно унылы, хмуры...
Между прочим, Вольтер сказал:
«Эта живопись хуже карикатуры».
Фотографии он не знал!
А художник как будто силки и сети
ставил, глядя из-за портьер:
есть и «Завтрак Вольтера», «Вольтер в карете»,
есть за шахматами Вольтер,
есть деревья сажающий: легче дыма —
саженец в неземной красе...
Это Екатерина, совету Гримма
следуя, их скупила все...
Так понятна вольтерова мне гримаса,

но — припасть к ним на миг, прильнуть, —
не читать же «Кандида», «Микромегаса»,
«Орлеанскую деву»... жуть!

2000

* * *

Так как кровельщик в летний сезон
Или каменщик стали неплохо
Зарабатывать, им не резон
Материться, — тут нету подвоха
Никакого с моей стороны, —
И тем более стройматерьялы
Не проблема: любой ширины
И длины, для гостиной, для залы,

Хоть для сауны. Прежняя пьянь
Нынче траты сверяет со сметой.
Но зато перебросилась брань
На поэзию: в отрасли этой
Малонужной, немного смешной,
Я всегда говорил, что отсталой, —
Виртуозный сверкает, сплошной,
Оскорбительный мат небывалый!

2000

ЛЕСТНИЦА

Взбираться по лестнице было отраднo,
Ступени струились почти незаметно,
Неспешно и, можно сказать, деликатно,
Изысканно-вежливо, не беспросветно:
С большими площадками для передышки,
И так обходительны были, тактичны,
Услужливы, — волны, точнее, волнишки
Напомнив, — те тоже легки, симметричны
И закруглены, и, подбитые пеной,
В прожилках и пятнах, похожи на мрамор:
Приятно ступне, и не тяжко колену
И голени, держишься просто и прямо.

Да, кротость была в них, приветливо-милых,
И самоотверженность, — в жизни так мало
Её! Рассказать бы ещё о перилах
Я мог бы, да надобность в них отпадала:
Никто никогда не касался рукою
Их мраморной тоже, заветной прохлады,
Так были ступени надёжны, с такою
Проточной лентой, что, казалось, наяды
Могли в них плескаться, уступчивость — вот что
Пленило, воспитанность, если хотите,
И даже душа архитектора, точно,
Душа проступала, сияла в зените!

2000

ДОКЛАД

Не Татьяну Онегин любил, не Татьяну!

— А кого, разрешите узнать?

— Ольгу, не равнодушен к лицу её, стану,
«Хорошо, — говорю, — что не мать».

Он советует нам присмотреться к роману,
всё по пунктам готов доказать.

а) Онегин советует выбрать другую —
и неискренен этот совет.

б) не скажет же Ленскому он: я ревную,
ты играешь с ней в шахматы, ты не чужую,
ты свою съел ладью, ты — поэт,
ты в альбом её пишешь, а глупость какую
ты несёшь, романтический бред!

с) Онегин танцует и вальс, и мазурку
с Ольгой, с Ольгой на сельском балу!

д) Дуэль. Мечь такая не снилась и турку,
и погрязшему в кознях и зле Петербургу,
автор, сидючи в псковском углу,
издевается: снять надо с замысла шкурку
и проникнуть в сердечную мглу.

И снимают, сдирают, по Фрейду и хуже.

Проговорки Онегина. О,
речь его, буква «о», буква «л»; неуклюже
прячет он свою страсть, о Мадонне к тому же,
небосклоне сказал, каково!

О луне, то есть выдал себя, обнаружил,
только Ленский не понял его.

Грустно. Снег развернул свои белые сети,
заметая деревья, дома...

Можно перевернуть всё, что хочешь, на свете,
опрокинуть, — мы злые, опасные дети,
не поможет и солнце ума,
вот и эти доклады, рецензии эти,
глупость, злоба, и зависть, и тьма!

2000

* * *

Зачем это пышное богослуженье,
Неужто нуждается Он в славословье?
Неужто на троне сидит в окруженье
Апостолов, как это, скажем, Прасковья
Себе представляет, на троне, веками,
По-царски, на троне, очей не смыкая,
Меж яркими звёздами и облаками,
Похож на кого, на царя Николая?

Зачем Ему наша хвала, песнопенье
И вечная эта Осанна и Слава?
Любой бы, и самый тщеславный, в смущенье
Пришёл бы, на троне, ведь это отравя,
На троне, — захочется в кресле, на стуле,
На старом диване и в дачном шезлонге,
И втайне, и чтоб никого в карауле,
А только шиповник да ели в сторонке.

2001

* * *

Все тайны, конечно, хотят быть раскрыты —
И в этом их, может быть, главная тайна.
Шкатулки... обмолвки... могильные плиты
И вечная, томная рифма: случайно!
А если, увы, не представился случай
То лет через сто никому нету дела
До тайны, когда-то постыдной и жгучей,
Сама виновата: так тихо сидела!

Все умерли: недруг, и друг, и приятель,
Истлела завеса, разохлась кулиса...
Теперь ею занят лишь гробокопатель
И специалист, лишь архивная крыса.
Писала ли Гервегу письма Наталья?
Писала! Ты скажешь, что Герцена жалко,
Но Герцен есть Герцен, а Гервег — каналья,
И пусть лопухом зарастёт перепалка.

2001

* * *

Когда бы Дантовы до нас черновики
Дошли, как русскому то грезилось поэту...
Нет, лучше тёмного не видеть дна реки,
Весь сор, все камешки, песок и глину эту:
Никто ж за скульптором тот мрамор, что отбит,
Отвергнут, выдолблен, изъят, не подбирает, —
И смотрит в сторону чуть-чуть его Давид
И даже, кажется, искусство презирает.

2001

* * *

На расстоянье, видимо, лет в сто
Никто из нас бы гения в обиду
Не дал, купил бы шубу и пальто,
Вступился бы всерьёз, а не для виду,
И, слушая, поди, в десятый раз
Любимую свою, сороковую,
Ты говоришь, что Моцарта бы спас,
Не дал бы умереть ему, любую
Нашёл бы сумму, вылечил, служил
Ему, у ног лежал бы, как собака.
У Моцарта была собака, выл
Пёс, шёл за гробом, полный слёз и мрака,
На кладбище остался под дождём,
Домой не шёл: разлука не под силу,
И землю рыл, и умер тем же днём,
И сброшен был к хозяину в могилу.

2001

ТРЕТЬЯ ПЛАТФОРМА

Не Вырица даже, а третья платформа
За Вырицей. Что за название: «Третья
Платформа»? Увы, не хватило на эти
Платформы названий — и стали, как норма,
Привычны затерянность и неудобство.
Я даже подумывал новую школу
В поэзии так окрестить — и сиротство
Её подчеркнуть, новизну и крамолу.

Невнятность её и туманные цели,
Не надо величия замысла, что вы!
Я стал бы её основателем, ели
И сосны служить мне казались готовы;
Не надо иллюзий: собаки да козы.
С чего вы решили, что вы виноваты?
Лишь дикий шиповник, да летние грозы,
Да столик на дачном участке дощатый.

Пишите как хочется! Нет ни литфонда,
Ни дач государственных, ни государства,
На просеку выедешь — до горизонта
Глухое, родное, еловое царство,
Народ, выпивающий в праздник и в будни,
Вон в мшистой канаве лежит представитель.
Прекрасная школа! Чем школа безлюдней,
Тем лучше: ты сам ученик и учитель.

2001

* * *

Всё кажется, что в синем балахоне
С утра пораньше гость пришёл — и ждёт
В саду, пока хозяин не проснётся.
Люпины — тёмно-синие тихони.
Лилово-нежный тоже им идёт.
Стоит такой весь день, не шелохнётся.

Припомнишь флорентийскую весну.
А если быть в Италии весной
Не довелось, то видел на полотнах
Такую синеву, голубизну.
Ещё свежо, ещё не давит зной,
Ещё нет лиц лоснящихся и потных.

Не важно, где живёшь ты: где б ни жить —
Приходит радость в гости, — были б силы
Ответить на привет её, с крыльца
Спуститься к ней, тайком поговорить,
Забуть про тьму и свежие могилы,
Настойчивую тень стереть с лица.

2001

* * *

Иногда собаки, и правда, с такой тоской
И смятеньем глядят нам в глаза, иногда вороны
Так умны, словно поняли басню, — и смех людской
Их обидел, у них, так сказать, есть свои резоны,
Иногда кошка так поглядит, словно всё про нас
Знает, лошадь посмотрит цыганская как философ,
Словно жить на земле им случилось уже не раз
И несчётное множество горьких задать вопросов.

Иногда понимаешь, что разум вокруг разлит
По большим черепакам и по хрупким, миниатюрным,
Как по вёдрам, кувшинам, стаканам — и в них блестит,
Быть начитанным? — да! как сосед говорит, культурным,
Но важней интуиция: Павел Кузьмич, смотри,
Как задумался Тузик, пушистым хвостом виляя:
Разве справочники объяснят ему, словари,
Отчего всё так грустно, откуда тоска такая?

2001

* * *

Трудно представить такое бюро
Потустороннее, где бы за гробом
Нам возвращали земное добро,
Бедным растяпам, несчастным растрёпам.

Вот ваши галстуки, ваши часы.
Ваша любовь, — докажите, что ваша,
Синие вспышки во время грозы,
Галечный шорох пицундского пляжа.

Что это? Кладка кирпичной стены
С чёрным на ней безобразным подтёком,
Рядом с которым нам были даны
Клятвы блаженные в мае жестоком.

Трудно представить всемирный такой
Стол аккуратно лежащих находок
В узких ячейках, всегда под рукой
У недоверчивых нескольких тёток.

В синих служебных халатах, — приют
Сумок, перчаток, зонтов, расписаний,
Вот распишитесь, — и вам выдают
Горы восторгов и груды страданий.

2001

* * *

Баратынский не менее трёх гостей
Приглашать нам советовал и не более
Девяти. Так воистину веселей, —
Это опыт его, а не своеволие.

Минимум трёх гостей, по числу харит,
Девять максимум, мненье своё каменами
Подкрепляя; был мрачен, но деловит.
Вёл хозяйство, интересовался ценами.

Мы проверили: он, безусловно, прав.
Позовёшь одного или двух — в прострации
Мысль сникает, горячности недобрав.
Понимаешь: наверное, мстят три грации.

А когда пригласишь больше девяти
Человек, с чуждыми их мечтами, вкусами, —
Шум такой, — вообще здравый смысл, прости!
Сразу видно, что надо считаться с музами.

2001

* * *

Я их знаю, любителей самых
Мрачных выводов: жизнь не мила.
Что же надо им в сплетнях и дамах,
Звоне рюмок и блеске стола?
Почему они вина смакуют,
Руки так потирают, скажи?
Тем мрачнее скорбят и тоскуют,
Про обман говорят, миражи.

Мне бы так, как они, разбираться
В табаках и сортах коньяка
И в меню глубоко погружаться,
Про себя улыбаясь слегка.
Между прочим, немецкий философ,
Пессимизмом смутивший свой век,
Тоже в жизни вальяжен и розов
Был и благ не чуждался, и нег.

Я их знаю, любителей фразы,
Спекуляций на горе и зле,
Но цветок полевой, желтоглазый
Значит больше на этой земле
И в несчастье скорее поможет,
Так на летнее солнце похож.
С обобщеньями он осторожен,
В философские дебри не вхож.

2002

* * *

Начнёшь рассказывать о тех, кого застал
В туманной юности, о той, кто величавей
Всех и умней была, — и в голосе металл
Времён почудится, о подвигах, о славе,
О воскрешении стихов из праха, — тьма
Не поглотила их, о возвращенье слуха,
О том, что вечная вдруг рухнула зима,
Любви, искательстве, вражде и силе духа.

Начнёшь рассказывать о слепоте богов, —
Их милость ветрена и грубый нрав неистов,
О выступлениях в ДК пищевигов,
Приказе цезаря стать лагерем над быстрой
Рекой и варваров, в железные тиски
Зажав, теснить к горам... Нет, я к таким рассказам
Не склонен, прошлое — прилив сплошной тоски,
И приступ слабости, и призыв лжи — всё разом.

2003

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

Этот автор, которого я не любил потому,
Что ещё не дорос до него, нынче нужен уму
Моему, я считал его критиком слабым, поэтом.
Хорошо, что успел, прежде чем погрузиться во тьму,
Ещё раз обратиться к запискам его и заметам.

И теперь, даже если за гробом решительно нет
Ничего, всё равно я взволнован, сказать ли, задет
Им, и мнится, не так тяжела беспросветная глыба;
Если ж там, как он думал, сквозь тьму пробивается
свет,
Я смогу подойти и сказать ему тихо: спасибо.

2003

* * *

Если душа живёт и за смертной, глухой чертой,
Значит, Шекспир прочёл, что о нём говорил Толстой,
И Еврипид узнал, как его раздраконил Ницше:
Враг Диониса, насильник, отступник, такой-сякой,
Дух растоптавший и музыку погубивший.

Так что не очень-то сладко в загробных краях душе:
Ревность, досада при ней, и, не видя конца обидам,
Отдохновение в ласточке ищет опять, в стриже.
Вот и N. N. (кто бы ни был он) слышал не раз уже,
Как ты о нём, об умершем, с решительным судишь
ВИДОМ.

2003

БОЛЬШИЕ МОРОЗЫ

Большой мороз напомнит детство.
Сверкайте, зимние дворы,
Лютуй, спасительное средство
От дисциплины и муштры,
Листайте, белые метели,
Свою контрольную тетрадь!
В окно на градусник смотрели:
Какое счастье: двадцать пять!

Сидеть за партою не надо,
Глядеть на сталинский портрет,
Что привлекателен для взгляда,
Но год за годом, столько лет!..
Ликует школьная Эллада,
Свежа, как яблоко ранет.

Блестят фасады, как утёсы,
Киоск щетиною оброс,
Никто в стране не верит в слёзы,
Большой проспект, большой мороз.

На тумбу шапочка надета
Из помутившегося льда.
Лет через десять у поэта
В стихах прочту, что мы тогда
(Для детства нормой было это)
«Вжились в такие холода...»

2003

* * *

«Так мы с тобой на Кипре, Дездемона!»
Как эта фраза весело звучит!
Сверканье волн, пыланье небосклона,
Прибрежных скал лоснящийся гранит,
Фортификационные причуды —
Венецианской школы образцы —
Клешни, подковы, дамбы и запруды,
Стен крепостных бойницы и зубцы.

Сухой платан касается балкона
И сбрасывает на него кору.
«Так мы с тобой на Кипре, Дездемона!»
На островном порывистом ветру!
На этом кончим гибельную пьесу,
Свернём в кривую улочку вдвоём,
Не потакая злему интересу,
Из кассы деньги зрителям вернём.

2003

* * *

Евгению Рейну

Не люблю Переделкина: сколько писателей в ряд
Там живут за заборами! — стих заикается мой, —
Но осинник, ольшаник, боярышник не виноват,
Пастернаковской дачи блаженный сквозняк полевой.

Впрочем, поле застроят коттеджами; станет совсем
Грустно: смерть-землемерша с подрядчиком
спилят кусты —
И ни кочек, ни ям, ни волшебных евангельских тем,
Улетят трясогузки, исчезнут, обидясь, кроты.

Я любил — и в Москву приезжал в прошлом веке: порой
Назначалось свиданье на улице где-нибудь мне,
Звёзды были настроены против — и нехотя в строй
Становились, себе на уме, безразличны вполне

К нужной конфигурации, не поощряя мечту.
И однажды, когда не сдержать было сумрачных слёз,
Друг Евгений сказал: «Александр, прекращай ерунду», —
И меня от любви в Переделкино на день увёз.

И спасибо ему за решительность мягкую ту.

Здравствуй, здравствуй, осинник, ольшаник, лесной
бурелом!
Что покатай холма, что еловой темней бахромы?
Мастер помощи скорой в заветный привёл меня дом
И вдове его сына «Наталья, — сказал, — это мы».

Лет на двадцать бы раньше явиться сюда, поглядеть
На хозяина... Что ты! И в горле б застряли слова,
И смертельно в том возрасте я умудрялся бледнеть,
Безнадёжно молчать. О, шаги моего божества!

Походили по комнатам солнечным, полупустым,
Посмотрели на стулья, на кресло, на письменный стол.
Женя шкаф отворил, шкаф вместительным был, платяным,
Кепку с полки достал и, безумец, ко мне подошёл

И, насмешник, с размаха едва не надел на меня.
Я успел увернуться — а то бы рассказывал всем —
И глаза бы его пламенели, два чёрных огня!
Мономахова шапка, Ахиллов пылающий шлем!

Вот такая ловушка с его стороны, западня.

А хозяин с портрета смотрел мимо нас в никуда,
На пиру у Платона, в заоблачном мире идей...
Жизнь прошла. Подошли мы к черте. Роковая черта.
Тень заветная, может быть, нам улыбнётся за ней...

2003

* * *

Персидской сирени приказано в этом году
Цвести ослепительно-ярко.
А кто приказал, мы не знаем, гуляя в саду.
Как будто дарителя нет у подарка.

Безличная форма причастия слишком строга:
Приказано, велено, рекомендовано... кто же
За этим стоит, принимая решения?

Рука,
Мундирный обшлаг — и просители в пышной
прихожей.

Шалфей, одуванчики, крокусы, жимолость — все
В надежде и страхе; черёмуху под руки с плачем
Выводят: уже отцвела — и теперь на шоссе
Невзрачная пусть доживает под солнцем горячим.

Персидская в этом году торжествует сирень
Так пышно, что впору персидские миниатюры
Рассматривать, к ней забираясь в лиловую тень,
А Дарий и Ксеркс — её отпрыски и креатуры.

И что повелителям тем не пришлось под себя
Подмять, то сирени позволено круглоголовой,
Лилово-сиренево-розовой, жизнь возлюбя
В её либерально-прозападной сущности новой.

2004

* * *

Как я дружу, не пойму, с этим мрачным типом,
Мнительным, мелочным, можно сказать, унылым,
Деньги считающим, встречу с царём Эдипом
Не представляющим, ни, например, с Ахиллом,
Как не расстанусь с ним, пуганую ворону
Напоминающим, ту, что куста боится,
Нервничающим и крепкую оборону
Держащим: вдруг огрызнётся судьба-волчица?

Как это я с этим пасмурным, глуховатым,
Худшую сторону видящим в каждой вещи,
Дни провожу и послушно иду куда-то,
Как он берёт меня за руку, словно в клещи,
Как это я, выговаривая Платону
За государство его без поэтов, лажу
С этим угрюмцем нахмуренным, монотонным,
Как за столом с ним сижу и хожу по пляжу?

Как я терплю его, не оттолкну, не сброшу
В море с обрыва, когда он ослабит хватку?
Как я живу с этой тенью, таскаю ношу,
К ненависти не прибегну или припадку
Вспыльчивости? Убирайся, ты мне противен.
Я на тебя не похож, посмотри, как жадно,
Радостно я смотрю на сирень, на ливень,
Есть меж нас разница, есть — и она громадна!

2004

* * *

Я бы вёл семинар, посвящённый дубу,
А не дубу, так тополю или клёну.
Отказав в приглашении лесорубу,
Пригласил бы я иволгу и ворону,
Под углом своим каждая пусть расскажет
Про листвы шелестенье, ветвей скрипенье
И, задумавшись, крыльями быстро машет
И отстаивает свою точку зренья.

Представляю, как был бы доволен Рильке.
Мандельштам, с комментаторами поссорясь
И своё отменяя письмо в бутылке,
В лиственную смотрел бы на звёзды прорезь,
Потому что за словом чужое слово
Проступает, конечно, но шум и шорох,
Шевелящийся воздух — всему основа,
Сквознячок, раздувающий щели в шторах.

2004

* * *

Боюсь забыть, как жизнь бывала хороша,
Всем страхам вопреки, и сам с собой поспорю,
Как нравилось, спустясь с шестого этажа
Гостиницы, вдвоём пройти сто метров к морю.

Боюсь забыть, как прям и мрачен кипарис
И в мрачности своей угрюмо-романтичен,
И надо угадать, кто: Шелли или Китс —
Стихает к ночи в нём иль это щебет птичий?

Как обостряла слух во тьме чужая речь,
Какие корабли толпились на причале.
А если я скажу: игра не стоит свеч,
То значит, я забыл, как лампочки сверкали!

2004

* * *

По Адриановой вилле так долго бродить...
Странно, что нам предоставилась эта возможность.
Сам попросил император за нас, может быть,
Римских богов, гарантируя благонадёжность,
Или так на небе звёздный сложился узор?
Камни, колонны, кирпичная цепкая кладка,
Мрамор, ущерб и величье, развал и разор,
Замысел строгий и призрак былого порядка.

Ногу поставив на пыльный обломок былой
Славы, закуришь, — и в праздную эту минуту
Рок отодвинется, принято думать, что злой,
Но, согласишься, поощряющий нашу причуду,
И, озираясь, как Гёте, задумчиво здесь
Что-то сказавший, а что — я забыл — и не важно,
К сердцу прижму эту римскую славу и спесь,
Рухнула, сохлась, травой поросла — и не страшно.

Страшно, когда на живом говорят языке
Надписи эти и мечутся львы по арене...
(Гёте, проверю себя, в путевом дневнике
Всё это лучшим из римских назвал впечатлений.)
Страшно, когда это новое всё и блестит,
Прихоти эти, колонны, карнизы, капризы...
Что-нибудь каждый задумчиво здесь говорит.
Лучше всего здесь дубы, говорю, кипарисы!

2004

2145-й

Две тысячи сто сорок пятый год.
Поэт Бен Ладен и Саддам-философ
Сидят в кафе и ждут, что подойдёт
Гарсон. Гарсон подходит. Бледно розов
В Парибагдаде майский вечерок.
— Взгляни, Бен Ладен, на его рубаху
С арабской вязью!
Кофе нам и сок.
Скажи, гарсон, молился ты Аллаху?

— Молился утром, в полдень и сейчас
Пойду в мечеть, чуть позже, на закате.
— Отлично, мальчик!
Думаю, что нас
Он не читал. Как все, чуть-чуть фанатик.
А мне, Бен Ладен, местный фанатизм
Невозмогу — такое настроенье.
— Ты прав, Саддам, и в этом драматизм
Последних лет. — Прочти стихотворенье.

2004

* * *

На ярком ярлыке, на сложенной салфетке,
На чёрной даме пик, а лучше — на тузе,
Когда бумаги нет, на столбике в беседке,
Когда карандаши сломались в доме все,
На грифельной доске, на мраморной руине,
На спичечном во тьме дорожной коробке,
И на стене лесной сторожки, где вершины
Спят горные, с ночной звездой накоротке,
И перстнем на стекле оконном, и на фляге
Железной, — был бы нож карманный под рукой,
Когда темно, когда чернил нет и бумаги,
И рядом с нами спят, и жаль спугнуть покой.

2004

* * *

Прекрасная земля, которая милей
Мне всех других, что знал на белом этом свете.
Я карту начертил и крестиком на ней
Пометил те места, где на велосипеде
Всего счастливей был, — такая тишина,
Такой простор, леса дремучие такие...
Дороги заросли, исчезла та страна:
Ни я теперь в неё не въеду, ни другие.

Но знаю: холм тот есть, и знаю, есть тот дуб,
И вьётся тот ручей, и пышен тот малинник,
И я в своей душе им верен, однолюб,
Всё тот же странник я, всё тот же я пустынный,
И если я люблю Россию, боже мой,
Нельзя и прошептать такое вслух — услышит
Ревнивый кто-нибудь — так вот, обязан той
Земле я тем, что стих мой движется и дышит.

2005

КРОССВОРД

Кроссворд, как будто в нём паук
Сидит, раскинул паутину.
Я не запачкаю в нём рук,
Я с ним газету отодвину.

Пускай на отдыхе банкир,
Пусть секретарша на работе
Так обретают Божий мир
В его словесном развороте.

Они соскучились без слов.
И анонимный комбинатор
Шутя подбросить им готов
Хоть Аргентину, хоть экватор.

Ты кто? — Я слово из восьми
Букв, не умеющее сбыться,
Но выданное меж людьми
За строгий факт. Ты небылица?

Сидят, кивают головой,
Слова расписаны по клеткам
Вне интонации живой,
Вниманья к чашкам и салфеткам.

И я подумал, что на них
Похож усидчивый филолог,
Когда рассматривает стих
Как сумму тайн и недомолвок,

Где в массе лишней шелухи
Найти орешек надо твёрдый...
Я не хотел бы, чтоб стихи
Разгадывались, как кроссворды.

2005

* * *

«Стали жить поживать да добра наживать».
Интересно, какого добра?
Неужели диван? неужели кровать?
Неужели подушек гора?

А с другой стороны, почему бы и нет?
Или хочешь, чтоб это добро
Так же иносказательно было, как свет,
И белело, как птичье перо?

Но земная любовь наяву — не во сне —
Многотрудна во все времена,
И волшебна народная сказка вполне
И, как видишь, практична она.

2005

* * *

Сверкает море — взгляд не отвести.
Стеной зубчатой встали кипарисы.
Гора лежит медведем на пути,
Блестят её скалистые карнизы,
А шерсть на ней свалялась от жары,
Круты её тропинки, прихотливы.
Какие открываются миры
С неё, другие скалы и заливы!
Она уже зарылась в полумглу
Вечернюю, бока её остыли.
И, проходя, завидуешь тому,
Кто на её краю лежит в могиле.

2005

* * *

Море плескалось в балконном окне
Чуть ли не явственней, чем под балконом.
Не было комнаты. Выбора мне
Не было в синем и ярко-зелёном.

Волны ходили по жизни моей
С синим отливом, с зелёным коварством:
Донные травы и тени камней.
Жизнь представлялась затопленным царством.

Надо нырять, чтоб увидеть на дне
Стол, телевизор, колонны, ступени,
Статуи, спящую на простыне:
Волосы, руки, купальник, колени.

2005

* * *

По тому, как, рубашку надев,
Заменяю рубашку на свитер
И смущаюсь, себя оглядев:
Где я так износил его, вытер?

По тому, как, решив его снять,
Заменяя на ту же рубашку,
Сомневаюсь и медлю опять,
Совершить опасаясь промашку,

По тому, как из двух пиджаков
Надеваю зелёный, нет, синий,
По тому, как я выйти готов
Без ключей и, вернувшись за ними,

Вспоминаю, что надо платок
Носовой захватить и, похлопав
По карманам, ищу кошелёк
И, найдя, говорю: «Я потопал»,

Ты бы мог обо мне, муравье,
Впечатленья составить не хуже,
Чем о рыбах и птицах — Кювье,
Допотопных своих, неуклюжих,

И, в душе справедливость любя,
Окажись ты при этом спектакле,
Ты во мне, может быть, и себя
Мог узнать бы, — мы вымрем, не так ли?

2005

* * *

Любите Альпы, ради бога,
Вогезы или Кордильеры,
И то сказать, на свете много
Гор, но никто такой карьеры
Не сделал ни в стихах, ни в прозе,
Как, может быть, Кавказ — и в этом
Заслуга ездивших в обозе,
Иль с батареей, или следом
За русской армией, иль с нею
В передовой пехотной части.
Причислить я себя не смею
К ним, но подвержен той же страсти
С тех пор, как детские печали
И восприимчивое чтение
Моё — кавказские венчали
Вершины — блеск и загляденье!

И не отнять их у сознания,
Как невозможно те страницы
Вдруг взять и выдрать из издания
И погасить в стихах зарницы
Или Казбек завесить шторой,
Убрать кремнистую дорогу,
Где брёл, позвякивая шпорой,
Поручик, душу вверив Богу,
Жизнь и должна быть всё печальней,
Её поверхность всё незримей,
И неизвестно, что реальней,
Какой Кавказ неотразимей...

2006

* * *

Потому, может быть, и великий
Этот город, что в сумерках пряча
Нас, рассчитан на громкие крики,
Для рыдания создан и плача.

Там, в Европе, рыдать — некрасиво,
Слишком узко на улицах, тесно.
А у нас не услышать надрыва
На Обводном, на Пряжке безвестной.

И на Карповке тоже неплохо,
Там, где сад Ботанический, тёмный,
И на Невке Большой — без подвоха,
И на Малой, безлюдной, укромной.

Я могу тебе дать и поближе
Адресок, на Неве, за Шпалерной.
Боже мой, для того, кто обижен,
Этот город и создан, наверно.

Для того, кто пугливее тени
И несчастнее раненой крысы.
Что за ужасы! Бедный Евгений,
Секретарши, портнихи, актрисы.

Говорю, потому что я знаю,
Потому что я прожил большую
Жизнь, и часто ходил в ней по краю,
И обжёгся, и на воду дую.

2006

* * *

Я открыл окно: пускай проветрится.
Дым уйдёт, а в комнату влетит
Стрекоза — шептунья и советчица —
И курить мне строго запретит.

Дикий зверь, разведчица и хищница,
Как она в больших своих очках
Мечется по комнате и тычется
И потом дрожит в моих руках!

Я и сам боюсь её, лазутчицу,
И в окно выбрасываю: треск
Стрекозиный долго будет чудиться,
Слюдяной, изжёлта-жирный блеск.

А в её такой короткой памяти
Приключенье это как-нибудь
Отразится? Больше не заманите
В комнату с размаха заглянуть.

Никогда! Иль есть места дремучие
У неё, такая тень и мгла,
Где б она о диком этом случае
Рассказать кому-нибудь могла?

2006

* * *

На живопись времени много не надо:
Взглянул — и опешил. Вот райского сада
Фрагмент — и не важно, что это не сад,
А, скажем, портрет, от которого взгляда
Нельзя отвести, или старый халат.

А музыка требует времени, чтобы
Повторы её оценить и синкопы,
Мелодию, если мелодия есть.
Сумбур вместо музыки — случай особый,
И можно его иногда предпочесть.

Стихи же ни то, ни другое: не зренье,
Не слух, а прямое к душе обращенье
В обход приблизительных органов чувств,
И кажется: стану загробною тенью —
И лучшим его назову из искусств.

2006

* * *

А цветок ваш любимый? — Шиповник.
Потому что не нужен садовник,
Сам растёт, разрастается вширь,
Нашей лени первейший пособник,
Проводник по тропе, поводырь.

Красно-алой и розовой масти,
Он раскинул колючие снасти,
Сладкий запах помножив на цвет,
И читает «Введение в счастье» —
Курс, которому равного нет.

2006

* * *

Любовь кончается. Откуда этот странный
Закон убийственный? Держись. Не верь ему.
Ведь не физический закон, природой данный,
Как смерть, ведущая в беспмятство и тьму,
Иль притяжение земное. Как с уроном
Таким смириться нам, спустить на башне флаг?
Добро б под яблоней он был открыт Ньютоном,
Нет, трус нашёл его, твердит о нём пошляк!

Люблю. Под облаком, задумчиво летящим,
И ночью, запахом омытой маттиол,
В бегущем времени, бесстрашном, настоящем!
В прошедшем времени безмолвствует глагол,
В нём нет мне радости, как в прошлогоднем снеге.
Знать, что ты делаешь, на что глядишь, грустна,
О чём ты думаешь... Я сторонюсь элегий.
Любовь бессрочная и вечная весна!

2006

ФОТОГРАФИЯ

Владимир и Вера — две тени
Сидят на балконе, вдали
От бедности и злключений
Заснеженной русской земли,
Исаакиевского собора,
И Мойки, и Малой Морской,
Склонившись, как два гренадёра,
Над шахматной тесной доской.

Над озером сонным Женевским,
На фоне альпийских вершин,
В то время, как солнечным Невским
Иду я вдоль бедных витрин,
Сидят на манер невидимок,
Не зная, как буду я рад
Разглядывать тот фотоснимок,
Их лица и летний наряд.

Швейцарскую мглу небосклона,
Игру их в четыре руки,
Узорную раму балкона,
Отростки её, завитки.

Я тоже об этом не знаю.
Мне нет ещё и тридцати.
Я «Дар» с удивленьем читаю.
Не правда ли, всё впереди:
Биографы, их вероломство,
И сплетни, и все интервью,
И, может быть, наше знакомство
В каком-нибудь лучшем краю.

2006

ВОЛШЕБНЫЙ КОРАБЛЬ

Команду бы набрать из Байрона и Пруста,
В неё бы Ренуар вошёл и Клод Моне,
И Шелли на волне морской, приди он в чувство,
Был поднят бы на борт и подошёл вполне,
Они бы пригласить могли Хемингуэя
И Тёрнера с его любовью к парусам,
Что дышат у него, светясь и пламенея,
А вспыльчивый Рембо к ним попросился б сам.

И русская была б там секция, где, к мачте
Прижавшись, Батюшков стоял бы, всем чужой,
Оплакивая тень: вы тоже, музы, плачьте!
И Пушкин был бы рад собратьям всей душой,
То Тютчеву кивнув, то руку Мандельштаму
Протягивая: тот губами б к ней припал
В смятенье и слезах, и ветер панораму
Морскую б за кормой слегка приподнимал.

2006

* * *

От скучных книг придёшь в отчаянье —
Плохих стихов, бездарной прозы.
О, запустенье, одичание
И безутешные прогнозы!

Но сад, заглохший и запущенный,
Хотя бы стар и театрален,
А с чтением сумеречным, в сущности,
Ты сам размыт и нереален.

Тебя мутит, душа подавлена,
Как будто ты её обидел,
Глядит угрюмо и затравленно,
Как в ссылке сосланный Овидий.

Как он там, бедный, жил без чтения,
Стучал клюкой в гранитный жёлоб:
Врача, советчика, забвения,
С подругой-книгой разговора б!

2006

* * *

Все эти зеленыя, увалы и отлоги,
Что Пушкин знать не знал, встречались по дороге
Ему, лощины те, и взмёты, и жнивья.
Они ещё войдут в приметливую прозу,
Наскучат нам ещё, и выстрел из ружья,
И тетерев, мешком упавший под берёзу.

Всё это столько раз пересечёт сюжет
И так загромоздит его, что смысла нет
Теперь вникать в рассказ; сиреневым исподом
Земли свою любовь предъявят к мужику.
А Пушкин всё равно сильней любим народом,
Хотя и не считал себя пред ним в долгу.

2006

* * *

Киммерия, а где это? Я не помню.
На границе гомеровских представлений
О пределах земных. Как в каменоломню,
Одиссей там спустился во мрак осенний,
Ибо на весну не похож загробный
Край, — так холодно, пасмурно в нём, уныло.
Говорил сочувственно и подробно
С тенью Агамемнона и Ахилла.

Первый только вздохнул, вспоминая Трои,
Жаловался на происки и коварство
Тех, кто после войны отплатил герою
Тем, что отнял и жизнь у него, и царство,
А второй уверял, что любой подёнщик,
Перепаханный в глине, счастливей тени,
Потому что рубаху его полощет
Ветерок и клубятся кусты сирени.

И ещё там была одна тень, с которой
Гость попробовал заговорить — не вышло:
Потопталась за тьмой она, как за шторой,
Не дослушав его, отошла неслышно:
Не простил Одиссею Аякс обиды,
Это лучшее место во всей поэме,
Обесчещены можем мы быть, забыты,
Но за гробом опять мы с мечом и в шлеме.

2006

ПРОЩАЙ, ИСТОРИЯ...

Прощай, история! Ты мучила нас долго,
Твой смысл упрятан был, как в душный стог иголка,
Порой казалось нам, что мы его нашли.
Фуражка виделась, ушанка, треуголка,
За революциями следом войны шли.

Мы Маркса с Энгельсом штудировали рьяно,
Ключевский перечнем томил кровавых драм,
Читали Тарле мы и даже Эйдельмана,
И взор туманили примерно пополам
Закономерности с подробностями нам.

И было жаль чуть-чуть нам греков, и этрусков,
И римлян, может быть, как крабов и моллюсков,
Не знавших, в стадии какой они живут,
Любя жемчужины, ценя гончарный труд,
Торс атлетический и икроножный мускул.

И вдруг ты выдохлась. Пришли тебе на смену
Землетрясения с тайфунами. На сцену
Как будто заново явился древний Рок.
Несёт обломки вихрь по улицам и пену.
Природоведенье — вот наш теперь урок.

2006

СЕМЬ ЧУДЕС

Я. Гордину

Попробовали вспомнить семь чудес
И вспомнили сады Семирамиды,
И Фидиев бог-громовержец Зевс
Был назван, и, конечно, пирамиды,
А дальше — стоп! Я вспомнить бы Эфес
Мог и руины храма Артемиды —
Не вспомнил, а ведь видел их; колосс
Родосский — да, конечно же, ещё бы!
И всё. Энциклопедию пришлось
Открыть — и там нашли мы, недотёпы,
Маяк александрийский, что возрос
Всех выше: что в сравненье с ним циклопы?
Сто восемьдесят метров высотой!
И, наконец, надгробие Мавзола
В Галикарнасе. Значит, он седьмой.
Восьмого нет. Как нет? А наша школа,
Где я учился десять лет, Большой
Проспект, и двор, и детского футбола
Возня и крики, тополь во дворе
И школьных сумок брошенная груда,
Когда всё это было? На заре
Сознания. Пахнет холодом оттуда
И древностью... Портреты в букваре...
А мавзолей... и это ли не чудо?

2006

* * *

Мы поспоримся вновь и помиримся.
Отвернёмся на миг друг от друга —
И, как после разлуки, увидимся.
Ссора вроде тоски и недуга.

Ты чуть-чуть изменилась, мне кажется.
— Стала хуже? — Нет, лучше, красивей.
Узелок сам собою развяжется.
Мглистый цвет заменила на синий.

Это ж надо так страшно соскучиться!
Где я был? Я не помню, неважно.
Мир безлюден, размолвка — разлучница.
Ты не можешь представить, как страшно!

Словно гордые всадники спешатся
И пойдут осторожно под горку.
Разве милые ссорятся? Тешатся.
Так и есть. Я люблю поговорку.

2006

ВОРОНА

Ночью ворона ходила по крыше,
Хлопала крыльями, била хвостом.
Мыши скромнее ведут себя, тише.
В этой — надрыв есть какой-то, излом.

Кроме того, поставщица кошмара,
Страха подруга, напарница зла,
Эта прочла про себя у Эдгара
И полюбила своё амплуа.

Что она делала — чистила перья,
Ссорилась с духами ночи и тьмы?
Так и растут, между прочим, поверья,
В жгучей тоске просыпаемся мы.

Так просыпаются страшные вещи,
Нами забытая всходит вина,
И на постели дрожит и трепещет,
Нас обнимая, Селена-луна.

Может быть, эта ворона записку
Нам принесла и под шифер её
Спрятала, верная долгу и риску,
Слово сдержав перед мёртвым своё?

2006

ТЕНЬ

В Таврическом саду моя пребудет тень.
Я чаще здесь гулял, чем кто-нибудь из прочих
Поэтов. Блок бывал здесь, но не каждый день:
Раз пять, быть может, шесть; Ахматова не очень
Любила этот сад, поскольку Гумилёв
С хозяином, увы, не ладил с круглой башни;
Претендовать Кузмин на это место б мог,
Но он предпочитал другой, в котором шашни
Игривые в своей «Форели» описал:
В Таврическом саду огреть за это палкой
Могли, а то и вслух сказать: «Каков нахал!»,
Петлица пострадать могла с ночной фиалкой.
Вот Анненскому я чугунную скамью
Поставил бы в саду, а сам убрался б к чёрту,
Да в Павловске ему привычней к забытью
Клониться и внимать рояльному аккорду.
Сад сумрачен, ему разбросанность к лицу,
Не вытянут в струну, не чахлый он, не узкий,
Мне нравится, что он разбит по образцу
Английскому, а не расчерчен по-французски,
Что светел он, тенист, неровен, кое-где
Взбирается на холм, спускается в низину,
Что уточек скользит армада по воде,
Безмолвен старый дуб и гол наполовину.
Итак, придётся мне свою оставить тень
В Таврическом саду, а памятник в сравненье
С ней — пошлость, ерунда, бесстыдство, дребедень:
Сирень не приведёт весной его в волненье.

2006

* * *

Кто душу назвал пауком? Гераклит.
А тело сравнил с паутиной.
За что на неё он так страшно сердит?
И врач-психиатр его мысль подтвердит
Своей саркастической миной.

Я не поленился и в книге нашёл
Скульптурный портрет Гераклита.
Итак, бородат, волосат, полугол,
И взгляд неприятен, пожалуй, тяжёл,
И в каменных складках хламида.

А как же душа и скептический взгляд
На эту субстанцию? Явимся в сад
Загробный, поверив в спасенье:
Висит паутина, и нити блестят,
Снуёт паучок — загляденье!

2006

В ВЕЧЕРНЕМ СВЕТЕ

Сесть на велосипед,
Поехать, куда глаза глядят.
Жёлто-смуглый, вечерний закатный свет,
Придорожных кустов позлащённый ряд.

Каждый камешек счастлив отбросить тень,
Как мала б она ни была.
Торжествует лень —
И поэтому в мире чуть меньше зла.

Цезарь Борджиа в этот закатный час
Не подсыплет яд никому в бокал,
И не то чтобы он устыдился нас,
А задумался и устал.

И Нерон поджечь в этот вечер Рим
Не велит: подожжёт в другой.
Он притих, что не часто бывает с ним,
И струну теребит рукой.

Сталин тоже на даче смешит друзей,
Говорит: ты бы сел, кацо, —
И под задницу Молотову скорей
Подложить норовит яйцо.

Ах, какой покой,
Как трава выбивается из-под плит!
Я уверен, что я не один такой —
Все такие, всех луч сплит.

Меланхолия в воздухе разлита,
Сожаление о былом.
Где наивность, невинность, сердечность та?
Присмотрись: вон за тем углом!

2006

* * *

Распахнуты двери веранды.
Не знаю, куда я плыву,
Один, без руля и команды,
Почти завернувшись в листву.

Не помню, когда это было,
Но так же в ночной полутьме
Я плыл, навалясь на перила,
Один, на открытой корме.

Не мысль, не мечта, не смущенье,
Не знание, не выводов ряд, —
Правдивей всего ощущение!
Деревья, как море, шумят.

И ель представляется взгляду
Волной крутобокой в Крыму,
И если увижу Дриаду,
То за Нереиду приму.

2006

* * *

На столе у поэта должно быть пусто.
По возможности пусто. Чтоб не смущали
Вещи, не отвлекали ни мысль, ни чувство.
Слово — мера всего, и оно — вначале.

Впрочем, если нагряться в музей-квартиру,
Мы увидим подсвечники и чернильный
Допотопный прибор, заменивший лиру,
Неподъёмный, как памятник надмогильный.

И какой-нибудь камешек, будь то гравий
Или кварц, что с садовой был взят дорожки.
И лицо его музы в простой оправе,
И забытые в спешке её серёжки.

А ещё две-три книги... или четыре?
Или пять? Хорошо, что не сразу десять.
Он бы их не читал, да собрат по лире
Их прислал — и мешают свободно грезить.

В тесной вазочке зимние иммортели,
Летом — розы. Отметим бутылку и кружку.
Вот поэтому он и писал в постели,
Изловчась и поставив стоймя подушку.

2006

* * *

Я в зоопарке не был столько лет —
И вот зашёл: о, тигр, о, слон, о, львица!
Чего-чего, а пошлости в них нет.
Они б не стали прыгать и толпиться
Перед эстрадой с Мэнсоном на ней
Иль Джексоном, иль нашим идиотом,
Орущим тем безумней, чем страшной
Лицо его с клиническим налётом.

Волкам не снился дикий этот пыл.
Они б отсюда с ужасом бежали.
Да, ты напрасно Моцарта любил.
Нет ни любви на свете, ни печали.
Спасите зайца, чахлую лису
С повадкою их милой, полудетской, —
Пускай они опомнятся в лесу.
На площади страшнее, чем в мертвецкой.

Скажи, что с человечеством стряслось,
Случилось? Есть ли выход? Я не вижу.
Обида закипает. Душит злость.
Мне хочется в клочки порвать афишу,
Что, право, не похоже на меня.
Но кажется, что общая могила
Приблизилась: ну, день, ещё два дня,
От силы — три... Или всегда так было?

2006

ДУБ

Разбей мой истукан, Рашет!..
Державин

Рухнул державинский дуб,
Не одолел урагана.
Чёрный топорщится труп,
Рваная колется рана.

Только что был он живой —
Ствол запрокинул и крону,
Сумрачный, трёхвековой,
Лёжа, похож на колонну.

Жёлтые рёбра торчат
И лучевидные кости.
Кажется, на землю ад
Вышел и ломится в гости.

С тросом и бензопилой
В робе — оранжева роба —
Бьётся над ним монтажстрой,
Словно агенты у гроба.

Надо бы вызвать сюда
Батюшку в рясе с кадилом.
Не говорите: беда! —
С жаром притворным и пылом.

Вспомнить бы несколько строк
Тут про его истукана,
Взять бы на память листок —
Да не ухватишь с экрана.

Всё, он уже не жилец, —
Бедный обломок, огрызок.
Ты говоришь, что конец
Нашей поэзии близок.

2006

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЧУДАКОВА

Воистину из равнодушных уст
Я смерти слышал весть — и ранен ею
Был и не мог не выдать горьких чувств.
Предупредить нельзя же: побледнею
И пошатнусь. А я и побледнел
И пошатнулся. Бедный собеседник
Мой был не рад, что новость не сумел
Скрыть от меня, нечаянный посредник
Меж мной и тем — не знаю, как назвать —
Зияньем, брешью, трещиною этот
Кошмар? Где друг мой, ум его и стать?
Что я мелю? Его научный метод,
Не метод, нет, улыбка и статьи
О Чехове? О Господи, другое
Хотел сказать я в страшном забытьи —
Слов не нашёл. Притих. Махнул рукою.

2006

МАРТ

Это лучшее время года.
Всё ещё впереди. На старт
Лишь выходит ещё природа.
Так и надо смотреть на март.

Дни светлы уже, снег с отливом
Голубым, а не мгла и хмарь.
И велит тебе быть счастливым,
Несмотря ни на что, Грабарь.

В тысяча девятьсот четвёртом,
Между прочим, велит году,
Нерушимом ещё и твёрдом,
Но скользящем уже в беду.

Тем не менее, в самом деле
Ни один из апрельских дней
Не истрачен ещё. Метели
Всё конфузливей и светлей.

Хорошо мне в твоей лакуне,
Майский дремлет ещё азарт,
Я-то с летом уже в июне
Начинаю прощаться, март!

2006

* * *

В этом году торжествуют фиалки,
Ими канавы усыпаны все,
А незабудки примяты и жалки
В вырицкой нашей лесной полосе.
В прошлом году почему-то иначе
Было; не знаю, какая тут связь;
Бог ли такие решает задачи,
Тех поощряя, на этих сердях?

2006

* * *

Не скифы мы, не азиаты мы!
Сюртук да бант на снимке у поэта
Вот уж никак не взяты им займы, —
Беспорный знак, спасительная мета.

Не узкие у нас глаза, не скиф
Глядит, а сын профессорский, курчавый,
Использовавший допетровский миф
В припадке острой боли — не забавы.

Потрогай скатерть, бархат бахромы,
Нарцисса в вазе стан продолговатый.
Не скифы мы, не азиаты мы!
Хотя, конечно, скифы, азиаты.

Нельзя стихи железные писать.
Я вас боюсь, размашистые строки!
Уйми тоску, одумайся, присядь,
Не называй решительные сроки.

У нас есть опыт мёрзлой Колымы,
Стрелецких казней, гиблых казематов:
Не скифы мы, не азиаты мы!
Страшнее скифов, хуже азиатов.

Метёт метель у нас из края в край,
В стихах концы не сходятся с концами,
Но где ещё так жёсткий любят май
С его зелёным пухом и скворцами?

Посольства жгут — и нам огонь грозит.
Летят в Европу камни и проклятья,
А мы, а нам... неужто делать вид,
Что европейцы вовсе нам не братья?

В кафе, в музей, куда-нибудь зайди,
В собор Казанский с тёмной колоннадой...
Всмотрись, Кутузов, что там впереди?
И ты, Барклай, ни в чём не виноватый.

2007

* * *

Показали уголовниц,
Женский лагерь трудовой,
Чьей-то гибели виновниц,
Соучастниц, и пособниц,
И живущих по кривой.

Боже, как они прелестны,
Милovidны и грустны,
В этих стенах неуместны,
Как страшны суды, аресты,
Как мучительны их сны!

Жертвами эксперимента,
Звёздный замысел и гнев
Вынув, как из-под брезента,
На вопрос корреспондента
Отвечают, покраснев.

Это звёзды виноваты,
Несчастливый гороскоп.
Вот — тюремные халаты,
А улыбки розоваты,
Прядка падает на лоб.

Ах, оставьте их в покое,
Отмените, что ли, срок,
Дайте что-нибудь другое.
Про мужчин сказать такое
Я, пожалуй бы, не мог.

2007

* * *

«Ты скажешь: ветренная Геба...»
В стихах и молнии и гром,
Ах, эта фраза чуть нелепа
Про кубок с зевсовым орлом.

Да нет же: так никто не скажет.
Прошла пора высоких фраз.
Печальный опыт нами нажит.
Погода действует на нас.

В такие дни бывают нервы
Напряжены. Во время гроз
Мужские клятвы и маневры
Не остановят женских слёз.

«Повисли перлы дождевые»,
Лоснится клейкая листва.
Не удивляйтесь: мы живые,
Обиды, гневные слова.

А боги плакать не умеют:
Смеяться могут, плакать — нет,
Без слёз пылают и бледнеют —
И в этом жалкий их секрет.

2007

* * *

Будешь вынут, спасён, распрямишься в другой отчизне.
Саркофаг — это нечто, похожее на пенал.
Все восточные культы твердят о загробной жизни.
«Даже дети не верят этому» (Ювенал).
Рим устроен иначе. О, Западный образ мысли!
И поэтому Западу римский грозит финал.

Но люблю-то я Запад. Спинозу люблю, Декарта,
Под сомнение ставящий все утвержденья ум,
И декабрьский денёк, и липовую нежность марта,
Петербург и Париж, и не помню я, где Хартум.
Пусть зелёною краской закрашена будет карта,
Дездемона, — твержу; Улялюм, — шепчу, — Улялюм.

2007

БАБОЧКА

Я-то знаю, что бабочка это,
А не лист на расщелине пня
Примостился унылого цвета, —
И она не обманет меня.

Надоест ей, летунье, притворство —
И покажет волшебный узор.
Ну, конечно, актёрство, позёрство
И, наверное, страх-фантазёр.

Это он, и прочнее, чем скотчем,
Склеить может атласный наряд.
Есть мне что рассказать, между прочим,
Ей: Послушай, тебе говорят!

Ты была дуновеньем свободы,
Избавленьем от ржавых оков,
Где-то в шестидесятые годы
Залетев из «Других берегов».

И сильнее на меня повлияла,
Чем статьи диссидентские все,
Распуская своё опахало
В безыдейной, бессмертной красе.

2007

* * *

Не спите днём...

Б. Пастернак

Среди дня я не сплю никогда,
А сегодня прилёт и уснул, —
И как будто в былые года
Через тёмную пропасть шагнул.

И увидел всех тех, кого нет,
И всех тех, перед кем виноват,
И таинственным был их привет,
И печален их любящий взгляд.

Я не знаю, вокзал не вокзал
Это был, может быть, павильон.
«Вот вы где, — я, смутившись, сказал, —
Как удачно я выбрал вагон!

Помещение верно нашёл,
Сборный пункт невзначай угадал.
С вами путь никакой не тяжёл.
Есть и слово такое: астрал.

Заглянуть надо будет в словарь,
Чтобы смысл его лучше понять.
Всё, как было, как прежде, как встарь».
Днём, наверное, лучше не спать.

2007

* * *

А надо ли знать, что в гондоле
Одиннадцать метров длины?
Послушай меня: мы не в школе
И мы никому не должны.

А надо ли знать, что метр-сорок
Должна быть она в ширину?
Венеция — призрачный морок,
Клонящий к загробному сну.

Мужчин этих, праздничных женщин
Поток ежедневный, сплошной...
Подумай: ни больше ни меньше —
Одиннадцать метров длиной.

И цвет обязательно чёрный.
Так, кажется, дож повелел
Когда-то, надменный и вздорный,
Конец положив и предел

Фантазии и произволу.
Светло на канале, свежо,
С опаской спускаюсь в гондолу...
А всё-таки знать хорошо!

2007

* * *

Ирине Евсе

Вздывается море, и тополь кипит.
Британик отравлен, Германик убит
За рощицей статуй, за лесом колонн,
А правят Калигула, Клавдий, Нерон.

Не очень мне нравится этот размер,
Какой-то в нём есть лошадиный карьер,
Какая-то старая, добрая прыть:
Свою интонацию не ухватить.

А как хорошо после свар и обид
Британия дремлет, Германия спит,
И как они любят классический Рим
И всё, что в музее заставлено им!

Хотелось бы верить в прибавку добра,
И думаешь утром: пора, брат, пора,
Но смотришь со страхом вечерней порой:
Кто мчится, кто скачет под холодной мглой?

2007

* * *

Львы читают в Венеции книги —
И отрадно на это глядеть.
Поголовная грамотность. Блики
На воде и ушедший на треть
В воду призрачный город двуликий.
А у нас их читал бы медведь,
Если б кончил начальную школу,
Да цыган его пляскам учил
И в телегу сажал — не в гондолу.
Переимчив наш мишка и мил:
В цирке к велосипеду, футболу
Укротитель его пристрастил, —
Боже мой, почему не к глаголу?
Я когда-то учителем был.

2007

* * *

Прозаик может стать и девочкой в веснушках,
И поваром в большом крахмальном колпаке,
Старушкою, присев на лавочку к старушкам,
Механиком в депо, матросом на Оке.

Прозаик может стать — и мы не пожалеем
Его — так хорошо прозектором ему
В халате кофе пить, да хоть архиереем,
Профессором в Москве, курортницей в Крыму.

А пишущий стихи никем другим не может
Стать: велено ему всегда самим собой
Быть, — разве что звездой дрожащей, иглокожей,
Да тополем в снегу, да ласточкой весной.

2008

* * *

Александрю Танкову

Мы жили не в худшее время, так нам повезло.
Везение — странное слово, как если бы зло
В нём было да выпало, призывк остался один.
Ни войн, ни арестов, и ты сам себе господин.
Сидишь на террасе, на синее море глядишь.
Вегетарианская, викторианская тишь.
В России не много таких насчитаешь эпох
Прохладно-отрадных, и чудится в этом подвох.

И кажется, что-то вот-вот возмутит эту гладь.
Не выпить ли нам за военные астры опять?
В виду неизвестно каких предстоящих обид.
Нам Блок удивится, и нам Мандельштам не простит.
Второй бы ушанку, а первый с себя свитерок
Стянул через голову — лишь бы морской ветерок
Ласкал его, гладил на фоне притихшей страны.
Вот только всё реже стихи почему-то нужны.

2008

* * *

Тише воды, ниже травы...

А. Блок

Будьте же, сказано, тише воды,
Ниже травы — поговорка такая
Странная есть в ожиданье беды,
В грозную сущность вещей проникая.

Как понимаю я эту траву,
Чувствую эту притихшую воду!
Как удивляюсь тому, что живу
В бедственном веке, в любую погоду.

О, как в реке молчалива вода,
В травах кроты копошатся и мыши!
Пуताю только, забыв иногда,
Кто из них должен быть ниже, кто тише.

И, оглянувшись со страхом назад
Или вперёд под шумок забегая,
Я говорю себе: сам виноват,
Есть же вода и трава луговая!

Предупреждал же любимый поэт
Тем настоятельней, глуше и строже,
Чем его голос и чудный портрет
Меньше на это смиренье похожи.

2009

* * *

Не люблю одиноких прогулок.
Не с самим говорить же собой!
Я спешу повернуть в переулок
И скорее вернуться домой
Мимо ржавой сирени отцветшей
И стройбанка с большим козырьком.
Я же всё-таки не сумасшедший,
Чтоб гулять в одиночку вдвоём.

Это Гамлет пускай длинноногий
Обращается мыслью к себе.
Не люблю я свои монологи,
Размахавшись рукой при ходьбе.
Даже если опять в фарисействе
Всё тонуло бы, — как метроном
Не ходил бы по сцене пять действий,
А любил бы прогулки вдвоём.

2009

* * *

На дачу сослано книг сто–сто пятьдесят
За скудоумие, за слишком тусклый взгляд
На жизнь, за суетность, а также и за скуку,
За легкомыслие, за авантюрный склад,
За ложь, сходявшую так долго за науку.

За одноразовый и разбитной сюжет —
Не перечитывать же этот жалкий бред,
За криводушие и скользкую ухмылку,
За славолюбие и моду прежних лет
В изгнание, в сумерки, на зимний холод, в ссылку!

2009

НА ДАЧЕ

Симе

Да, можно, можно так сидеть в траве
И долго гладить так её рукой,
Как этот мальчик: он минуты две,
А то и три сидел; пора домой, —
Сказала гостя, — мальчик не хотел
Идти, ему понравилось у нас:
Зелёных лезвий, кисточек и стрел
Его несметный радовал запас.

Ему густая нравилась трава,
Её колечки, путаница в ней,
Её зубцы, прожилки вроде шва,
Волосяные линии теней,
Да, можно, можно гладить так траву
И так на мир задумчиво в пять лет
Смотреть, спасибо, мальчик, я живу,
Давно живу, а чуду сноса нет!

2009

* * *

От подземной, мышиной, хтонической тьмы
Далеко он ушёл, Аполлон-кифаред,
Эволюционировал так, чтобы мы
С ним искусство связали и солнечный свет.

Он — и девять подружек его — хоровод
Составляют, и, гимны слагая уму,
Он и рифму найти помогает, и ждёт,
Что когда-нибудь Дафна привыкнет к нему.

Он с кифарой стоит среди тёмных аллей,
И ещё одну милость прибрал он к рукам,
Восхитись, может быть, ты не знаешь о ней:
Он приносит внезапную смерть старикам.

2009

* * *

Помню, как это в светско-советских салонах входило
в моду:
Дама, держа папиросу и поглядывая на голубой дымок,
К удивленью присутствующих, демонстрируя
неслыханную свободу,
Вдруг в свою фразу вставляла уличный матерок.

Как ни в чём не бывало. А чего стесняться?
Или вы ничего не знаете про сталинские лагеря?
Были же они, были! В лагерях матерятся.
«Молодой человек, вы как будто поморщились? Зря».

Эти длинные пальцы, эти красные ногти!
И качнулась ко мне, как лоза.
А ещё волновали меня её острые локти.
«Это вам не стихи!» — улыбнулась, прищурив глаза.

Было принято грустно смотреть и устало.
И тянуть «Хванчкару» из бокала, как тянет пчела.
А Шаламова, видимо, то ли ещё не читала,
То ли плохо прочла.

2009

* * *

Памяти Грэма Грина

Во второй половине века, ближе к её началу,
Было много прекрасной прозы, не то, что сейчас.
И поэтому я не скучал, и ты не скучала,
Я женат был, и ты была замужем, и никто
не знакомил нас.

Вообще я не знал о твоём существовании,
Хотя мы и жили рядом, на Петроградской стороне.
Где-то на Гаити или во Вьетнаме — словом,
очень далеко от Британии,
Устраивались засады, стреляли из миномётов,
спали под москитной сеткой на влажной простыне.

Бог в этой прозе плохо помогал влюблённым
И не думал о детях, погибших под навесным огнём.
Или он, как любая власть, покровительствует миллионам
И не заботится о двоих, тем более — об одном?

Героизм в затрапезном облике приходил мешковатом
Да ещё отягчённом любовью на старости лет.
Вот и не стал писатель нобелевским лауреатом,
В этом смысле Шведская академия очень похожа
на Госкомитет.

Летом было принято ездить к морю. Геленджик —
загляденье!
Если бы только столовые были почище и еда
повкусней.

Но с тобой было чтение, и со мной было чтение,
То есть встреча произошла, когда мы ещё ничего
не знали о ней.

2009

* * *

«Библиотека поэта».

Будучи редактором её

(До меня был Тынянов, Груздев, Базанов, Орлов,
Прийма и так далее, и это

Удивительно мне качество моё),

Кое-что я понял: посмотри на книги,

Выстроившиеся в ряд.

Этот гениальный, тот великий,

Кто-то выдающийся, а кто-то просто внесший свой,
пусть очень скромный, вклад,

И ни одного пропущенного нами

В веке девятнадцатом, по крайней мере, нет.

Назовите! Нет такого. Все — перед глазами,

Издан каждый, если он пусть слабый, но поэт.

Словно время — солнце незакатное, в зените,

Не имеющее отношенья к моде и календарю.

Высший судия. Тут места нет обиде.

Даже Шаликов замечен, даже Деларю.

— Так что не печальтесь, а пишите, —

Молодым поэтам в утешенье говорю.

2009

* * *

Утро — самое лучшее время дня —
Смыслом полнится до краёв,
Варианты бесчисленные храня
И ночной упразднив покров.
Здравствуй, утро! Люблю я твой блеск в окне,
За гардиной и шторой ты
Улыбаешься, жизнь обещаешь мне,
Поощряешь мои труды.

День — вот самое лучшее время дня:
Солнцем высвечен каждый куст,
Каждый лист — и в сверканье его огня
Благодарность слетает с уст:
Кое-что мною сделано, перечту
И увижу — стихи живут!
И воздастся мне по моему труду
Там, а лучше — и там, и тут.

Вечер — самое лучшее время дня.
На корме приспустили флаг.
И волнение охватывает меня,
Так таинствен вечерний мрак.
Вот и выполнен долгий дневной урок.
А прогулки! А сон вдвоём!
День есть Бог. И тем более ночь есть Бог
Или то, что мы им зовём.

2009

* * *

Полюбил бы я зиму...

И. Анненский

Снегири прилетели,
Как весною грачи.
Их прельщают метели,
Тяжесть зимней парчи.

Может быть, это зяблик
Красногрудый такой,
Как старинный кораблик,
Чудный гость дорогой?

Как в листву, зарываясь
В белопенный снежок,
Он беспечен на зависть
И горит, как флажок.

Посреди обезлички,
Уготованной тьмой,
Разноцветные птички
Примирают с зимой.

В этой сумрачной драме
Всё же мы не одни:
Разделить её с нами
Прилетают они.

Кто-то, стужей томимый,
Приуныл и притих.

Полюбил бы он зиму,
Если б вспомнил о них.

2009

ОСА

Ночью на даче в ладонь укусила оса.
Мне показалось, что молния руку пронзила.
Спал я. Как если бы на землю вдруг небеса
Рухнули. Грозная, злая, нездешняя сила!

Вот уж действительно был я ужален огнём.
Видимо, так погибают внезапно под током.
Что это? Где это? Как затуманен я сном!
Перед каким провинился я сумрачным богом?

Ты анальгин мне давала. При чём здесь сустав,
Мышцы, — какие тут мышцы, какие сосуды?
На простыне, наконец, одеяло подняв,
Мы разглядели виновницу боли и смуты.

Узкие крылышки сложены острым углом.
Полуживую в бумажную взяли салфетку
И раздавили, дремучую, — ей поделом.
— Скоро пройдёт. Потерпи. Ты же принял

таблетку. —

Так невзначай я как будто забрёл на тот свет
И Персефоны глухое узрел заточенье.
Вот они, осы твои, медуницы, поэт!
Кстати сказать, медуница — степное растение.

Пламенной жизни и огненной смерти накал,
Жгучая боль и безумье с сухими глазами.
Я не придумывал эти стихи, не искал
Их, — заползли, залетели, ужалили сами!

2009

* * *

Долго жить романтизм не велит,
Он уверен, что старость бескрыла.
Он боится последних обид,
Заодно отвергая перила.

Он колеблется, лет с двадцати
Меж петлёй выбирая и пулей.
Извини меня, мальчик, прости:
Я люблю это небо в июле.

Я люблю замечтавшихся пчёл,
Остывающих в полудремоте.
Час вечерний с росой подошёл —
И конец их гудящей работе.

Да не тронет нас сырость и мгла.
Обожаю подробности эти!
Как, земные закончив дела,
Долго держат звезду на примете.

Затихают, забыв о себе,
Лишь бы слышать игру на рояле —
И за то благодарны судьбе,
Что позволила вникнуть в детали.

Как, себя отодвинув, глядят
В глубь вещей и, добравшись до сути,
Видят новых превратностей ряд,
Полный грозного счастья и жути.

2009

* * *

Нам бояться людей — значит баловать их, —
Александр Сергеич сказал,
Но не тот, что два дня умирал среди своих,
А другой, что убит наповал.
Знали толк они в этих делах, а тебя
Так страшат отношенья с людьми,
Потому что живёшь, никому не грубя
И ни разу не хлопнув дверьми.

2009

* * *

Я гостя буду ждать, придёт он через сквер,
Как лучше нас найти, мы гостю объяснили.
Чужие адреса чудес полны, химер,
И сами столько раз мы с толку сбиты были!
Быть может, я в окне его увижу: он,
С записочкой в руке, неровною походкой
Пройдёт наискосок, самим собой смущён
И линией домов, уступчато-нечёткой.

Зигзаг и поворот...
Но тот, кто в первый раз
По адресу идёт, всегда от лабиринта
Какой-нибудь фрагмент увидит, щуря глаз,
Обманется, в дверях заблудится постыдно.

В хозяине всегда есть что-то от быка,
А в госте, как бы мил он ни был, от Тезея,
И если с высоты на всё, издалика
Взглянуть, со стороны покажется затея
Опасною и впрямь, как высадка на Крит.
Как будто скалам он не дал себя и мелям
Прибрежным запугать. Ты думаешь: визит,
А это древний миф, но в джинсах и с портфелем.

2009

* * *

Вот ласточка, выставив крылья наружу,
Как бы опираясь на них, из гнезда
С трудом вылезает, — а ты свою душу
Ей мысленно уподоблял иногда!

Не так это просто — житьё под карнизом,
Как будто в кармашке — в нашлапке лепной
Со щелью вверху и замазанной снизу,
И всю это глину скрепила слюной.

Наверное, главное — это не трусить,
Не в этом ли нас уверяет она?
Не так ли гимнастка рискует на брусьях?
Фотограф заснял нам её из окна.

И что-то в ней даже от канатоходца
Есть, крылья снаружи, а хвост ещё там,
В гнезде, — эта жизнь нелегко ей даётся,
Не так беспечально, как кажется нам.

2010

ГОД ТИГРА

Никогда таких сосулук не было:
Метра в два величиной!
Не представить более нелепого
Тигра: белый хищник ледяной
По календарю пришёл восточному.
О, какие острые клыки
К жёлобу прилипли водосточному,
Окаймили крыши, чердаки!

Что-нибудь из более мне близкого
Вспомню, различая сквозь туман
Водопад замёрзший Баратынского
И филармонический орган,
Скажем проще: что-то вроде веника
И гирлянды, белой бороды.
Это я утешить современника
Тороплюсь: не полчища, а льды.

Волшебство, мираж, фантасмагория
В исполненье снежном, слюдяном.
Не пугайся: это не история,
А погода. С ней не пропадём!
А ещё сравнение с ресницами,
С петушиным гребнем подойдёт.
Словно соревнуюсь с летописцами:
Вот каким он был, десятый год.

2010

* * *

Мы в Мюнхене были, мы видели сад
Придворный, и липу, и вяз,
И памятник Тютчеву был мелковат,
Но, бронзовый, радовал нас.
Сюртук его, пуговок маленьких ряд,
Задумчивость, как напоказ.

Похож ли он был на себя, не похож?
Узнал бы себя, не узнал?
И ежели мысль изреченная — ложь,
То что ж говорить про металл?
Но лиственный шелест, но хвойная дрожь...
Пусть низенький, но пьедестал.

И липа, и вяз, и разлапистый клён...
Ну чем не волшебный сюжет?
О, как бы он был сам себе удивлён,
Великий немецкий поэт!
И жизнь — это сон, и стихи — это сон,
И смерть — это сон. Или нет?

2010

* * *

Есть повесть «Письма Асперна» — похожа
На «Пиковую даму», но другая
Героем движет страсть, облагорожен
Его порыв, и автор, потакая
Мечте, — а речь идёт о связке писем
К возлюбленной умершего поэта, —
В Венецию его ведёт, и мы с ним
Волнуемся, — так нам понятно это.

В доверие втираемся к старухе,
Племянницу её в себя влюбляем,
Старуха нам не верит и не в духе,
В её палаццо комнату снимаем,
Затрат не жаль, — за бешеные деньги!
Венеция нас зноет и прохладой
Дурманит; залы, скользкие ступеньки,
При доме чахлый садик за оградой.

Его мы любим больше из притворства:
Мол, без него и комнату б не сняли.
Настойчивость, уступчивость, упорство,
Мерцанье лунных бликов на канале;
К нам тянутся, от нас скрывают слёзы,
Наш замысел похож на преступленье,
Но я не пересказываю прозу,
А лишь рекомендую это чтение.

2010

* * *

Хорошо, что диван мемуаров не пишет,
Хорошо, что не пишет тахта.
Ничего не расскажут о Пушкине мыши
С их ночной беготнёй, никогда!

Хорошо, что о Байроне дрозд ни полсловом
Не обмолвится, пень не в счёт.
И в ночном мотыльке, под одним с ними кровом
Жившем, поутру тайна умрёт.

И любовница Блока кивала, певица,
На кушетку: спросите её.
Но кушетка молчала, могла бы смутиться,
Стыла, узкая, впав в забытьё.

Хорошо, что кусты за окном молчаливы,
Бессловесны столы и шкафы.
И ничем-то любителям жаркой поживы
Не разжиться в их рвенье, увы!

2010

* * *

Аквариумной рыбки взгляд
Мне было вынести непросто.
Как будто в чём-то виноват
Я был, разглядывая пёстрых,
Напоминающих цветы,
Посаженные по ошибке
Не в землю — в плотный слой воды.
Как бабочки, порхали рыбки.

Да, мы любители красот:
Какой отлив, какой оттенок!
Но кто ж, любуясь, не поймёт,
Что это всё-таки застенок?
Свободу рыбкам! Отойду.
Мне плохо в этом кабинете,
Где с полчаса приёма жду,
А рядом — мученицы эти.

2010

* * *

Завистливы, мстительны, злы,
Обидчивы, жадны и скупы,
Тщеславны, лишь в детстве милы,
А вырастут — жалки и глупы,
Расчётливы, подлы, хитры,
Навязчивы, лживы, коварны,
Грубее древесной коры,
А главное — неблагодарны.

Застенчивы, кротки, скромны,
Выносливы, храбры, надёжны,
Отзывчивы, щедры, умны,
Доверчиво-неосторожны
И так простодушны, увы,
Привязчивы и безответны,
Нежнее весенней листвы,
Смешливы, а главное — смертны.

2010

* * *

Вдвоём по тропинке лесной
Мы шли меж кустов, ты за мною,
И строки, одна за другой,
Нам припоминались порою.
А то вспоминали друзей
И что-то о них говорили,
А то обходили кипрей
И дружно лиловый хвалили.

И вдруг, оглянувшись назад,
Тебя не увидел я: где ты?
Свернула с тропы наугад?
В малинник вошла разогретый?
Один я стою на тропе,
Обтянутой мохом по краю.
И стало мне не по себе,
Ведь я мифологию знаю!

«Ау!» — Распрямилась у пня,
В черничнике: «Ягод-то сколько!»
«Как ты напугала меня!»
Нет, всё замечательно, только
Теперь той же самой тропой
Пойдём, но уже по-другому:
Ты — первая, я — за тобой!
Минуя опасности, к дому.

2010

* * *

Когда не знают, как назвать цветы,
Но спрашивают, думая, что ты
Большой знаток, ценитель их и пленник
И различаешь формы и черты,
Скажи: пиретрум. Или: подмаренник.

Не возразит никто, не скажет: нет.
Присмотрятся — и благодарны будут.
Какой рисунок, — скажут, — что за цвет!
Устраивает всех такой ответ,
Поскольку всё равно потом забудут.

Ведь и цветы не знают, как зовут
Тех, кто над ними встанут и замрут,
И тёмно-голубые ярко-белым,
Припомнив что-то, может быть, шепнут:
Филиппом Добрым! Или Карлом Смелым!

2010

* * *

Вся музыка написана — зачем
Ещё писать? Что, Малера нам мало
И Шёнберга? И разве тополь нем?
Чем хуже он сонаты и хорала?

И разве не написаны стихи
Все, сколько их должно быть в мире нашем,
А шелухи не надо и трухи,
Зачем нам эти крохи, прямо скажем!

Подумаю, помедлю, покурю
У края, над обрывом, у предела.
Про живопись я и не говорю.
А жульничество вот как надоело!

А сад сверкает в утренних лучах,
А сквознячок в оконном тюле дышит,
А мальчик где-нибудь в Боровичах
К столу идёт и тихо что-то пишет.

2010

* * *

Памяти Г. Шмакова

Я в очередь встал перед кассой,
Ко мне подошёл человек.
Как лучше сказать, — седовласый?
Нет, с гривою белой как снег.

Я тоже немолод — и мимо
Людей незнакомых смотрю.
Но было в нём что-то от дыма,
От снежного дня, говорю.

Какой-то оттеночек с краю
Вдруг позолотил этот дым.
Сказал, что его я не знаю,
Но друг у нас общий был с ним.

И всплыло далёкое имя
Умершего за рубежом.
И словно в плохой пантомиме,
Всплеснул я рукой, поражён

Не тем, что так буднично-грустно
Раздвинулись вдруг времена,
А тем, что любителя Пруста
Мы вспомнили и Кузмина,

Стихов знатока и балета,
С его белозубым смешком,

Когда ещё значило это
Так много под здешним снежком.

Когда мы не знали, кто первый,
Кто третий умрёт, кто седьмой,
А жизнь представлялась то стервой,
То ласковой тенью родной.

2011

* * *

О, как бывают люди хороши,
Загадочны, задумчивы, прохожий,
Идущий, глядя под ноги, в глуши
Садовой по дорожке краснокожей;
Закатные лучи лежат на ней,
И кажется, он ищет под ногами
Случайно меж песчинок и камней
Оброненный им драгоценный камень.

Я знаю: это мысль свою найти
Забытую он пробует: пропала!
А камешков так много на пути,
И стёклышко сверкнуло вполне,
А мысль — отвлечься надо, о другом
Подумать — тут она и возвратится.
Сказать ему? Но я с ним не знаком,
И вряд ли я рискну, и он смутится.

2011

* * *

Заступаться — пожалуйста, превращать
В лавр ли, в ласточку, в кипарис —
Это сколько угодно, копьем сверкать,
Удивлять, подносить сюрприз,
Помогать героям теснить врагов,
Ободрять на крутой тропе,
Из любимчиков делать полубогов
Позволяли они себе.

Не додумались лишь воскрешать того,
Кто уже, умерев, смердит.
Не поставили на ноги никого,
Кто не ходит, чья плоть болит.
Иль противен им тот, кто покрыт паршой
И с одра самому не встать?
Или лгать не хотели, кривить душой,
Обещаний не выполнять?

Не придумали сладкую жизнь в раю,
Агамемнон у них, Ахилл
Прошлогодней листвою в ночном краю
Шелестят из последних сил.

Вот причина, единственная, беды
И крушения царства их.
Потому и засыпаны их следы,
Ноги, торсы — в слоях земных,
Потому и отбиты носы, ступни,
Потому и сданы в музей,
Где прельщают меня и влекут они,
И пленяют моих друзей.

2011

* * *

Был бы я венецианцем —
Никуда б не уезжал,
Всё смотрел бы из палаццо
На петляющий канал.

Любовался б этим глянцем:
Здесь — вода, и там — вода.
Странно быть венецианцем —
Не стремиться никуда.

Помнишь, то ли в балахоне,
То ли в кофте старичок
Путь кратчайший к Коллеони
Нам найти с тобой помог.

Не по улочкам — дворами
К кондотьеру подошли.
Он внезапно перед нами
Вырос как из-под земли.

Быть в чужих краях посланцем
Этой зыби и зеркал.
Был бы я венецианцем,
В Амстердаме б заскучал.

Петербургу островному
Мельком должное воздав,
К морем смоченному дому
Поспешил — и был бы прав.

Там, на взморье, там, на Пьяцце,
Преисполнен лучших чувств,
Подойти к венецианцу
Может Байрон, может Пруст.

Из Америки приехав,
Генри Джеймс, сюртук в пыли,
Томас Манн и даже Чехов.
Мы-то точно подошли.

2011

* * *

Какое счастье — Фет!
В любом откроешь месте
Его — и жалоб нет
И тягостных предвестий,
Наоборот, весну
Предчувствуя, кустарник
Не клонится ко сну
И бронзов, как пожарник.

А даже если снег
Посеребрил берёзы,
Не склонен человек
Себе позволить слёзы,
И траурный наряд
Пленительным для взгляда
Считает, снегу рад.
Так правильно. Так надо.

Какое счастье — Фет!
Евангелие наше
Среди несметных бед
У радости на страже,
Вот кто христианин,
Притом что в атеизме
Замечен он один
В запуганной отчизне.

2011

* * *

В стихах на грифельной доске
Зачем Державин отнял веру
В приют последний и химеру?
Сказал, что строим на песке?

Корону, царскую порфиру
Не жаль, но как решился он
Отдать трубу, а с нею лиру
И утопить в реке времён?

Зачем так сумрачно и грустно
И безнадёжно так, скажи?
А мне бессмертие искусства
Представить легче, чем души.

2011

* * *

Дрова коловший с Ходасевичем,
Сергей Иванович, поэту
Шутить над вами было незачем
Так зло, — скажу вам по секрету.

И вы вели себя достойнее,
Чем он, снежком стараясь тише
Скрипеть, и были зря расстроены:
Он тоже музыки не слышал!

Провинциальное, московское,
Чуть-чуть смешное нищестество,
А колка дров — занятие скользкое,
И дело любит постоянство.

Виолончели умозрительны,
Небесной арфы звуки тоже,
И если что роднит действительно
Людей, то общий труд, быть может.

Двадцатый год. Какие ангелы
Могли летать в московском небе?
Нет ни Юденича, ни Врангеля,
В дровах спасенье всё и в хлебе.

Сергей Иванович, прислушавшись,
«Мне не слышать», — ответил честно.
Как чудно это простодушие,
Смиренье истинно чудесно!

2011

* * *

Боже мой, Левитан! Ведь знакомы до слёз
Этот лес, этот луг, этот мох, этот плёс,
А про март и лошадку в снегу у крыльца
Я бы, кажется, мог говорить без конца,
И, признаться ли, даже казалось порой,
Что как родственник слишком он, что ли, мне свой
И, как детство, пожалуй, чуть-чуть заслонён
Всем, что было с тех пор, столько чудных имён!

Но зашли мы на выставку. Надо взглянуть
Ещё раз на сбегающий к берегу путь
И ещё раз, в последний, наверное, раз
Посмотреть на подкрашенный охрой баркас,
И смотрели, смотрели, смотрели, потом
Мимо авангардистов возвратным путём
Шли мы к выходу, к выходу шли, как во сне,
И Малевич казался архаикой мне.

2011

* * *

Только к зиме уменьшительный суффикс пристал.
Зимушка — то ли от радости, то ли от страха.
Я-то боюсь вееров её и опахал,
Снежного, вьюжного варева, пуха и праха.

Я и фольклора, пожалуй, чуть-чуть сторонюсь,
Есть в нём надрыв, украшательство и поученье.
Зимушка! В радость как будто завёрнута грусть.
За удовольствием прячутся мрак и мученье.

Зимушка, скользкие, хлёсткие петли её!
Впрочем, и отдых крестьянский, и сон, и безделье.
Сказка про прорубь и жалкое волчье вытьё,
Лисье коварство, какое-то злое веселье.

Библиотечную первую книгу свою,
Детскую сказку, читал по дороге из школы
И потерял, мне её в незакатном краю
Волк поднесёт, обещанный и полуголый.

Библиотекарша выговор сделала мне
И заменить на любую другую велела.
Я и принёс то ли сборник стихов о весне,
То ли Житкова, потупясь принёс и несмело.

Зимы стояли холодные. Снег заметал
Дом разбомблённый, трамвай под искрящей дугою.
Я эти сказки ещё во младенчестве знал.
Мне, первокласснику, что-нибудь дайте другое.

2011

* * *

Померкли облака... Жуковский, посмотри,
Как хорошо у нас на башнях догорает
Последний луч зари,
И кто-нибудь, как я, сейчас перебирает
Алмазы, жемчуга, брильянты, янтари.

Волшебный этот блеск, подмеченный тобой,
Внушить способен веру
В иной, счастливый мир, в нездешний край другой,
Неважно, кто живёт в мансарде дальней той,
Какую выбрал цель и делает карьеру.

Скучает ли, хандрит, лучами ослеплён,
Подносит ли к глазам ладонь, ища защиты,
И ничего про свой не знает миллион, —
Мы пламенем омыты,
И к блеску снизу льнём, пусть нас не видит он!

Сокровище его спасением для нас
И радостью сплошной, ничем не объяснимой,
Нам служит в поздний час.
Как если б кто-то к нам сошёл с небес, незримый,
И светом поманил, без слов и громких фраз.

2011

* * *

Слова односложные, встречные,
Такие, как «жизнь» или «смерть»,
Ни с чем не рифмуются, вечные,
Как их на губах ни вертеть.
Затёртые рифмы развенчаны:
«Держись», или «твердь», или «жердь»,
И жалкие, вовсе увечные,
Глупее всего «круговерть».

Когда это слово встречается
В стихах, дочитать до конца
Стихи не могу: всё кончается,
И жалко поэта-глупца.

Слова односложные, парные,
Такие, как «ночь» или «день»,
И рифмы к ним тоже бездарные:
«Помочь». «превозмочь» или «тьень»,
Чуть менее элементарные —
«Точь-в-точь», например, «набекрень».

Зачем, почему односложные
Язык выбирает слова
Для сущностных смыслов: надёжные?
Не надо влезать в рукава
Приставок и суффиксов? Прочные,
Всегда под рукой, и впотьмах
При нас, однозначные, точные,
Как «кровь», например, или «страх».

2011

* * *

Однажды и я спиритической тайной
В гостях был за столиком круглым пленён.
Чей дух вызывают всех чаще, печальный?
Дух Наполеона! О, Наполеон!

Известно, есть остров в пустом океане,
Спиною к скале император приник,
И дух его рад подыграть мне в тумане,
Одно неудобство — французский язык.

Великих так много, да мы ошибиться
Рискуем, превратно и смутно понять.
То что-нибудь грек прощебечет, как птица,
То римлянин волку провоет под стать.

Тогда обращаются к Пушкину. Пушкин
За всех отдуваться приучен у нас.
Но он отдыхает, как сад на просушке,
Иль пишет стихи в это время как раз.

Тогда начинает приплясывать столик,
Тогда в полутьме чью-то руку рука
Находит — и это таинственной, что ли,
А уж интереснее наверняка!

2011

* * *

Художник в бархатном кафтане и берете
Спиною к зрителю сидит на табурете,
Рисует девушку с венком на голове,
Венок разлапистой принадлежит листве,
Должно быть, сорванной поблизости, у дома.
А как он выглядит, художник, — не узнать.
Века смыкаются, нам эта тьма знакома,
Мгла анонимная, безвестность, благодать!

Мы тоже, зрители, в её пучину канем,
В лицо художнику заглядывать не станем,
Да он бы этого, поверь, и не хотел,
Ему приятнее наш разделить удел,
А слава, видимо, его не волновала,
Она придёт к нему лишь через триста лет,
А жизнь таинственна, а краска не устала,
Вобрав печаль в себя, и пристальность, и свет.

2011

* * *

Вспоминай, в каком — в четвёртом классе
Или в пятом, может быть, в шестом
Ты писал диктант, на каждой фразе
Обмирая в сумраке степном?

На кибитке спущена циновка,
Сбоку на бок, словно по волнам,
По снегам ползла она неловко,
Как корабль. И впрямь: что делать нам?

Что за мгла! Одиннадцатилетний,
В этой взрослой жизни, как в степи,
Ты не знаешь, есть ли выход, нет ли?
Как писать «циновка», через «и»?

Хорошо, что встретился прохожий.
Без тулупа, в драном армяке,
Он повёл коней по бездорожью
На дымок, сквозивший вдалеке.

Так о чём скрипят в снегу полозья?
Что сказал, исчезнув, санный след?
Что спасенье только в русской прозе
И стихах, другой дороги нет!

Долго, мореплаванию впору,
По сугробам двигались, пока
Не прибило путников к забору,
А могли пропасть наверняка.

2011

* * *

Сказал об ужасе Паскаль,
Когда Вселенную себе,
Как нескончаемую даль,
Представил. «Смысла нет в мольбе», —
Сказал поэт, любимый мной.
Ещё бы! Жалок человек,
Как в чаще сумрачной, лесной
Расположившись на ночлег.

Всё так. Молчание храня,
Над ним мерцает звёздный свет.
Но восхищение меня
Не покидает. Смысла нет?
Непознаваем мрак ночной?
Никем во тьме я не храним?
Но восхищение — со мной,
И ужас меркнет перед ним.

2011

* * *

По меньшей мере три увидеть племени
Младых и незнакомых довелось,
И ответ своего на каждом времени
Был, иногда казалось, что насквозь
Я вижу их, с мечтами, обещаньями,
Презрением их юным, говорил
Им: «Здравствуйте!»

Всей зеленью и тканями

Они тянулись кверху что есть сил.

Младая роща становилась взрослою
И тёмную отбрасывала тень.
И жизнь им предлагала ту же косную
И твёрдую основу, как кремень,
Добро, и зло, и зависть, и отчаянье,
Крушение надежд и, вопреки
Отчаянью, любовь и понимание,
Всё то, что знают молча старики.

2011

ГЕНУЭЗСКАЯ КРЕПОСТЬ

Молодцы генуэзцы! Поставили крепость
В Судаке!

Боевая, родная, смешная нелепость,
Посмотри: с ней нет места тоске!

И когда мы входили в продольное море,
От неё начиная заплыв,
То и дело всплывал среди брызг в разговоре
Генуэзский залив.

Голубые медузы, мохнатые крабы
И флажок, обвивавший корму.
Знал бы Тютчев Россию получше, не так бы
Он скучал по заливу тому.

Да, небесный, лиловый, морской, изумрудный
Вид из крепости, синий, морской,
И какой же с другой стороны её чудный
Жёлтый цвет подпирает степной!

Это ж надо, куда забрели итальянцы
От своих камнеломких твердынь!
И не розы к ним ластились в жарком румянце,
А сухая полынь.

Нам про Геную кто-то рассказывать станет,
Словно в рай заглянул налегке.
Мы не спорим, мы спросим, когда он устанет,
Был ли он в Судаке.

2011

* * *

Эта роза, — Сезанн говорил приятелю,
Стоя перед картиною Тинторетто, —
Так написана страстно, хвала Создателю,
Что понятно, как много ушло на это
Горя, страсти, какое за ней страдание
И какая тоска за пыланьем скрыта!
Живопись выполняет своё задание
Молчаливо, неистово и сердито!

Словно мира спасение ей поручено!
Так, как будто зависит от этой розы
Жизнь, — иначе бы разве была закручена
И горела так жарко, без всякой позы?
Обращалась бы к нашей любви и памяти,
Взяв буквально за сердце, сдавив аорту?
Притворяетесь вы или понимаете?
Притворяетесь? Ну так идите к чёрту!

2011

* * *

Боже мой, заливы и проливы,
Острова и полуострова —
Это как любимые мотивы,
Дорогие, чудные слова.

Потому и Греция, быть может,
И Микены древние, и Крит
Так сознание тешат и тревожат,
Так их образ сердце веселит.

Ах, и римский этот, итальянский,
Сицилийский рваный сапожок
Служит нам подобием подсказки
И понять историю помог.

И тоска не кажется тоскою,
И беда не кажется бедой:
Полуостров, остров со скалою,
С полукружьем бухты кружевной

В белогривом, вспененном уборе
Снятся нам и радуют вдали,
Потому что неба им и моря
Боги дали больше, чем земли.

2011

* * *

Библиотечных полок рай
И кладбище одновременно,
Иди меж ними, выбирай
Кого-нибудь. Вот вечный май,
Но скорбный, с признаками тлена.

Вблизи немеркнущих имён,
Что сердцу дороги и милы,
Увидишь тягостный урон
И непробудный, крепкий сон,
Полузабытые могилы.

Травой забвенья поросли,
Глухой крапивой, лопухами.
Их жаль, в ущербе и пыли,
Как бы под пологом земли,
С их бедной прозой и стихами.

2011

* * *

Посмотри, как собака томится,
Как скучает, как смотрит в глаза.
Как забытая Богом жилица,
На Земле спит полдня, что ей снится?
Не любит на небеса,
Разве что пролетевшая птица
Развлечёт её или оса.

Посмотри, как ей нужно общенье
С человеком, как будто вот-вот
Что-то скажет, важней угощенья
Ей рука, что погладит живот
Или впустит её в помещенье.
Огорчается. Так и живёт.
Словно жаждет перевоплощенья,
Словно реинкарнации ждёт.

2011

* * *

Музыка — ты уроженка Милана,
Рима, Венеции, Пармы, Вероны.
Forte, fortissimo, fermo, piano
Или *allegro*, подъёмы и склоны.

Музыка, ты итальянка, *andante*,
Или *adagio* и *allegretto*.
Генуя, Падуя, улица Данте,
Лоджии, лестницы, грань парашюта.

Diminuendo, crescendo, staccato,
Дымные пинии, душные розы,
Лукка, Сиена, холмисто, покато,
Бабочки, пчёлы, сухие стрекозы.

И *pianissimo*, и *espressivo*,
И виноградники справа и слева,
Музыка — ты итальянское диво,
И переменчива так же, как дева.

2011

* * *

Заплыл в очках — и там они,
На глубине, упали в воду.
Нырять, сердись, себя брани.
У них два глаза, две клешни,
Моллюск признает в них породу,
Им краб окажется сродни.
А близорукую заботу
Они забудут, впад в дремоту
На дне морском, в сплошной тени.

По водной ряби, как ползком,
Плыви обратно. Всё бывает.
Смирись: ничто не пропадает,
Но в измерении другом
Живёт загадочно, тайком.
Пловец стихи припоминает
Про чистый перл на дне морском.

Пусть этот сдвоенный предмет,
Пусть это странное созданье
Просуществует сотни лет,
И пусть его воспоминанье
О нас — то краба удивит,
То вдруг разжалобит моллюска.
Их тоже миф, как нас, пьянит,
А без него темно и тускло.

2011

* * *

Когда про ужасы читаю
Войны, блокады, лагерей,
Я прохожу как бы по краю
Чужих несчастий и смертей,
Как повезло мне, понимаю,
И ты пойми и поумней.

В стихах не жалуйся на скуку.
Во-первых, Анненский уже
О ней писал. Зачем по кругу
Ходить? Его на вираже
Не обойдёшь. Мечту и муку
Он разглядел в чужой душе.

А во-вторых, когда б сказали
Ему, какой грядёт кошмар,
Он снова б умер на вокзале.
Уж лучше вист и самовар,
Зрачки тоски, белки печали,
И скука — благо, Божий дар.

2011

* * *

Великие люди исчезли, пропали,
Ни власть их не балует больше, ни пресса.
В каком-нибудь клубе сидят или в зале,
А может быть, дома — к ним нет интереса.

И новому Байрону не расшуметься,
Чтоб мир потянулся к нему и услышал,
Как он возмутился, схватился за сердце
И, хлопнув дверями, из Англии вышел.

Пусть пишет стихи и живёт потихоньку.
И русскому мальчику в пыльных Тарханах
На ум не взбредёт потянуться вдогонку
За ним: он не думает об англичанах.

Французы о немцах не думают тоже,
И новому Листу похлопают в Вене
И даже в Москве, но мурашки по коже
Футбольный успешнее вызовет гений.

Не надо властителей дум и кумиров,
Устало от них человечество, хватит!
Идеи, трактаты, знамёна и лира
Как солнце сквозь ельник горят на закате.

2011

* * *

Деревья мне нравятся больше, чем люди,
Хоть клён, хоть рябина, хоть липа, хоть ива:
Не лгут, не лукавят, не спорят, не судят,
Такое признание не слишком красиво.

Но я человек, а не дерево тоже,
Не тополь, не дуб, не берёза, не ясень,
Не мною — любитесь ими прохожий —
И я с предпочтением этим согласен.

Попробуем точными быть, не бросаться
Словами: конечно, чего-то мы стоим,
Быть может, не меньше раки и акаций,
Зато от деревьев так веет покоем!

И так ли уж мы хороши, если честно
Сказать, и без нас ещё лучше пейзажи,
И это признание нас ставит на место,
И что-то есть в этом отрадное даже.

2011

* * *

Пароход назывался «Нептун»,
И бог моря был этим доволен.
Разумеется, старый ворчун
Позабыт и от службы уволен,
Но, кто знает, быть может, как раз
Здесь, в Ионии бывшей, он значит
Кое-что до сих пор — и сейчас
Вслед кораблику смотрит и плачет.

Я люблю их, Афин, Афродит,
Артемид, Аполлонов, Гермесов.
Мне забыть их Гомер не велит,
Не смущён ни тщетой, ни прогрессом.
Не заметить их игр и затей,
Их обидчивость, гнев и кокетство —
Всё равно, что оставить детей,
Всё равно, что забыть своё детство.

2012

* * *

Гора, наверное, стать башней бы хотела,
На мир осмысленней тогда б она глядела,
Бойницы были б в ней, смотрела бы сквозь них;
Скала — собором быть мечтает то и дело
И утром солнечным, и в сумерках густых.

А башни грозные и чудные соборы
Хребтам завидуют, хотят вернуться в горы
И с благодарностью им камень свой вернуть.
Об этом живопись ведёт переговоры,
Им услужить стремясь, запуталась чуть-чуть.

2012

В ПУТИ

Как я любил вторую полку!
Как хорошо лежать подолгу
На ней, подушку подложив
Под грудь и глядя втихомолку
На лес, на речку, на обрыв.

Как мне железная дорога
Тогда рассказывала много
О жизни, людях, деревьях,
Затерянных, но не для Бога —
Для нас, живущих второпях.

Прочитывалась даль, как в свитке
Развёрнутом, я пил в избытке
И ел простор озёр, полей.
А путешествие в кибитке,
Наверное, ещё сытней.

Хотя, конечно, лоб застудишь.
Какой уж там Нью-Йорк, Париж!
Но тише едешь — дальше будешь,
И с ямщиком в пути пошутишь,
И с Пушкиным поговоришь.

2012

* * *

Они как будто под гору спускались
До нашей эры, Гракхи и Лукреции,
И стариками в этот мир являлись,
А уходили из него младенцами,
И календарь как будто перевёрнутый
Нам доставляет много неудобства,
Подогнанный к ним плохо и пристёгнутый,
И затрудняет чудные знакомства.

Родиться в триста восемьдесят первом
И в триста тридцать пятом быть убитым.
Для этого нужны не наши нервы,
И так легко ненужным быть, забытым.

Есть что-то в этом странное, досадное,
Обидное, есть что-то от немилости,
Как будто их течение обратное
Уносит, не хватило справедливости
На всех, ещё такое ощущение,
Что им достался быстрый спуск по лестнице,
А нам подъём — и чувствую смущение
Перед Платоном, Плавтом и Теренцием.

2012

* * *

А не случись дуэли той
Под пятигорскою грозой,
Случайной, дикой, сумасбродной,
В отставку вышел бы, звездой
Ведом счастливой, путеводной.

Кавказ оставил бы, в Москве
Женился, жил бы в Петербурге
И по ступеням бы к Неве
Сбегал, цилиндр на голове,
В пальто двубортном, а не в бурке.

Каких стихов лишились мы,
Какой благоуханной прозы!
Нам их не вызволить из тьмы.
Казбек их взял как бы взаймы,
Читают ветры их и грозы.

Дожди над ними слёзы льют,
Им ангел радуется втайне.
Но мы умрём — нам их вернут.
Не всё же остаётся тут,
Частично — там, ещё сохранней.

2012

* * *

Не умирай, Баратынский, не надо!
— Да почему же не надо? Пора.
Можно от сердца, а лучше — от яда,
И поскорей! Хорошо бы с утра.

Не умирай, Баратынский, — Неаполь
Быструю смерть не заметит твою:
Как декорации в пышном спектакле,
Здесь кипарисы не дрогнут в строю.

Да и Россия слепа, глуховата,
Смерти и там не заметят твоей.
— Не умирай, Баратынский, не надо!
Я твой читатель, меня пожалей!

Не пожалеет. Забыли, уснули,
Спят ещё. Рано. И дружба не в счёт.
Дату: одиннадцатое июля
Чёрным кружком разве кто обведёт?

Вот одиночество. Лавры — другому,
Хмурая, тощая осень — ему.
Мрак да обиду он видит, солому,
Мёртвые листья в промозглом дыму.

Кроме презренья, тоска и досада.
Звёзд равнодушный и сумрачный свет.
Не умирай, Баратынский, не надо!
Умер. — Не умер, шепчу ему, — нет!

2012

* * *

Как юность печальна! Туманные дали,
И жизнь представляется вещью чужой,
Которую нам по случайности дали,
И слишком тяжёлой, и слишком большой.
И облаком кажется крышка рояля,
И время как туча стоит над душой.

Печальны просторы, печальны закаты,
Призвание, что это? Есть ли оно?
А взрослые, странно, чему они рады?
Что заняты делом, что смотрят в окно?
А там тополя и всё те же фасады,
Знакомые им наизусть и давно.

И очень хотят, чтобы мы не скучали,
Прочли бы «Казачков», сходили в музей.
Любовь? В самом деле! Но сколько печали
В любви, при её несказанности всей!
И кажется, кто-то стоит за плечами.
«Живи», — подгоняет и шепчет: «Скорей!».

А книги хотят, чтобы их прочитали,
А Парка прядёт свою тонкую нить,
А Пушкин на тесном стоит пьедестале,
А море шумит, — как его не любить?
А с возрастом в жизни всё меньше печали —
И это печальней всего, может быть.

2012

* * *

Но лжи и лести отдал дань я...
И. Анненский

Стеклянной палочкой по чашкам постучат:
Вдруг в чашке трещинка, невидимая глазу?
Вот, все проверены, без пропуска, подряд,
Был звук надтреснутый хотя бы раз? Ни разу.

И покупатель рад, и весел продавец:
Молочно-белые, в цветочек, без изъяна.
В бумажку каждую отдельно, молодец,
Он завернёт их вам, всё честно, без обмана.

В коробку сложит их, прокладкой проложив
Такой пузырчатой, амортизационной.
А ты? Есть трещинка, есть рана, есть надрыв?
Замрёшь, потупишься, в изъяне уличённый?

Не знаю. Может быть. Мне кажется, что нет,
Хотя и отдал дань обидам и разлукам.
И удивительно, как дорог мне поэт
С таким надтреснутым в стихах, щемящим звуком!

2012

* * *

Счастли́в, кто посетил сей мир...

Ф. Тютчев

Страны, как люди, с ума
Сходят. Безумие длится
Долго. Спускается тьма,
Что-то им страшное снится,
Камни летят из толпы,
Здания горят и машины,
Казни, расстрелы, гробы,
Взрывы, аресты, руины.

Что это? Кто виноват?
Вирус? Большие идеи?
Пламенный лозунг? Плакат?
Мойры, медузы и змеи?
Религиозный надрыв?
Вождь и послушная масса?
Кто посетил — не счастлив.
Кто не родился — тот спасся.

2012

* * *

Зачем собираться в надмирные дали,
Полжизни лететь на звезду?
Мы тысячу раз там с тобой побывали,
Покинув земную тщету,
Когда мы друг к другу во тьме приникали
И свет раздвигал темноту.

А кроме того, ночничок прикроватный
На тумбочке мирно горел,
А кроме того, этот мир необъятный
Во тьме вместе с нами летел.
Единственный способ, счастливый, приватный,
За будничный выйти предел!

Единственный способ прожечь эти ночи,
Сорвать потайную печать,
Примериться к звёздам, и гибель отсрочить,
И вечную жизнь осязать,
А если писать, то как можно короче
Об этом, а лучше — молчать.

2012

* * *

Кто работает в поте лица на земле:
Тракторист, агроном или овощевод —
Не любятя лесом в заманчивой мгле
Или полем, им не до природных красот.

Им погода нужна, им желанны дожди
Или солнце, им важен большой урожай,
И Толстому сказали б они: «Отойди».
И сказали бы Фету они: «Не мешай».

И туман ни к чему, и томленье смешно,
И к цветам не припали б они полевым.
Это правда. Смотри, как в ладони зерно
Они спелое держат, любятяся им.

2013

* * *

Кофе пить и курить в голубых тонах
С розоватой подсветкой, дыша прохладой,
И белели бы скатерти на столах,
И сияло бы солнце над балюстрадой.

И рукой иногда отгонять осу.
Ненасытная, надо быть с ней поостроже.
— Что, оса, ты здесь делаешь? — Ось сосу.
— Любишь сладкое? — Это одно и то же.

Хорошо нам про ужас земной забыть,
Он растаял — осталось стихотворенье.
Надо, надо начитанных ос ценить,
Разрешить им из вазочки брать варенье.

Есть такие слова, как судьба и рок,
Деспотия, история, мрак, морозы —
Или скатерть, волна, голубой дымок...
Кто решает за нас? Неужели осы?

2013

* * *

Все эти доспехи и копья, щиты и шлемы,
Чугунные ядра, мортиры, единороги,
Которые в детские годы так любим все мы,
Весь этот декор, древнеримские эти боги
И средневековые ангелы, аркебузы
Или арбалеты, ещё якоря, бушприты,
Вся сила и слава, надвратные львы, медузы
Затем и понадобились, что они забыты.

И кажется, все эти взрослые украшения
Рассчитаны втайне на детское восприятие,
Задействовав ум, развивая воображение,
И как хорошо, что богиня не носит платье,
И весь исторический опыт, и вся культура
Спускаются в детскую комнату понемногу
И лишь понарошку серьёзно глядят и хмуро,
В действительности же ничуть не страшны, ей-богу.

2013

* * *

Американские президенты, английские короли,
Уходя, как вечернее солнце, за край земли,
Становились почтовыми марками; мне, ребёнку,
И Георг и Виктория скрасили, как могли,
Детство послевоенное: можно уйти в сторонку

И достать из кармашка альбомного, не дыша,
Марку, плоским железным пинцетом её держа.
Кто мне дал, уступил замечательную такую,
Поменялся со мной? И, как бабочка, хороша.
Не помять бы её, иностранную, дорогую!

Наши лётчики, маршалы, снайперы, моряки
И большие писатели тоже не пустяки,
И высотные зданья, и домны совсем не плохи,
Но есть страны другие, о, как они далеки!
Всё ж от них доставались мне кое-какие крохи.

2013

* * *

Если есть ещё зайцы в лесу,
Я давно их не видел, лет сорок,
Заяц зайцу, зарывшись в росу,
Говорит, осторожен и зорок,
Скинув лапкой со щёчки слезу:
Скоро кончится весь этот морок.

Скоро трепет забудем и страх.
Ждать, поверь мне, осталось немного.
Зеркала есть и стёкла в домах.
Дрожь не вечна, не вечна тревога.
Станешь солнечным зайчиком, ах!
Ты же веришь, я думаю, в Бога.

2013

* * *

Бог — старик. Уж точно, что не мальчик,
И понятно, что не молодой
Человек, берущий чемоданчик
На работу из дому с собой.

И, конечно, коль в антропоморфном
Видеть Бога облике таком,
То не зрелым мужем с шагом твёрдым,
Достоверней как-то — стариком.

И стареть обидно, но не слишком.
Выйдешь в сад, присядешь на скамью,
Отложив наскучившую книжку, —
Лучше клёны в сомкнутом строю.

Есть надежда, как ни огорчают
Все народы, страны и века,
Что друг друга лучше понимают
Два на мир глядящих старика.

2013

* * *

За то, что так на смерть сумел он посмотреть,
Как ни один поэт, бесстрашно и сурово,
И за неё сказал, как будто это смерть
Заговорила вдруг, решающее слово,
За то, что, заглянув в глаза ей, не отвёл
Взгляд и увидел в них не рок, а избавленье
От бедствий и надежд, от радостей и зол,
Притом не пожалев себя ни на мгновенье.

За то, что ужас он, тем более надрыв
Ни в жизни, ни в стихах о смерти не позволил
Себе, и не хитрил, и был к ней справедлив,
За то, что и один возможен в поле воин,
За то, что не призвал на помощь ни любовь,
Ни вечную весну, ни листьев шелестенье,
За всё это шепчу ему спасибо вновь,
Читая про себя его стихотворенье.

2013

* * *

Есть ли власть в Нидерландах? Страною правит
Кто-нибудь? Иль Вермеер свои предъявит
Нам права на Голландию и Рембрандт?
Есть ли в Австрии власть? Или в грош не ставит
Её Моцарт — и правит страной талант?

Есть ли в Англии власть? Или у Шекспира
И без власти в венозных руках — полмира?
А в Италии памятников не счесть
Данте, лавр ему больше идёт, чем лира.
А в России? В России была и есть!

2013

* * *

Спорили, кто бы рискнул гладиаторский бой
В жизни увидеть хоть раз? Неужели Толстой?
Нет, разумеется. Дело при этом не в страхе.
Разве не помнил он ядра и сомкнутый строй,
Артиллерист, в лужах крови не вязнул и прахе?

А про Тургенева и говорить ни к чему.
Шарф на глаза — и подглядывать сквозь бахрому
Он, не надейся, не станет. Скорее, заплачет.
Помнишь, как он сплеховал в пароходном дыму?
Правда, и дым тот удушливым был и горячим.

Может быть, Чехов? Ведь ездил же на Сахалин!
Опытность — доблесть прозаика. Сколько ангин
Вылечил, колик, в холерной работал больнице.
Но в Колизей не пошёл бы! Смотреть, как один
Душит другого, а главное, оба — убийцы?

Кто же тогда? Ты кого-то имеешь в виду,
Только сказать не решаешься. Я отойду,
Чтоб невзначай не услышать любимое имя.
Он и в раю б не смутился, не дрогнул в аду,
Ну и тем более не растерялся бы в Риме.

И делибаш у него с казаком на виду
Гибнут у всех — и солдаты любят ются ими.

2013

* * *

Оделся, вышел на мороз
Январской ночью. Не спалось.
Посёлок дачный льдом оброс
И вместе с ним — земная ось.

И в снежном бархате, в шелку
Была такая красота!
И вдруг увидел на снегу
Чужого белого кота.

Не испугался кот ничуть,
Сидел, уйти не захотел,
Во все глаза на Млечный путь,
На звёзды пышные глядел.

Не отступил, не отбежал,
Как будто звёздный видел сон,
И человека приглашал
Смотреть на них, как смотрит он.

2013

* * *

Так, как если б меня уже не было,
Я вошёл в свою комнату, свет
Не включая, и рюмочки тремоло
Прозвучало, и скрипнул паркет.

Словно вещи меня ещё помнили,
Нет, обиделись, скажем точней,
И притворство моё не одобрили,
Не до призраков им и теней.

Что за игры? И стол без хозяина
Будет выброшен, вынесен шкаф.
Ждёт их горькая участь, окраина
Жизни, свалка, лишение прав.

И картинки как будто обижены
На стене, и торшер приуныл.
Свет зажжёт и сказал им, пристыженный:
Да не бойтесь вы: я пошутил.

2013

* * *

Цезарь Борджиа, дай мне немного яда,
Где он, в перстне узорном, в ларце скрипучем?
Мне его для себя, не для мщенья надо.
Мало ли что случится, — на всякий случай!

Это будет большое благодеянье
И хороший с твоей стороны поступок.
С белым воротом, в бархатном одеянье,
Ты-то знаешь, как слаб наш состав и хрупок.

Ты злодей, и сестричка твоя — злодейка.
Плохо вас воспитал благолепный папа.
Вообще мне не нравится вся семейка.
Нравится можжевелевая мне лапа.

Я люблю это небо, не беспокойся,
К шуму лиственный глубоко привязан,
Но в конце нас сомнительное геройство
Ждёт, беспомощность и униженья сразу.

Одиночество, дряхлость, потеря речи.
Кое-кто предпочёл бы паденье с крыши.
Если б смертному мраку пойти навстречу,
Как уходят в нору полевые мыши!

Безусловно, я разные слышал мненья,
Для меня большинство из них непригодны.
В отношенья других это преступленья,
В отношенья себя мы вполне свободны!

2013

* * *

Ну и что ж, что у Шекспира в пьесе
Из Вероны по морю плывут
До Милана, — этот мир чудесен,
Потому что ветром он продут,
И, смотри, расцвечен парусами
Даже там, где их в помине нет!
Пусть встаёт волна перед глазами,
Если моря требует сюжет.

Не идти ж ему в Адмиралтейство,
Не просить же карту показать.
То ли дело — правду от злодейства,
Как от суши хляби отличать.
Эрудит, глядящий исподлобья,
Зарываясь в пыльные тома,
Добивается правдоподобья,
Но не правды сердца и ума.

2013

* * *

Не друзей — приятелей зову я:
С ними лучше время проводить...
М. Кузмин

Поделив знакомых на приятелей
И друзей и разницу меж ними
Объяснив, поэт своих читателей
Обманул: друзьями дорогими,
Очевидно, он считал зависящих
От него — и сам от них зависел,
Без него судьбы своей не мыслящих,
Требовал любви от них и писем.

И страной зелёной, тенью лиственной
Грезил над замёрзшею Невою.
Получается, что легкомыслие
Дорогой оплачено ценою,
Но стихи, стихи так увлекательны,
И твержу я их неравнодушно,
Не умея друга от приятеля
Отличить, да это и не нужно.

2013

* * *

Большое зеркало у нас висит напротив
Окна — и в зеркале том дерево шумит
В июньской зелени, в октябрьской позолоте,
Я, я — наверное, забывшись, говорит,
И вряд ли кажется ему таким уж диким
Местоимение, и первого лица
Стесняться незачем, а быть равновеликим
Себе так хочется и надо — до конца!

Шуметь — и радоваться собственному шуму,
Блестеть — и этот блеск бесхитростно дарить
Сидящим в комнате, удвоенную сумму
Листвы и в комнате, и во дворе хранить,
Казаться топчущейся во дворе толпою,
Так эти ясени подвижны и густы.
Я, я, — и в зеркале любит себя собою.
И, многоликому, я говорю: *ты, ты!*

2013

* * *

Нет, не испанский пыл и мрачная гордыня,
Нет, и не английская складка, как сказал
Нам грибоедовский бездельник и разиня,
Придя под занавес на фамусовский бал,
Про князь Григория, что коротко подстрижен,
Не Лондон пасмурный и пламенный Мадрид —
Люблю Голландию, она мне как-то ближе,
Её устойчивость и прочный реквизит,
Стекло витражное и плиточного пола
Рисунок шахматный, кофейник и бокал.
Голландской живописи бюргерская школа,
Сидел бы с девушкой и скромно пировал.
Не надо Тауэра мне зубчатых башен,
Не надо мрачных тайн Мадридского двора,
Люблю Голландию, уют её не страшен,
Узор на скатерти и отблеск серебра,
Для буржуазности вот этой, первой в мире,
Ещё не тронутой ни алчностью, ни злом,
Важна приветливость, и я на скромном пире
Болтал бы вежливо, о чём? О том о сём.

2013

* * *

Ты думаешь: я здесь, а я не здесь, а там,
Где плещется канал под маленьким балконом.
Я сверху на канал смотрю: он строг и прям,
То блекло-золотым, то кажется зелёным.

Ты думаешь, я здесь, а я не здесь, а там,
И чайка, на муляж похожая, огромна,
И видно по её сверкающим глазам,
Как, хищная, умна она и вероломна.

Меня за своего приняв, задеть крылом
Готова, чтобы я её, венецианку,
Достоинo оценив, накрыл своим стихом
И русскую его ей показал изнанку.

Что чайка? Улетит. И впрямь, зачем она?
Мне нравится канал, а чайка надоела.
А за моей спиной — далёкая страна,
На столике в саду отложенное дело.

Там мшисты валуны, меж них проложен путь
С опятами на пнях, и ели опахало, —
Не там, а здесь меня найдёшь когда-нибудь,
Обрадуешься мне, сказав: Я так и знала!

2013

МЫ ГОВОРИЛИ...

Он был священник, я был осторожен с ним,
Главную тему как бы обходя по краю.
Мы говорили друг с другом, как врач с больным.
Он был больным или я был больным — не знаю.

Нами обоими был горячо любим
Полузабытый английский роман «Суть дела».
«Да, — говорил я, — людей понимал Грэм Грин».
Он соглашался: «У Грина душа болела».

Сетка москитная. Грифы на крыше. Зной.
И океан за окном, и жена Луиза.
И беспросветные ливни стоят стеной.
Да, а на бортике ванной сидела крыса.

«Самоубийство не в счёт, и любовь не в счёт,
Важно, чтоб поняли нас и, поняв, простили».
А милосерден или равнодушен тот,
Кто наблюдает за всем, — мы не говорили.

2013

* * *

О, если б кто прозрел, действительно прозрел,
Увидел всё, что есть вокруг, слепорождённый!
Как испугался б он, быть может, онемел.
Так вот что значит цвет, вот он какой, зелёный!

Какими он людей увидел бы, людей,
Их руки, их тела, их головы и уши!
А улица, дома, стоящие за ней,
Кто б думал, что они так выглядят снаружи!

А это что вверху, неужто облака?
Неужто облака? Просил бы: помогите!
Они и впрямь плывут, колышутся слегка,
В каком они летят невероятном виде!

А это что? Трава? А под травой песок?
Какие-то штрихи, мерцание и пятна.
Евангелисту двух хватило беглых строк:
Прозрели — и пошли. Как странно, непонятно!

2013

* * *

Значит, так: облегающий, бархатный, серый камзол
с узором
На больших рукавах, и узор должен быть цветочным,
И батистовый воротничок гофрированный —
это вздором

Вам покажется, но сделать надо всё очень точно,
И штаны до колен, а не брюки, отнюдь не брюки,
Пара шёлковых серых чулок — и на туфлях пряжки, —
Так писал он портному, скорее всего, от скуки
И презрения к ближним, — такие, увы, замашки.

И таким представал, на манер короля Франциска
На портрете у Жана Клуэ. Или у Гольбейна?
О, какое эстетство, как много в эстетстве риска
И самолюбования, как он благоговейно
Относился к себе и дендистским своим заскокам,
Как с фарфоровой вазой китайской, с собой носился...
Я читал про Уайльда, читал, как про диплодока,
Зная, как он расплатится, бедный. И расплатился!

2013

* * *

Конечно, нет. Не верю в предсказания,
Иначе фильм о жизни где-то снят
Заранее, все встречи, расставанья,
Все смерти, каждый шёпот, каждый взгляд.

Конечно, нет. Иначе все страницы
Грядущих книг написаны уже,
Ни праведника нету, ни убийцы.
И не за что ответ держать душе.

Никто не виноват. Товарищ Ленин
Сыграл ему порученную роль.
Конечно, нет. Иначе ни сомнений,
Ни слёз, и кровь не кровь, и боль не боль.

А мёртвый конь, змея та гробовая,
И князь Олег, конечно, ерунда.
Но жизнь свою в уме перебирая,
Вдруг говорю, смутясь: конечно, да!

2014

* * *

В чём дело, не пойму. И нефти, и угля
В ней больше, чем в любой другой стране, и торфа,
И газа, и леса огромны и поля,
И что ни новый царь, то новая реформа,
И олово, и цинк, и никель, и руда
Железная в её глубинах, и алмазы,
Её подводный флот готов пойти туда,
Куда ему велят — и выполнить приказы,
Стрелковое её оружие в чести,
И средства ПВО, и новый истребитель,
Но в драном пиджаке и с мелочью в горсти,
К прилавку подойдя, её томится житель,
И раньше, чем француз, бельгиец или швед,
Умрёт на фоне всех неслыханных запасов.
Я звёздный блеск люблю и старый парк, как Фет.
Зачем же я пишу сегодня, как Некрасов?

2014

* * *

Джульетта, Офелия — девочек жаль,
За что им такие страдания?
И жаль Дездемону, — какая печаль
В основе лежит мироздания!

И кажется странным, что в книге одной,
В смятенье, в слезах и в испуге,
Под общей обложкой, тяжёлой такой,
Не знают они друг о друге.

Три разных любви, а дорога одна.
О, если б могла Дездемона
Прочесть про Офелию! Жизнь, ты страшна,
Носиться с тобой нет резона.

Но иву увижу, увижу зарю —
И что мне страдалицы эти?
Я что-то, Джульетта, не то говорю!
Три спутницы, в сущности, — дети.

2014

* * *

Откуда он, сей гул непостижимый?
Ф. Тютчев

Не поленюсь, на лифте поздней ночью
Спущусь и выйду, крадучись, во двор
Не для того, чтоб туч увидеть клочья
Иль звёздный, еле видимый узор,
Что фонари затмили ярким светом,
И не дворовых клёнов караул,
А для того, чтобы во мраке этом
Услышать тот заветный, странный гул.

Чудесный гул — и я себе позволю
Вослед поэту так о нём сказать:
Пока мы спим, отпущенный на волю
И мыслящий, и можно угадать,
О чём шумят ночные эти мысли,
Когда, сойдясь над городом, они
Во тьме живой субстанцией нависли.
Или их нет над нами в наши дни?

2014

* * *

Как чудно всё: и мироздание,
И снежных вихрей навыв ткацкий!
Откуда заяц про восстание
Узнал на площади Сенатской?

Неужто же в лесу у ельника
Есть связи тайные, возможности, —
И зайца, белого бездельника,
Он держит на секретной должности?

Быть может, льдинке с влажным фокусом
Следить за городом приказано
И всё каким-то странным образом
В чудесном этом мире связано?

Или во мгле и снежной осыпи,
Решив с судьбою не тягаться,
Придумал всё это для Осиповой
Поэт, свалив вину на зайца?

Нет, нет, мне думать так не хочется,
И в сказках к людям жмутся звери,
И льнёт луна к нам, полуночица,
И я немного суеверен.

2014

* * *

Командир эскадрильи палубных вертолётов,
Вероятно, устал от далёких морских походов,
И снимают его операторы пять минут,
Потому что другие сюжеты их дома ждут.

А как мне он понравился, если бы они знали!
В офицерской пятнистой штормовке, глядящий в дали
Не из чувств романтических, а потому, что там
Вертолёты — и спустятся скоро к его ногам.

А ещё он и выпить, почудилось мне, не промах.
А ещё что-то есть в нём, чего нет в моих знакомых.
Посмотри, сколько слов уместил я в одну строку.
Вертолёты представить стоящими так могу.

Он на палубе топчется, как пожилой привратник,
Он всех птиц своих знает, как истовый голубятник,
В облака залетающих, дышащих: пых-пых-пых.
Ему важно, чтобы не пропал ни один из них.

И ещё, чтобы снять его, нужен особый пропуск,
И, решившись к нему полететь, посмотри на глобус,
И ещё, что он скажет, проверят не раз, не два.
Впрочем, винт вертолётный его заглушит слова...

2014

* * *

Принесли букет чертополоха...
Н. Заболоцкий

Говорить о жизни плохо
Я не должен и не буду.
Даже куст чертополоха,
Посмотри, подобен чуду.

И при том, что он колючий,
У него цветок пушистый.
Это очень частый случай
В жизни пламенной и мгlistой.

И моё стихотворенье
Подошло б для детской книжки,
Если б речь не шла о тренье
Меж людьми и резких вспышках.

Если б я без рассуждений
Любовался им, лиловым.
Если б сумрачные тени
Не мерещились за словом.

Он этюды, он наброски
Обещает живописцу.
Если бы не Заболоцкий,
Разглядевший в нём темницу.

Это жизнь — и к ней искусство,
Может быть, несправедливо.
Это двойственное чувство
Восхищенья и надрыва.

2014

* * *

Я безумен только в норд-норд-вест,
А при южном ветре (лёгкий жест,
Взмах рукой приветливый, не так ли?)
Отличаю сокола от цапли.

Как же, друг мой, принца не любить?
Ведь не только «быть или не быть»,
Он в любом прекрасен эпизоде,
В этом тоже, вспомнив о погоде.

И любую фразу перенять
Хочется и повторить опять
Вне театра, в личных интересах,
В занавесах жизни и завесах.

В складках и морщинах мрачных дней
Или в светлых, — южный ветер, вей! —
Мы в своём уме, тиски ослабли, —
Отличаем сокола от цапли.

2014

* * *

И Расин в парике, и Мольер в парике,
И Декарт, и Гельвеций, как овцы.
Мы в сравнении с ними живём налегке!
Эта мода похожа на рябь на реке,
А король поднимался как солнце.

Я подумал о них, на барочный дворец
Глядя... Ньютон, и Свифт, и Вивальди
В обрамленье лепных завитков и колец,
И неважно, кто ты: музыкант ли, мудрец,
Ты нуждаешься в пудре и банте.

И разгладив рукой кружевной воротник,
Хвалишь разум и славить свободу,
И небесной механики тайны постиг,
Но условность велит — и ты носишь парик
Утеснительной моде в угоду.

2014

* * *

Ваших снимков разноцветный ряд
Сделан за день или за неделю.
Спрячьте, спрячьте фотоаппарат,
Не показывайте Рафаэлю!

Уберите, есть же рукава,
Или в стол, в карман, под одеяло!
А иначе разве папу Льва
Написал бы он и кардиналов?

Папа важен и одутловат,
И все трое в красном, ярко-красном.
Уберите фотоаппарат
С объективом суетно-бесстрастным!

За спиной у них клубится мгла,
Тем острее их зоркость и смекалка...
Вы же видите, к чему пришла
Живопись сегодня — вам не жалко?

2014

* * *

Захочется что-нибудь вспомнить в унынье,
Чтоб мрак разогнать и тоску обмануть, —
И вспомню тот дом в поселковой пустыне,
В его одиночестве, сумрачный путь
К нему мимо елей мохнатых, — в сторонке
Стоит на отшибе, внушая покой.
Огромный цветок на зелёной вагонке
Его нарисован, красивый такой.

Не роза, не мак — полевая ромашка,
Как детский рисунок, наивна она —
Хозяйская прихоть такая, побрякка
Себе и причуда на все времена,
И можно представить, с каким её чувством
Чудак-человек на стене выводил.
И с самым высоким поспорить искусством
Могла бы, так смел её контур и мил.

2014

* * *

Вот лучший способ забыть о смерти —
Приехать к морю на две недели.
По шерсти ветер и против шерсти
Здесь гладит воду. Живи в отеле.

Ты оторвался от мыслей мрачных,
Ушёл стремительно от погони,
В волнах скрываясь полупрозрачных
И сидя вечером на балконе.

Всё разрушается, даже горы,
Из камня город приморский сложен,
И только море свои просторы
Не уступает и краски тоже.

Ничто не мучит тебя, не сердит,
Претензий нет ни к судьбе, ни к веку,
И в двухнедельном своём бессмертье
Ты ближе к Богу, чем к человеку.

2014

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В школе мне очень не нравилось средневековье.
Плох был учитель и скучен учебник — тоска!
Пытки, и казни, и всё это залито кровью,
И по Европе, как банды, бродили войска.

Сумрачно, холодно, ветрено, пыльно, жестоко.
Ни процветания, ни просвещения нет.
Хоть бы сказал кто-нибудь мне, что веточку дрока
Жёлтую к шлему прикалывал Плантагенет!

Хоть бы витраж показали лимонно-багровый,
Хоть бы скульптурный, похожий на заросли ряд,
Где Добродетель и Мудрость не слишком суровы
И на ребёнка с туманной надеждой глядят.

Нет же, лишь дикость. И разум в железных оковах.
Да и в войне что они понимали? Ни бомб,
Ни пулемётов. И карточек нет продуктовых,
И эшелонов... Мой тихий, мой детский апломб!

2015

* * *

Д. Гранину

Помнишь, Болконский не стал старика генерала
Слушать, велел обождать, перебил, оборвал.
Тот покраснелся, и, кажется, челюсть дрожала.
При орденах, не штабной, — боевой генерал.

Чуть не навтыяжку стоя, просил адъютанта,
Чтобы к Кутузову тот пропустил его. — Нет,
Ждите в приёмной. Болконскому блеск бриллианта
Дан от рожденья, старик же неловок и сед.

Дело обычное. Субординация жизни
Не подчиняется выученной, уставной.
Вот наш любимец, он смел и умён, бескорыстен,
Но в этой сцене противен, надменный и злой.

Скажешь: ведь это же всё персонажи романа,
Можно ли требовать сердца от них и добра?
Можно! И горько, и больно, и дико, и странно.
И понимаю: давно бы привыкнуть пора.

2015

* * *

Навести бы порядок, ей-богу,
И всё лишнее с полок убрать,
И пойти в обучение к Блоку,
Справа ручка, а слева тетрадь.

А все эти поделки, подарки
Отнести на помойку — долой!
Хороши петербургские арки
С их прохладой и тенью сквозной.

Хороша в отдаленье колонна,
Невский блеск и ускоренный шаг.
Жизнь пуста у него и бездомна.
Я ошибся: бездомна! Пусть так.

2015

ОСТРОВА

На Корсику, на Мальту, боже мой,
На Крит, на Кипр, ещё куда? На Родос
Счастливец прилетает, как домой.
На Суматру, к его услугам глобус,
На Яву, на Ямайку, если он
Экзотики любитель, на Багамы.
Или туда, где был Наполеон
Так одинок в конце великой драмы.

И в Англию, ведь Англия — страна,
В отличие от многих, островная,
И славится туманами она,
Своих соседей плохо понимая.
Что ж, в Англии я был, на Крите был,
Спасибо и за то, за берег плоский
Или скалистый, но всю жизнь любил
Елагин остров, Каменный, Крестовский.

2015

* * *

Что ж, я видел стихов торжество,
А теперь посмотрю на упадок.
Словно спать прилегло божество.
Я надеюсь, что сон будет краток.

А с другой стороны, без стихов
На земле обходились веками:
Шили, ткали, лепили богов,
Украшали ларцы жемчугами.

Алебастровый, здравствуй, сосуд
Из Урука, бычок из Майкопа.
А стихи... А стихи подождут.
Это пауза, это синкопа.

2015

* * *

К испытаниям душа не готова
Ни в семнадцать, ни в семьдесят лет.
Ей бы радости снова и снова
И наглядных весенних примет!
Чтобы облако было пунцово
Или розово, — влага и свет.

Словно прежде, чем жизнью земною
Заболеть, побывала в раю,
И сравненье с нездешней весною
Ей в земном затрудняет краю
Жизнь, с печалью её и бедою, —
Не справляюсь, томлюсь, устаю.

2015

* * *

Кто живёт в этом доме, тот домом своим
не любит:ся:

Он не видит фасада.
А фасадом любит:ся тот, кто проходит по улице,
По другой стороне её — не отвести ему взгляда.
Рядом с ним его спутница,
Хорошо ему с ней, она всё понимает, как надо.

Замедляя шаги, говорит ей, как другу Горацию:
Посмотри, что за чудо!
Как люблю я симметрию эту и конфигурацию,
Принесённую в сумрачный мир неизвестно откуда!
И в нирвану, в прострацию
Впору впасть, да нельзя: Аполлон здесь уместней,
чем Будда.

К человеческой правде добавлена лучшая, вечная,
И подсказано свыше
Нам, что к жизни нельзя относиться, как мы,
недоверчиво.
Слышишь, что говорит эта статуя в каменной нише?
Что бессмертие нам обеспечено,
Только не заносись: тем надёжнее тайна, чем тише.

2015

* * *

Аллея похожа была на туннель
Под липами в сладком цвету
И голову сырость кружила, как хмель,
И чудный был сумрак в саду,
А дальше не знаю, о чём рассказать,
Но, выйдя на солнечный свет,
Хотелось в аллею вернуться опять, —
Какой баснословный сюжет!

Какой прихотливый, желанный какой,
Причудливый, было бы жаль
Его погубить, заменив на другой,
Смутить, увести его вдаль,
Придать ему важности, встречу в саду
Нездешнюю изобрести.
Не надо! Вернусь и ещё раз пройду
Назад по тому же пути.

2015

* * *

Сыщик пошёл направо, свернул налево,
Перед собой увидел отель «Бертрам»,
Детективы читает и английская королева.
Значит, ей тоже скучно, не только нам!

Лет до семидесяти я не знал, что такое скука.
Жить было интересно, потом признать
Мне пришлось, что ещё не освоена мной наука
И пора овладеть ею, то есть уметь скучать.

Облегченье приходит за чтением детектива,
Недостаточно бабочки в жёлтой её пыльце
Или облачка в небе, — спокойно, неторопливо,
Как читают его, в Букингемском живя дворце.

2015

* * *

Стайка облаков,
Дождевые капли.
Жизнь и без стихов
Хороша, не так ли?

Маленький цветок
Нежно-фиолетов.
Жаль его: намок
И не знает Фета.

Отпадёт эмаль,
Отцветёт фиалка.
Жизнь проходит — жаль.
А стихов — не жалко?

В отблесках сквозных,
С рифмами по краю...
Как бы я без них
Жил, не понимаю.

2015

* * *

Подумай, какие названья! Мисхор, Симеиз,
Алупка, Алушта, Гурзуф. Где вы жили? В Гурзуфе.
Татарский язык — ни на что не похожий каприз,
И чудная пористость в нём проступает, как в туфе.

И кажется, лучшего нет на земле языка.
Какой европейский так бухты сближает и скалы,
В каком Карадаг так на вас поглядит свысока,
Ай-Петри предъявит зубчатый свой край нежно-алый?

И я в Коктебеле, быть может, счастливее был,
Чем если бы отпуск провёл на французской Ривьере.
И русский язык эту радость вобрал, полюбил
И счастьем обязан ей, парусом, розами в сквере.

2015

* * *

Как хорошо пример чужой
Шлифует нас и улучшает!
Ну вот, Бетховен был глухой —
И это тоже утешает.

Он вообще на маску льва
Похож, то медный, то чугунный.
Оглох, а музыка жива,
И рокот нас врачует струнный.

А вот ещё Гомер, Гомер,
Очами видящий слепыми, —
Какой спасительный пример!
И все, кто умер молодыми.

Под Машуком или заплыл
И утонул в пучине влажной,
И тот, кто слишком долго жил
И жить устал, и смерти жаждал.

2015

* * *

В сквере клён поспешно облетает,
Словно в город входит Тохтамыш.
В ресторане музыка играет
Слишком громко: не поговоришь.

И людей устраивает это,
Посмотри, как пьют они, едят.
Да и слово тихое «беседа»
Устарело. Так не говорят!

Говорить и не о чем, и не с кем.
Налетает музыка, как шквал.
И живи сегодня Достоевский,
Ничего бы он не написал.

Упрощенье жизни, отмиранье
Разговора, сумерки богов.
Я любил взаимопониманье.
Улыбнись, скажи мне пару слов.

2015

* * *

Обман, предательство, вражда,
Абсурд в раскрашенных обложках.
Разочарован в людях? Да.
Но не в собаках и не в кошках.

И клён ни в чём не запятнал
Себя, и тешит взгляд синица.
К тому, что я сейчас сказал,
Всерьёз не стоит относиться.

Изольде ласточка верна,
И Дездемону помнит ива.
А мизантропия смешна.
Быть мизантропом некрасиво.

2015

* * *

Лучше мне не смотреть никакой футбол,
Баскетбол, волейбол, не смотреть хоккей.
Не пойму, то ли взгляд у меня тяжёл,
То ли надо спокойней быть и мудрей,
Знаю только, что если начну смотреть,
Те, кто нравятся мне, потеряют мяч,
Слишком пасмурен я, чтоб за них болеть,
Или, может быть, я чересчур горяч.

Лучше мне не смотреть никакой хоккей,
Лучше мне не смотреть никакой футбол.
Тренер и не узнает, что по моей —
Не его вине был пропущен гол,
Он-то честно своих молодцов учил
Распасовке, защите, всему, всему.
Если бы телевизор я не включил,
То и не проиграли бы никому!

2015

* * *

Эта нимфа — пример лицемерия
И притворства, пуста, как дупло,
Наклонилась, чтоб мы ей поверили,
Что балкон ей держать тяжело,
Между тем как она — украшение,
И балкон к её белым рукам
Не имеет, смотри, отношения:
Две консоли торчат по бокам.

Не пойму, почему мне так хочется
Недоверие высказать ей?
Не ткачиха она, не уборщица,
А жилица ручьёв и морей.
Между прочим, свои огорчения
Есть и у молодых секретарш,
А представь пустоту, упрощение —
Как бы скучен был третий этаж!

2015

* * *

Небоскрёбы Пекину нужней,
Чем Нью-Йорку, — в нём тридцать живут
Миллионов, — для бедных людей
Небоскрёбы и строятся тут.

Небоскрёбы и высятся здесь,
Сталагмитовый, гляцевый лес.
И понятнее замысел весь
Стал мне, так же как слово «прогресс».

Небоскрёбы и тянутся ввысь,
К небу тысячи окон задрав.
Могут Запад с Востоком сойтись,
И, наверное, Киплинг не прав.

2016

* * *

Ангелок — это тот же Амур,
Та же выкройка, тот же фасон,
Так же розов, по мне — чересчур,
Так же резв и общителен он.

Рай ещё не придуман и ад,
А крылатые дети уже
Льнут ко взрослым, как будто хотят
Лучше знать, что у них на душе.

Христианский и греческий миф
Так похожи, при разнице всей, —
Кто им общий диктует мотив?
Стая галок или голубей?

Ангелочка с амуром сличи —
Удивишься, внимательный друг:
Словно мы подобрали ключи
К человеческой психике вдруг.

Так же зиму не любят и тьму,
Так же май обожают и свет.
И хотелось бы знать, почему
Среди ангелов девочек нет?

2016

* * *

Читал о Вселенной с волнением таким,
С каким я давно ни о чём не читаю.
Явись шестикрылый сейчас серафим,
Сказал бы ему: я горю, я сгораю,
Я в пламя завёрнут, я кутаюсь в дым.

Мне вихревращенье ночного огня,
Мне вспышка звезды интересна сверхновой!
Какое бессмертье? Отстань от меня!
Здесь, видишь, с загадки спускают покровы,
Быть может, с прообраза первого дня.

И как бы мы ни были жалки и злы,
Обидчивы, глупы, смешны, трусоваты,
Развязывать весело эти узлы,
Разгадывать радостно эти шарады,
Сдирать с них завесы, снимать с них чехлы.

А то, что созвездиям нету числа,
Что мы во Вселенной затеряны хуже
И непоправимей, чем в стоге — игла,
Мне нравится это и голову кружит,
Как вечная жизнь бы вскружить не могла!

2016

* * *

Наверное, мёртвые так же боятся живых,
Как мёртвых боятся живые, и редкие встречи
С живыми во сне не особенно радуют их,
И самые светлые ночи им дают на плечи,
И здешние их не прельщают счастливые дни
С делами земными и, как говорится, тщетою.
И там, за последней чертою, отвыкли они
Пить чай, говорить ни о чём и справляться с бедою.

Поэтому, может быть, смотрят испуганно так
И словно подавлены чем-то, пришиблены, хмуры,
И тёмные речи их сбивчивы, смысла никак
От них не добиться, как будто боятся цензуры
Небесной, которая строго за ними следит,
Чтоб лишнего нам не сказали — и мы не решили,
Что с жизнью приятно расстаться, что тополь шумит
В окне хорошо, но не так хорошо, как в могиле.

2016

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Некоторых мучает,
Что летают мыши...

Б. Пастернак

А летучая мышь измеряет криком
Расстоянье, его отражённым эхом, —
И размеры, и форму вещей — и в диком
Этом облике пользуется успехом
У биологов, физиков, наше зренье
Заменял ей чудесный эхолотатор.
Что же ты к ней относишься с подозреньем
Ночью, в сумраке душном и сыроватом?

Может быть, обладая таким устройством,
Ты проник бы в глубокую тайну мира,
Не покоем прельщаясь, а беспокойством,
И была бы настроена твоя лира
На другую волну, частоту другую,
Не доступную зренью земному, слуху?
Суть вещей полюбил бы ты роковую,
А не видимость эту и показуху.

2016

* * *

«Жизнь человека — это молвить: "Раз!"»
Сказать, откуда это? Из Шекспира.
Так перевёл строку его для нас
Лозинский. Мало времени для пира.

Недолг пир. Ещё раз посмотри
На облако, на куст, на звёзды эти.
Сказал бы он хотя бы: «Раз, два, три», —
Жилось бы веселей на этом свете.

2016

* * *

Молодой человек обещает многое,
А старик ничего: сделал всё, что мог,
И лицо ни к чему ему делать строгое,
Потому что печален и мал итог,
И без этой его золочёной мелочи
Мир легко обошёлся бы, он и сам
Понимает, что нечем гордиться, не о чем,
Обольщаясь, докладывать небесам.

Молодой человек озадачен будущим,
А старик, что успех ему, что престиж? —
Вспоминает Прибыtkовo или Будогощъ,
Да не всё ли равно ему, хоть Париж,
Старость — скучное дело, глухое, мерное,
Одинокое, тихое, без затей.
Но добрее он, может быть, стал? Наверное.
Жаль теперь ему и молодых людей.

2016

* * *

Не люблю обличительных слов.
И язвительно-правильных тоже.
Кто так прав и надменно-суров?
Жалость больше на правду похожа.

Скромен куст, утешающий нас,
Кроток голубь на пыльном карнизе.
Не люблю саркастических фраз,
Норовящих задеть и унижить.

И усмешка на жёстких губах
Мне всегда изумленье внушала.
Есть печаль, есть сомненье и страх,
Есть тоска, — разве этого мало?

2016

* * *

Осталось незамеченным почти
Открытие на днях ещё одной
Планеты мрачноватой, — не грусти,
Есть где-нибудь под солнцем мир иной!
И, может быть, там есть ещё одна
Венеция, и, может быть, при нас
Там ласточка вдоль нашего окна,
Как в Вырице, промчится в поздний час.
А зла земного нет и горя там,
И не о чем жалеть и унывать,
И слово позабывший Мандельштам
Вдохнёт и вспомнит, что хотел сказать.

2016

* * *

Поэт, любимый мной, по году не писал
Стихов. За целый год — одно стихотворенье.
Да что же делал он, да где же силы брал
На жизнь, в чём видел смысл тогда и утешенье?
И где же прятал дар свой, в ящике стола?
А вспомнив через год о нём, рукою в ящик
Лез, доставал перо, тетрадь, «А, ты пришла?» —
Он Музе говорил, таинственно молчащей.

2016

* * *

А вот Сенека смерти не боялся,
В отличие от нас.
И что за нею ждёт — не интересовался:
Пусть ничего не ждёт, как будто свет погас.

По крайней мере, там не будет ни Нерона,
Его ученика,
Глядящего на Рим, как злобная ворона,
Ни страха, ни тоски, ни бед наверняка.

А радости земные
Навряд ли во второй понравятся нам раз,
Как в первый, — так считал он, вспомнив дни былые,
В отличие от нас.

2016

* * *

Давно ли во вращающемся кресле
Сидел я перед зеркалом в сутане
И белом ободке-воротничке?
Три месяца назад, и так же лезли
Мне волосы в глаза, и как в тумане,
Я на земном затерян был клочке.

И снова в том же странном одеянье
Сижу, как католический священник,
Седой своей трухой обсыпан весь,
Томлюсь и потерять готов сознание,
Мне плохо в парикмахерской, я пленник,
И раз пять-шесть в году я маюсь здесь.

Надоедает многое. Смиренья
От человека требует земная
Жизнь. Чем я старше, тем труднее мне
Согласье получить на принужденье
У самого себя... Но зыбь речная,
Но сад, но клён, но солнце на стене!

А есть ещё, быть может, жизнь иная.
Как хорошо, что где-то в стороне!

2016

* * *

В. Рецептеру

Среди мировой чепухи,
Печалей, невзгод и потерь
Возьми хоть листочек ольхи
Домой, а унынье — за дверь!
С шершавого влагу стряхни,
Неровного к строчке примерь.
Тому, кто не пишет стихи,
Живётся не легче, поверь.

Зачем же его огорчать,
Ведь он, твой неведомый друг,
Всё знает и мог бы сказать,
Что жизнь — это чудный недуг,
Терпеть его надо, любя...
Он выбрал бы клён — не ольху,
Но он понимает тебя:
Нужна была рифма к стиху.

2016

* * *

Спасибо за низшую милость —
Аллеи глубокую тень,
Где вечную свежесть и сырость
Вдыхаешь и в солнечный день.

О да, петербургская влажность
Мне с детства на вырост дана.
Подумаешь, экая важность,
Но слита с душою она.

И в самом запущенном сквере
Душа проникает на миг
В какие-то тесные двери,
В какой-то глубокий тайник.

А высшая милость, быть может,
Окажется слишком сухой,
Прогорклой, ничуть не похожей
На сумрачный сад за Невой.

2016

* * *

Когда Россию не ругали,
Когда её не представляли
Как зло без края и конца?
Так ведь и впрямь — какие дали
Видны от Зимнего дворца!

Одной Невы вполне б хватило,
Чтоб осознать, какая сила
Стоит за ней, — и потому
Её и Вена не любила,
И Лондон видел только тьму.

И то же самое Берлину
Казалось: стену бы, плотину
Поставить, — что за дикий край!
Хоть плачь, ольху обняв, рябину,
Хоть Тютчева перечитай.

2017

* * *

Машина зашла в переулок, и фары
Мигали, мигали её, — почему?
Какие печали, какие кошмары,
Какую беду разглядела сквозь тьму?

Зачем переулок ей наш — непонятно,
И мало ли улиц вблизи попрямай,
Пошире? Не надо лучей, Ариадна,
Не надо клубка нам и нити твоей!

У нас минотавры не водятся, что ты!
Вороны и голуби в сквере одни.
Не надо подсветки твоей, позолоты!
Смутилась — и вдруг притушила огни.

Но сдвинулась с места — и вновь ослепила,
Да так, что ночная отпрянула мгла.
Быть может, о чём-то нас предупредила,
Уехала — сделала всё, что смогла?

2017

ЗАБОРЫ

Раньше были какие заборы?
В них широкие щели сквозили,
Составною их частью зазоры
И пробелы широкие были,
А штакетник и вовсе рассчитан
Был на то, чтобы видел прохожий,
Как крыжовник прекрасно воспитан,
Как отлично малинник ухожен.

А теперь за железной завесой
Скрыта жизнь — не напишешь рассказа,
Невозможна ни повесть, ни пьеса,
Ни вьюнка, ни калитки, ни лаза,
Беспросветный застыл перед взором
Металлический ряд, словно прочерк, —
Под таким равнодушным забором
И поэт умереть не захочет.

2017

* * *

Уж если своей родословной гордиться
И если вам дороги так ваши предки,
То надо пойти в зоопарк, умилиться
Седой обезьяне, скучающей в клетке.

Экспрессии много, а места так мало,
Смешные ужимки и жалкие сценки...
Зато никого на костре не сжигала,
Зато никого не пытала в застенке.

Сонаты, конечно, она не напишет,
Трагедии тоже, томясь и горюя.
Лишь зубы покажет да губы оближет,
О Господи Боже, о чём говорю я!

Опять почесалась не очень красиво,
В глаза посмотрела вам, скорчив гримасу,
Но бомбу не сбросила на Хиросиму,
Ножом никого не пырнула ни разу.

2017

* * *

Всё, всё, что ты когда-нибудь сказал,
И всё, что ты когда-нибудь услышал, —
В сохранности пребудет, как вокзал
С перроном под его стеклянной крышей,
И детство, и далёкие края,
В которых побывал, и дождь, и солнце,
Короче говоря, вся жизнь твоя
Когда-нибудь ещё к тебе вернётся.

И заново придётся пережить,
Обрадоваться, но и устыдиться
Всего, — таким бессмертье может быть
Или посленаркозный бред в больнице,
И все стихи, и всё, в чём виноват,
Все реплики, вся музыка, все вещи
Вернутся, что и есть, быть может, ад,
А вместе с ним и рай, что нам обещан.

2017

ОРЕДЕЖ

Оредеж, не правда ли, название
Лучшее для северной реки?
Непонятно только написанье,
К Оредежи спустимся, шаги
Замедляя к Оредежу, — нужен
Мягкий знак? Не нужен, может быть?
Гладь какая! Словно отутюжен.
Глядь, опять в глазах пошло рябить.

А потом опять всё гладко, ровно,
Никаких морщинок и гримас.
Повезло нам с Оредежью, словно
Не одна, а две реки у нас.
Как хорош его пологий берег,
А ещё наряднее — крутой.
То она флегматик, то холерик,
И песчаник красный, золотой!

2017

* * *

Любовью человек себя замучает,
Ненужною ему, необязательной,
Наверное, ему благополучие
Наскучило, он мог бы по касательной
Кого-нибудь любить — и было б весело,
И разве он не ценит преимущества
Разумной жизни, дружбы, зимней сессии,
Поездки в Псков, но выбирает мученичество.

И это так понятно! Дело прошлое,
Но сколько было сил и слёз потрачено!
В прекрасном тоже было что-то пошное,
А в пошлом — дорогое и горячее,
Не соблазняйся только скорбной миною,
Даст Бог, найдёшь единственную спутницу.
А луч в лесу играет с паутиною
И заливают блеском эту путаницу.

2017

* * *

Меня охватила сегодня тревога,
Причина её мне была непонятна,
Как если бы мне предстояла дорога,
Как если бы гибель была вероятна,
Как если бы что-то кому-то грозило,
А предупредить его я не умею
И, кто он, не знаю, — немного знобило,
Тоска, подбежав, мне бросалась на шею.

А спас меня маленький кустик не кустик
За дачным окном, пригляделся: осинка.
— Не бойся, — сказала мне тихо, — отпустит,
Смотри, как дрожу я, дышу, как косынка,
Мечусь, как платочек. Я только растение,
Я — горстка листочков в зелёном чертоге,
Мятущийся прутик, но разве волненья
Не стоит всё сущее, вечной тревоги?

2017

* * *

В восемнадцатом веке не знали
Ни тоски, ни печали, ни скуки,
Солнце славили, гимны слагали
Самодержцу, искусству, науке,
Мельпомену любить, Каллиопу
Было так же отрадно, как деву,
И к Стеклу припадать, у Микроскопу,
Предаваться восторгу и гневу.

Океан, Баромётр, Моза́йка
Буквой выделены прописною.
Нам смешно это кажется, дико.
Чем же Анненский лучше с Тоскою
Или Скукой? Не лучше, не хуже.
Золотые мои, дорогие,
Просто принцип иной обнаружен,
Просто приоритеты другие.

2017

СОН

Не в поле, не в городе я, не в пустыне
Растерян, задумчив, угрюм и невесел, —
Мне снилось, что в мебельном я магазине
Хожу между стульев, диванов и кресел.

Смотрю на обивку, на гнутые ножки,
Дубовые спинки, китайские вазы,
И тут же трюмо, как кривые окошки,
И призраки делают мне в них гримасы.

Зачем я здесь мучаюсь, что выбираю,
Скорей бы уж кончилось это скитанье,
Как мог я позволить такое, не знаю,
Себе измывательство и наказание?

Вот книжная полка, но радости мало,
Вот пуфик, но им соблазниться нельзя ведь!
Как если бы новая жизнь предстояла
За этой — и мне её надо обставить.

2017

КАМЕРОНОВА ГАЛЕРЕЯ

На галерею Камеронову
Ведёт раздвоенная лестница.
Мне, с юных лет в нее влюблённому,
Она и помнится, и грезится,
И вдруг пойму, что я неправильно
Живу, не видясь с нею, каменной,
Годами, — снегу предоставлена,
Дождю и летней неге пламенной.

Она стоит, в свои объятия
Принять готова посетителя,
И удивительна симпатия
Её к нему, и снисходительно
Её парадное величие,
Веков присутствие не тягостно,
С Платоном в бронзовом обличи
Поговоришь, с Гомером — запросто.

2018

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- «А вот Сенека смерти не боялся...» 373
«А ей вы дайте двух стрекоз...» 153
«А летучая мышь измеряет криком...» см. Летучая мышь
«А надо ли знать, что в гондоле...» 245
«А не случись дуэли той...» 309
«А цветок ваш любимый? — Шиповник...» 215
«Аквариумной рыбки взгляды...» 271
«Аллея похожа была на туннель...» 354
«Американские президенты, английские короли...» 318
«Ангелок — это тот же Амур...» 364
«Андреевский Гоголь, Гудоновский в кресле Вольтер...» 121
«Ах, как жил я, так жить уж не буду!..» 120
«Ах, какие названья отныне в копилке моей...» 53
- Бабочка («Я-то знаю, что бабочка это...») 243
«Баратынский не менее трёх гостей...» 188
«Безгрешной пифии черты...» 40
«Библиотека поэта» («Что такое “шмуцтитул” и что “фронти-
писом”...») 142
«“Библиотека поэта”. Будучи редактором её...» 258
«Библиотечных полок рай...» 298
Биржа («Летний свет вечерний златотканый...») 73
«Бог — старик. Уж точно, что не мальчик...» 320
«Боже мой, заливы и проливы...» 297
«Боже мой, Левитан! Ведь знакомы до слёз...» 286
Большие морозы («Большой мороз напомнит детство...») 193
«Большое зеркало у нас висит напротив...» 329
«Большой мороз напомнит детство...» см. Большие морозы
Ботанический сад («Ботанический лучше, чем зоологический
сад...») 69
«Боюсь забыть, как жизнь бывает хороша...» 200
«Будем считать, что во все времена одни...» 136
«Будешь вынут, спасён, распрямись в другой отчизне...» 242
«Будут жалеть нас, недоумевать...» 113
«Будьте же, сказано, ниже травы...» 250
«Был бы я венецианцем...» 281
- В вечернем свете («Сесть на велосипед...») 228
«В восемнадцатом веке не знали...» 385
«В городке, где родились отец мой и мать...» 80
«В гостях я вышел на балкон...» 50

- «В коне троянском сидел я, в правой...» 129
 «В Ленинграде мне повезло родиться...» 139
 «В лесу, в саду, на огороде...» см. Стекланный день
 «В любом другом пространстве или времени...» 55
 «В новое время, при Нерве уже, на пиру...» 93
 В пути («Как я любил вторую полку...») 307
 «В сквере клён поспешно облетает...» 359
 «В стихах на грифельной доске...» 284
 «В сыром лесу, в густой его тени...» 59
 «В Таврическом саду моя пребудет тень...» см. Тень
 «В чём дело, не пойму. И нефти, и угля...» 336
 «В школе мне очень не нравилось средневековье...» см. Средне-
 вековье
 «В этот час я хотел бы на площади Марка стоять...» 78
 «В этом году торжествуют фиалки...» 237
 «Вас тоже кто-нибудь запомнит из детей...» 101
 «Ваших снимков разноцветный ряд...» 344
 «Вдвоём по тропинке лесной...» 273
 «Вдруг показалось на миг, что возможен, возможен роман...»
 122
 «Великие люди исчезли, пропали...» 303
 «Ветры в мае такие напали...» 54
 Вещи («Очень трудно выбрасывать вещи...») 17
 Вещица («Есть и у меня вещица, сам её купил...») 133
 «Взбираться по лестнице было отрадно...» см. Лестница
 «Вздыхается море, и тополь кипит...» 246
 «Владимир и Вера — две тени...» см. Фотография
 «Во второй половине века, ближе к её началу...» 256
 «Воистину из равнодушных уст...» см. Памяти Александра Чуда-
 кова
 Волшебный корабль («Команду бы набрать из Байрона и Пру-
 ста...») 218
 Ворона («Ночью ворона ходила по крыше...») 225
 «Вот и кончается скорбный наш век...» 103
 «Вот ласточка, выставив крылья наружу...» 266
 «Вот лучший способ забыть о смерти...» 346
 «Все тайны, конечно, хотят быть раскрыты...» 181
 «Все эти доспехи и копья, щиты и шлемы...» 317
 «Все эти зеленыя, увалы и отлоги...» 220
 «Всё, всё, что ты когда-нибудь сказал...» 381
 «Всё им новый мерещится Пушкин...» 144
 «Всё кажется, что в синем балахоне...» 185
 «Всё разобрано: лавр, кипарис...» 94

- «Вспоминай, в каком — в четвёртом классе...» 292
 «Всюду зелень уже, слава богу...» 166
 «Вся музыка написана — зачем...» 275
 «Выручает звёздный тамбур...» 15
- «Где листва? Не успею плениться и свикнуться с ней...» 79
 «Где царствуют петрушка и лопух...» 24
 «Где-нибудь в Цюрихе, Базеле, Ницце...» 112
 «Гений должен внушать благоговейный ужас...» 171
 Генуэзская крепость («Молодцы генуэзцы! Поставили крепость...») 295
 Георгий Адамович («Этот автор, которого я не любил потому...») 191
 «Говорить о жизни плохо...» 341
 Год Тигра («Никогда таких сосулук не было...») 267
 «Голубой почтовый ящик...» см. Почтовый ящик
 «Гора, наверное, стать башней бы хотела...» 306
 Грузинская речь («Речь грузинская где-то глубоко в горле...») 72
- «Да, можно, можно так сидеть в траве...» см. На даче
 «Давно ли во вращающемся кресле...» 374
 «Два поэта: Полонский и Фет...» 58
 2145-й («Две тысячи сто сорок пятый год...») 202
 «День прошёл вчерашнего бездарней...» 111
 «День птиц. Но я плохая птица...» 19
 «Деревья, дома обступив...» 38
 «Деревья мне нравятся больше, чем люди...» 304
 «Десятый круглый год. Широколистный, ржавый...» см. 1910-й
 «Джюльетта, Офелия — девочек жаль...» 337
 Доклад («Не Татьяну Онегин любил, не Татьяну!...») 178
 «Долго жить романтизм не велит...» 263
 Дом («Я хотел бы пожить в этом доме») 81
 «Дрова коловший с Ходасевичем...» 285
 Дуб («Рухнул державинский дуб...») 233
 «Душа – не испарина крови...» 45
- «Если душа живёт и за смертной, глухой чертой...» 192
 «Если есть ещё зайцы в лесу...» 319
 «Если мы в самом деле одна семья...» 167
 «Есть и у меня вещица, сам её купил...» см. Вещица
 «Есть ли власть в Нидерландах? Страною правит...» 322
 «Есть повесть "Письма Асперна" — похожа...» 269
- «"Жизнь человека – это молвить: 'Раз!'..."» 368

- «За то, что так на смерть сумел он посмотреть...» 321
 Заборы («Раньше были какие заборы?...») 379
 «Завистливы, мстительны, злы...» 272
 «Заплыл в очках — и там они...» 301
 «Заступаться — пожалуйста, превращать...» 280
 «Захочется что-нибудь вспомнить в унынье...» 345
 «Зачем забираться в надмирные дали...» 314
 «Зачем писать стихи на смертном языке...» 140
 «Зачем это пышное богослуженье...» 178
 «Здесь все номера хороши, что седьмой, что восьмой, что девятый...» 134
 Зимой в Тбилиси («Иностранная речь всего лучше, если...») 70
 «Злая воля чужая не действует так на мужчин...» 145
 «Значит, так: облегающий, бархатный, серый камзол с узором...» 334
 «Значит, так: с три десятка поэтов, гуськом...» 128
- «И воздух и вода, и смена дня и ночи...» 41
 «И Расин в парике, и Мольер в парике...» 343
 «Из сумрака его, надеюсь, долгих лет...» см. Санкт-Петербург
 «Иногда собаки, и правда, с такой тоской...» 186
 «Иностранная речь всего лучше, если...» см. Зимой в Тбилиси
 «Исцелять бесноватых и на ноги ставить больных...» 279
- «К испытаньям душа не готова...» 352
 «Как Зоценко в Ялте пришёл за письмом...» 154
 «Как хорошо пример чужой...» 358
 «Как чудно всё: и мироздание...» 339
 «Как эпос длинный товарняк...» см. Товарный поезд
 «Как юность печальна! Туманные дали...» 311
 «Как я дружу, не пойму, с этим мрачным типом...» 198
 «Как я любил вторую полку...» см. В пути
 «Каких ни вымотришь чудес...» 25
 «Какое счастье — Фет!..» 283
 Камеронова галерея («На галерею Камеронову...») 387
 «Киммерия, а где это? Я не помню...» 221
 «Когда актёр Ливанов Сталина...» см. Совет
 «Когда бы Дантовы до нас черновики...» 182
 «Когда бы он при нас чертёж свой развернул...» 64
 «Когда в купальнике на постамент пустой...» 75
 «Когда не знают, как назвать цветы...» 274
 «Когда про ужасы читаю...» 302
 «Когда Россию не ругали...» 377

- «Командир эскадрильи палубных вертолётов...» 340
 «Команду бы набрать из Байрона и Пруста...» см. Волшебный корабль
 «Конечно, нет. Не верю в предсказания...» 335
 Консерватория («Мне дом этот гулкий...») 27
 «Короткие и толстые, — про волны...» 92
 «Кофе пить и курить в голубых тонах...» 316
 Кроссворд («Кроссворд, как будто в нём паук...») 205
 «Крымские запахи, как вы приятны в Европе...» 138
 «Кто душу назвал пауком? Гераклит...» 227
 «Кто живёт в этом доме, тот домом своим не любит...» 353
 «Кто работает в поте лица на земле...» 315
- «Ларошфуко! Не для отчёта...» 47
 Лермонтов («Поэтов любыми путями...») 12
 Лестница («Взбираться по лестнице было отрадно...») 177
 Летний свет вечерний златотканый...» см. Биржа
 Летучая мышь («А летучая мышь измеряет криком...») 367
 «Лучше мне не смотреть никакой футбол...» 361
 «Лучший город на свете — я вышел на Крюков канал...» 98
 «Львы читают в Венеции книги...» 247
 «Любите Альпы, ради бога...» 211
 «Люблю остановки в пути...» 26
 «Любовь кончается. Откуда этот странный...» 216
 «Любовь — это боль. Не до книг...» 61
 «Любовью человек себя замучает...» 383
- Март («Это лучшее время года...») 236
 «Машина зашла в переулок, и фары...» 378
 «Между прочим, Каренин читает француза де Лиля...» 163
 «Мемориальная преобразует фасад...» 66
 «Меня охватила сегодня тревога...» 384
 «"Меня теперь нужно беречь и лелеять...» 158
 «Мир в пыли и пыльце, даже моль...» 165
 «Мне дом этот гулкий...» см. Консерватория
 «Мне снится старая квартира...» 74
 «Мне хочется ладонью провести...» 33
 «Могло и не быть этой бабочки тусклой...» 127
 «Молодой человек обещает многое...» 369
 «Молодцы генуэзцы! Поставили крепость...» см. Генуэзская крепость
- Море («Тяжёлыми ключьями пена...») 30
 «Море плескалось в балконном окне...» 209
 «Мост прям и прост...» 14

- «Музыка — ты уроженка Милана...» 300
 «Музыкант просил в стихотворенье...» 107
 «Мы в Мюнхене были, мы видели сад...» 268
 Мы говорили... («Он был священник, я был осторожен с ним...») 332
 «Мы жили не в худшее время, так нам повезло...» 249
 «Мы обсудили Чехова с тобой...» 82
 «Мы поссоримся вновь и помиримся...» 224
- «На галерею Камеронову...» *см.* Камеронова галерея
 На даче («Да, можно, можно так сидеть в траве...») 253
 «На дачу сослано книг сто-сто пятьдесят...» 252
 «На живопись времени много не надо...» 214
 На киносъёмке («Подбирали высоких парней...») 20
 «На Корсику, на Мальту, боже мой...» *см.* Острова
 «На пне, на высохшем, на самом солнцепёке...» 91
 «На расстоянье, видимо, лет в сто...» 183
 «На столе у поэта должно быть пусто...» 231
 «На странных мыслях я себя ловлю...» 9
 «На ярком ярлыке, на сложенной салфетке...» 203
 «Наверное, мёртвые так же боятся живых...» 366
 «Навести бы порядок, ей-богу...» 349
 «Наконец, покинув ложе...» 22
 «Нам бояться людей — значит баловать их...» 264
 Натюрморт («Ах, этот лимон с кожурой...») 34
 «Начнёшь рассказывать о тех, кого застал...» 190
 «Не в поле, не в городе я, не в пустыне...» *см.* Сон
 «Не Вырица даже, а третья платформа...» *см.* Третья платформа
 «Не люблю обличительных слов...» 370
 «Не люблю одиноких прогулок...» 251
 «Не люблю Переделкина: сколько писателей в ряд...» 195
 «Не о Гоголе думал я, нет!..» 160
 «Не очень холодно. И всё-таки знобит...» 87
 «Не поленюсь, на лифте поздней ночью...» 338
 «Не привыкай ко мне...» 130
 «Не скифы мы, не азиаты мы!..» 238
 «Не Татьяну Онегин любил, не Татьяну!..» *см.* Доклад
 «Не умирай, Баратынский, не надо!..» 310
 «Небоскрёбы Пекину нужней...» 363
 «Нет, не испанский пыл и мрачная гордыня...» 330
 «Никаких теней на заднем плане...» 169
 «Никогда таких сосулук не было...» *см.* Год Тигра
 «Ночью ворона ходила по крыше...» *см.* Ворона
 «Ночью на даче в ладонь укусила оса...» *см.* Оса

- «Ну и что ж, что у Шекспира в пьесе...» 327
 «Ну, радость, жимолость татарская...» 119
 «Ну, хотел бы ты жить в Коктебеле...» 162
- «"О бедность! затвердил я наконец"...» 152
 «О, если б кто прозрел, действительно прозрел...» 333
 «О, как бывают люди хороши...» 278
 «О, как мне нравится волнистая черта...» 89
 «О, радость! Скирос в самом деле...» 147
 «О, чем не вечность — жизнь моя!...» 35
 «Обман, предательство, вражда...» 360
 «Оделся, вышел на мороз...» 324
 «Однажды и я спиритической тайной...» 290
 «Он был священник, я был осторожен с ним...» см. Мы говорили...
 «Он осень нас учил любить — и мы послушно...» 170
 «Они как будто под гору спускались...» 308
 Оредеж («Оредеж, не правда ли, название...») 382
 Оса («Ночью на даче в ладонь укусила оса...») 262
 «Осталось незамеченным почти...» 371
 Острова («На Корсику, на Мальту, боже мой...») 350
 «От подземной, мышиной, хтонической тьмы...» 254
 «От скучных книг придёшь в отчаянье...» 219
 «Очень трудно выбрасывать вещи...» см. Вещи
- Памяти Александра Чудакова («Воистину из равнодушных уст...») 235
 «Пароход назывался "Нептун"...» 305
 «Пейзаж не бывает смешным...» 52
 «Персидской сирени приказано в этом году...» 197
 «Пить за вечную женственность с Блоком...» 159
 «По Адриановой вилле так долго бродить...» 201
 «По меньшей мере три увидеть племени...» 294
 «По тому, как, рубашку надев...» 210
 «Подбирали высоких парней...» см. На киносъёмке
 «Поделив знакомых на приятелей...» 328
 «Подумай, какие названия! Мисхор, Симеиз...» 357
 «Показали уголовниц...» 240
 «Померкли облака... Жуковский, посмотри...» 288
 «Помнишь, Болконский не стал старика генерала...» 348
 «Помню, как это в светско-советских салонах входило в моду...» 255
 «Понимать — это значит прощать, как сказала одна мадам...» 124

- «Попробовали вспомнить семь чудес...» *см.* Семь чудес
 Портрет («Ужасный друг мой, отвратительный...») 148
 «Посмотри, как собака томится...» 299
 «Посмотри на Вольтера в ночной рубашке...» *см.* Утро Вольтера
 «Посмотри: не ревную...» 29
 «Потому, может быть, и великий...» 212
 «Почему-то защитник свободы...» 116
 Почтовый ящик («Голубой почтовый ящик...») 7
 «Поэзия — переливание крови...» 172
 «Поэзия — это отравка...» 76
 «Поэт, любимый мной, по году не писал...» 372
 «Поэтов любыми путями...» *см.* Лермонтов
 «Поэту похвалить поэта!..» *см.* Поэты
 Поэты («Поэту похвалить поэта!..») 43
 «Прекрасная земля, которая милей...» 204
 «Прелестна гор живая линия...» 108
 «Приезд Николая Ростова домой...» 114
 «Провозвестница новых стихов, — загляделись, заслушались
 мы...» 125
 «Прозаик может стать и девочкой в веснушках...» 248
 «Профессор университета...» 56
 «Прочтя о себе фельетон на ходу...» 44
 Прощай, история... («Прощай, история! Ты мучила нас долго...») 222
 Прощание со школой («Я не даю топтать полы...») 39
 Путаница (« — Я говорю ему: Не надо провожать...») 99
 «Пушкин — вот течение наше тёплое...» 90
- «Разве знает Италия, что она значит для нас?...» 105
 «Разговор о стихах самый чудный...» 95
 «Раньше были какие заборы?...» *см.* Заборы
 «Распахнуты двери веранды...» 230
 «Речь грузинская где-то глубоко в горле...» *см.* Грузинская речь
 «Родись в другой стране — и жизнь совсем другую...» 102
 «Рухнул державинский дуб...» *см.* Дуб
 Рыбы («Художник выловленных рыб...») 62
- «С картины пыль смахну и все протру картинку...» 141
 Санкт-Петербург («Из сумрака его, надеюсь, долгих лет...») 137
 «Сверкает море — взгляд не отвести...» 208
 «Сегодня к нашему причалу...» 100
 Семь чудес («Попробовали вспомнить семь чудес...») 223
 «Сесть на велосипед...» *см.* В вечернем свете
 «Скажи: сорок первый, — я охну: война...» 109

- «Сказал об ужасе Паскаль...» 293
«Слова односложные, встречные...» 289
«Смотреть в дворцовое окно...» 48
«Снегири прилетели...» 260
Совет («Когда актёр Ливанов Сталина...») 161
Сон («Не в поле, не в городе я, не в пустыне...») 386
«Сосед выходит бойко...» 18
«Спасибо за низшую милость...» 376
«Спасибо мастеру краснофигурных ваз...» 67
«Спорили, кто бы рискнул гладиаторский бой...» 323
«Среди дня я не сплю никогда...» 244
«Среди мировой чепухи...» 375
Средневековые («В школе мне очень не нравилось средневеково-
вье...») 347
«Средь солнца, ветра и дождя...» 36
«Стайка облаков...» 356
«"Стали жить поживать да добра наживать"...» 207
«Стеклянной палочкой по чашкам постучат...» 312
Стеклянный день («В лесу, в саду, на огороде...») 21
«Стояла осень, тихая, погожая...» 10
«Страны, как люди, с ума...» 313
«Сыщик пошёл направо, свернул налево...» 355
- «Так вот они, другие берега...» 65
«Так, как если б меня уже не было...» 325
«Так как кровельщик в летний сезон...» 176
«"Так мы с тобой на Кипре, Дездемона!"...» 194
Тень («В Таврическом саду моя пребудет тень...») 226
«Теперь я знаю, как...» 117
«Тишина — это музыка тоже...» 46
Товарный поезд («Как эпос длинный товарняк...») 16
«Только к зиме уменьшительный суффикс пристал...» 287
Третья платформа («Не Вырица даже, а третья платформа...») 184
«Трудно представить такое бюро...» 187
«Ты ведёшь меня тайным путём...» 31
«Ты думаешь: я здесь, а я не здесь, а там...» 331
«Ты с книгой о Дега — и будешь знать о нём...» 155
«"Ты скажешь: ветреная Геба..."...» 241
«Ты уныл? Ты угрюм? Или с жизнью прощаться пора?...» 150
1910-й («Десятый круглый год. Широколистный, ржавый...») 60
«Тяжёлыми ключьями пена...» см. Море
- «У этой речки без названья...» 8

- «Уж если своей родословной гордиться...» 380
 «Ужасный друг мой, отвратительный...» см. Портрет
 «Уснём — и сердцу плеск морской...» 42
 Утро Вольтера («Посмотри на Вольтера в ночной рубаше...») 174
 «Утро — самое лучшее время дня...» 259
- «Филипа Ларкина бы я любил, коль был...» 156
 Фотография («Владимир и Вера — две тени...») 217
 Фотография («Фотография тридцать шестого, наверное, года...») 84
- «Хорошо мне с французом за столиком круглым сидеть...» 132
 «Хорошо, что диван мемуаров не пишет...» 270
 «Художник в бархатном кафтане и берет...» 291
 «Художник выловленных рыб...» см. Рыбы
 «Художники до старости глубокой...» 51
- «Цезарь Борджиа, дай мне немного яда...» 326
- «Чётки католик янтарные перебирает...» 88
 «Читал о Вселенной с волненьем таким...» 365
 Что ж, я видел стихов торжество...» 351
 «Что же делать, что вот не волнуют меня...» 104
 «Что от грусти исцелит?...» 11
 «Что такое "шмуцтитул" и что "фронтиспу́сом"...» см. «Библиотека поэта»
- «Эта нимфа — пример лицемерия...» 362
 «Эта роза, — Сезанн говорил приятелю...» 296
 «Эта улочка странный имеет затерянный вид...» 85
 «Это лучшее время года...» см. Март
 «Этот автор, которого я не любил потому...» см. Георгий Адамович
- «Я безумен только в норд-норд-вест...» 342
 «Я боюсь, что, когда я состарюсь, мне...» 151
 «Я бы вёл семинар, посвящённый дубу...» 199
 «Я в зоопарке не был столько лет...» 232
 «Я в очередь встал перед кассой...» 276
 « — Я говорю ему: Не надо провожать...» см. Путаница
 «Я гостя буду ждать, придёт он через сквер...» 265
 «Я думал. О чём? Не скажу. Не за все...» 96
 «Я думаю, когда Гомер писал...» 173
 «Я их знаю, любителей самых...» 189

- «Я не даю топтать полы...» *см.* Прощание со школой
«Я не знаю, какие ещё города...» 68
«Я не знаю, был ли век...» 164
«Я открыл окно: пускай проветрится...» 213
«Я тоже помню Крым, эдем...» 49
«Я хотел бы пожить в этом доме...» *см.* Дом
«Я-то знаю, что бабочка это...» *см.* Бабочка

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
Почтовый ящик.....	7
«У этой речки без названья...».....	8
«На странных мыслях я себя ловлю...».....	9
«Стояла осень, тихая, погожая...».....	10
«Что от грусти исцелит?...».....	11
Лермонтов.....	12
«Мост прям и прост...».....	14
«Выручает звёздный тамбур...».....	15
Товарный поезд.....	16
Вещи.....	17
«Сосед выходит бойко...».....	18
«День птиц. Но я плохая птица...».....	19
На киносъёмке.....	20
Стеклянный день.....	21
«Наконец, покинув ложе...».....	22
«Где царствуют петрушка и лопух...».....	24
«Каких ни высмотришь чудес...».....	25
«Люблю остановки в пути...».....	26
Консерватория.....	27
«Посмотри: не ревную...».....	29
Море.....	30
«Ты ведёшь меня тайным путём...».....	31
«Мне хочется ладонью провести...».....	33
Натюрморт.....	34
«О, чем не вечность — жизнь моя!...».....	35
«Средь солнца, ветра и дождя...».....	36
«Деревья, дома обступив...».....	38
Прощание со школой.....	39
«Безгрешной пифии черты...».....	40
«И воздух и вода, и смена дня и ночи...».....	41
«Уснём — и сердцу плеск морской...».....	42
Поэты.....	43
«Прочтя о себе фельетон на ходу...».....	44
«Душа — не испарина крови...».....	45
«Тишина — это музыка тоже...».....	46

«Ларошфуко! Не для отчёта...».....	47
«Смотреть в дворцовое окно...».....	48
«Я тоже помню Крым, здем...».....	49
«В гостях я вышел на балкон...».....	50
«Художники до старости глубокой...».....	51
«Пейзаж не бывает смешным...».....	52
«Ах, какие названья отныне в копилке моей...».....	53
«Ветры в мае такие напали...».....	54
«В любом другом пространстве или времени...».....	55
«Профессор университета...».....	56
«Два поэта: Полонский и Фет...».....	58
«В сыром лесу, в густой его тени...».....	59
1910-й.....	60
«Любовь — это боль. Не до книг...».....	61
Рыбы.....	62
«Когда бы он при нас чертёж свой развернул...».....	64
«Так вот они, другие берега...».....	65
«Мемориальная преобразует фасад...».....	66
«Спасибо мастеру краснофигурных ваз...».....	67
«Я не знаю, какие ещё города...».....	68
Ботанический сад.....	69
Зимой в Тбилиси.....	70
Грузинская речь.....	72
Биржа.....	73
«Мне снится старая квартира...».....	74
«Когда в купальнике на постамент пустой...».....	75
«Поэзия — это отравы...».....	76
«В этот час я хотел бы на площади Марка стоять...».....	78
«Где листва? Не успею плениться и свыкнуться с ней...».....	79
«В городке, где родились отец мой и мать...».....	80
Дом.....	81
«Мы обсудили Чехова с тобой...».....	82
Фотография («Фотография тридцать шестого...»).....	84
«Эта улочка странный имеет затерянный вид...».....	85
«Не очень холодно. И всё-таки знобит...».....	87
«Чётки католик янтарные перебирает...».....	88
«О, как мне нравится волнистая черта...».....	89
«Пушкин — вот течение наше тёплое...».....	90
«На пне, на высохшем, на самом солнцепёке...».....	91
«Короткие и толстые, — про волны...».....	92

«В новое время, при Нерве уже, на пиру...».....	93
«Всё разобрано: лавр, кипарис...».....	94
«Разговор о стихах самый чудный...».....	95
«Я думал. О чём? Не скажу. Не за все...».....	96
«Лучший город на свете — я вышел на Крюков канал...».....	98
Путаница.....	99
«Сегодня к нашему причалу...».....	100
«Вас тоже кто-нибудь запомнит из детей...».....	101
«Родись в другой стране — и жизнь совсем другую...».....	102
«Вот и кончается скорбный наш век...».....	103
«Что же делать, что вот не волнуют меня...».....	104
«Разве знает Италия, что она значит для нас?...».....	105
«Музыкант просил в стихотворенье...».....	107
«Прелестна гор живая линия...».....	108
«Скажи: сорок первый, — я охну: война...».....	109
«День прошёл вчерашнего бездарней...».....	111
«Где-нибудь в Цюрихе, Базеле, Ницце...».....	112
«Будут жалеть нас, недоумевать...».....	113
«Приезд Николая Ростова домой...».....	114
«Почему-то защитник свободы...».....	116
«Теперь я знаю, как...».....	117
«Ну, радость, жимолость татарская...».....	119
«Ах, как жил я, так жить уж не буду!..».....	120
«Андреевский Гоголь, Гудоновский в кресле Вольтер...».....	121
«Вдруг показалось на миг, что возможен, возможен роман...».....	122
«Понимать — это значит прощать, как сказала одна мадам...».....	124
«Провозвестница новых стихов...».....	125
«Могло и не быть этой бабочки тусклой...».....	127
«Значит, так: с три десятка поэтов, гуськом...».....	128
«В коне троянском сидел я, в правой...».....	129
«Не привыкай ко мне...».....	130
«Хорошо мне с французом за столиком круглым сидеть...».....	132
Вещица.....	133
«Здесь все номера хороши...».....	134
«Будем считать, что во все времена одни...».....	136
Санкт-Петербург.....	137
«Крымские запахи, как вы приятны в Европе...».....	138
«В Ленинграде мне повезло родиться...».....	139
«Зачем писать стихи на смертном языке...».....	140
«С картины пыль смахну и все протру картинки...».....	141

«Библиотека поэта» («Что такое "шмуцтитул"...»)	142
«Всё им новый мерещится Пушкин...»	144
«Злая воля чужая не действует так на мужчин...»	145
«О, радость! Скирос в самом деле...»	147
Портрет	148
«Ты уныл? Ты угрюм? Или с жизнью прощаться пора?...»	150
«Я боюсь, что, когда я состарюсь, мне...»	151
«"О бедность! затвердил я наконец"...»	152
«А ей вы дайте двух стрекоз...»	153
«Как Зоценко в Ялте пришёл за письмом...»	154
«Ты с книгой о Дега — и будешь знать о нём...»	155
«Филипа Ларкина бы я любил, коль был...»	156
«"Меня теперь нужно беречь и лелеять...»	158
«Пить за вечную женственность с Блоком...»	159
«Не о Гоголе думал я, нет!...»	160
Совет	161
«Ну, хотел бы ты жить в Коктебеле...»	162
«Между прочим, Каренин читает француза де Лиля...»	163
«Я не знаю, был ли век...»	164
«Мир в пыли и пыльце, даже моль...»	165
«Всюду зелень уже, слава богу...»	166
«Если мы в самом деле одна семья...»	167
«Никаких теней на заднем плане...»	169
«Он осень нас учил любить — и мы послушно...»	170
«Гений должен внушать благоговейный ужас...»	171
«Поэзия — переливание крови...»	172
«Я думаю, когда Гомер писал...»	173
Утро Вольтера	174
«Так как кровельщик в летний сезон...»	176
Лестница	177
Доклад	178
«Зачем это пышное богослуженье...»	180
«Все тайны, конечно, хотят быть раскрыты...»	181
«Когда бы Дантовы до нас черновики...»	182
«На расстоянье, видимо, лет в сто...»	183
Третья платформа	184
«Всё кажется, что в синем балахоне...»	185
«Иногда собаки, и правда, с такой тоской...»	186
«Трудно представить такое бюро...»	187
«Баратынский не менее трёх гостей...»	188

«Я их знаю, любителей самых...».....	189
«Начнёшь рассказывать о тех, кого застал...».....	190
Георгий Адамович.....	191
«Если душа живёт и за смертной, глухой чертой...».....	192
Большие морозы.....	193
«"Так мы с тобой на Кипре, Дездемона!" ..».....	194
«Не люблю Переделкина: сколько писателей в ряд...».....	195
«Персидской сирени приказано в этом году...».....	197
«Как я дружу, не пойму, с этим мрачным типом...».....	198
«Я бы вёл семинар, посвящённый дубу...».....	199
«Боюсь забыть, как жизнь бывает хороша...».....	200
«По Адриановой вилле так долго бродить...».....	201
2145-й.....	202
«На ярком ярлыке, на сложенной салфетке...».....	203
«Прекрасная земля, которая милей...».....	204
Кроссворд.....	205
«"Стали жить поживать да добра наживать" ..».....	207
«Сверкает море — взгляд не отвести...».....	208
«Море плескалось в балконном окне...».....	209
«По тому, как, рубашку надев...».....	210
«Любите Альпы, ради бога...».....	211
«Потому, может быть, и великий...».....	212
«Я открыл окно: пускай проветрится...».....	213
«На живопись времени много не надо...».....	214
«А цветок ваш любимый? — Шиповник...».....	215
«Любовь кончается. Откуда этот странный...».....	216
Фотография («Владимир и Вера — две тени...».....)	217
Волшебный корабль.....	218
«От скучных книг придёшь в отчаянье...».....	219
«Все эти зеленыя, увалы и отлоги...».....	220
«Киммерия, а где это? Я не помню...».....	221
Прощай, история... ..	222
Семь чудес.....	223
«Мы поссоримся вновь и помиримся...».....	224
Ворона.....	225
Тень.....	226
«Кто душу назвал пауком? Гераклит...».....	227
В вечернем свете.....	228
«Распахнуты двери веранды...».....	230
«На столе у поэта должно быть пусто...».....	231

«Я в зоопарке не был столько лет...».....	232
Дуб.....	233
Памяти Александра Чудакова.....	235
Март.....	236
«В этом году торжествуют фиалки...».....	237
«Не скифы мы, не азиаты мы!..».....	238
«Показали уголовниц...».....	240
«"Ты скажешь: ветреная Геба..."...».....	241
«Будешь вынут, спасён, распрямишься в другой отчизне...».....	242
Бабочка.....	243
«Среди дня я не сплю никогда...».....	244
«А надо ли знать, что в гондоле...».....	245
«Вздыхается море, и тополь кипит...».....	246
«Львы читают в Венеции книги...».....	247
«Прозаик может стать и девочкой в веснушках...».....	248
«Мы жили не в худшее время, так нам повезло...».....	249
«Будьте же, сказано, тише воды...».....	250
«Не люблю одиноких прогулок...».....	251
«На дачу сослано книг сто—сто пятьдесят...».....	252
На даче.....	253
«От подземной, мышьиной, хтонической тьмы...».....	254
«Помню, как это в светско-советских салонах...».....	255
«Во второй половине века, ближе к её началу...».....	256
«"Библиотека поэта". Будучи редактором её...».....	258
«Утро — самое лучшее время дня...».....	259
«Снегири прилетели...».....	260
Оса.....	262
«Долго жить романтизм не велит...».....	263
«Нам бояться людей — значит баловать их...».....	264
«Я гостя буду ждать, придёт он через сквер...».....	265
«Вот ласточка, выставив крылья наружу...».....	266
Год Тигра.....	267
«Мы в Мюнхене были, мы видели сад...».....	268
«Есть повесть "Письма Асперна" — похожа...».....	269
«Хорошо, что диван мемуаров не пишет...».....	270
«Аквариумной рыбки взгляд...».....	271
«Завистливы, мстительны, злы...».....	272
«Вдвоём по тропинке лесной...».....	273
«Когда не знают, как назвать цветы...».....	274
«Вся музыка написана — зачем...».....	275

«Я в очередь встал перед кассой...».....	276
«О, как бывают люди хороши...».....	278
«Исцелять бесноватых и на ноги ставить больных...».....	279
«Заступаться — пожалуйста, превращать...».....	280
«Был бы я венецианцем...».....	281
«Какое счастье — Фет!..».....	283
«В стихах на грифельной доске...».....	284
«Дрова коловший с Ходасевичем...».....	285
«Боже мой, Левитан! Ведь знакомы до слёз...».....	286
«Только к зиме уменьшительный суффикс пристал...».....	287
«Померкли облака... Жуковский, посмотри...».....	288
«Слова односложные, встречаемые...».....	289
«Однажды и я спиритической тайной...».....	290
«Художник в бархатном кафтане и берете...».....	291
«Вспоминай, в каком — в четвёртом классе...».....	292
«Сказал об ужасе Паскаль...».....	293
«По меньшей мере три увидеть племени...».....	294
Генуэзская крепость.....	295
«Эта роза, — Сезанн говорил приятелю...».....	296
«Боже мой, заливы и проливы...».....	297
«Библиотечных полок рай...».....	298
«Посмотри, как собака томится...».....	299
«Музыка — ты уроженка Милана...».....	300
«Заплыл в очках — и там они...».....	301
«Когда про ужасы читаю...».....	302
«Великие люди исчезли, пропали...».....	303
«Деревья мне нравятся больше, чем люди...».....	304
«Пароход назывался "Нептун"...».....	305
«Гора, наверное, стать башней бы хотела...».....	306
В пути.....	307
«Они как будто под гору спускались...».....	308
«А не случись дуэли той...».....	309
«Не умирай, Баратынский, не надо!..».....	310
«Как юность печальна! Туманные дали...».....	311
«Стеклянной палочкой по чашкам постучат...».....	312
«Страны, как люди, с ума...».....	313
«Зачем забираться в надмирные дали...».....	314
«Кто работает в поте лица на земле...».....	315
«Кофе пить и курить в голубых тонах...».....	316
«Все эти доспехи и копыя, щиты и шлемы...».....	317

«Американские президенты, английские короли...».....	318
«Если есть ещё зайцы в лесу...».....	319
«Бог — старик. Уж точно, что не мальчик...».....	320
«За то, что так на смерть сумел он посмотреть...».....	321
«Есть ли власть в Нидерландах? Страною правит...».....	322
«Спорили, кто бы рискнул гладиаторский бой...».....	323
«Оделся, вышел на мороз...».....	324
«Так, как если б меня уже не было...».....	325
«Цезарь Борджиа, дай мне немного яда...».....	326
«Ну и что ж, что у Шекспира в пьесе...».....	327
«Поделив знакомых на приятелей...».....	328
«Большое зеркало у нас висит напротив...».....	329
«Нет, не испанский пыл и мрачная гордыня...».....	330
«Ты думаешь: я здесь, а я не здесь, а там...».....	331
Мы говорили... ..	332
«О, если б кто прозрел, действительно прозрел...».....	333
«Значит, так: облегающий, бархатный, серый камзол...».....	334
«Конечно, нет. Не верю в предсказанья...».....	335
«В чём дело, не пойму. И нефти, и угля...».....	336
«Джульетта, Офелия — девочек жаль...».....	337
«Не поленюсь, на лифте поздней ночью...».....	338
«Как чудно всё: и мироздание...».....	339
«Командир эскадрильи палубных вертолётов...».....	340
«Говорить о жизни плохо...».....	341
«Я безумен только в норд-норд-вест...».....	342
«И Расин в парике, и Мольер в парике...».....	343
«Ваших снимков разноцветный ряд...».....	344
«Захочется что-нибудь вспомнить в унынье...».....	345
«Вот лучший способ забыть о смерти...».....	346
Средневековье.....	347
«Помнишь, Болконский не стал старика генерала...».....	348
«Навести бы порядок, ей-богу...».....	349
Острова.....	350
«Что ж, я видел стихов торжество...».....	351
«К испытаньям душа не готова...».....	352
«Кто живёт в этом доме, тот домом своим не любит...».....	353
«Аллея похожа была на туннель...».....	354
«Сыщик пошёл направо, свернул налево...».....	355
«Стайка облаков...».....	356

«Подумай, какие названья! Мисхор, Симеиз...».....	357
«Как хорошо пример чужой...».....	358
«В сквере клён поспешно облетает...».....	359
«Обман, предательство, вражда...».....	360
«Лучше мне не смотреть никакой футбол...».....	361
«Эта нимфа — пример лицемерия...».....	362
«Небоскрёбы Пекину нужней...».....	363
«Ангелок — это тот же Амур...».....	364
«Читал о Вселенной с волнением таким...».....	365
«Наверное, мёртвые так же боятся живых...».....	366
Летучая мышь.....	367
«"Жизнь человека — это молвить: 'Раз'!"...».....	368
«Молодой человек обещает многое...».....	369
«Не люблю обличительных слов...».....	370
«Осталось незамеченным почти...».....	371
«Поэт, любимый мной, по году не писал...».....	372
«А вот Сенека смерти не боялся...».....	373
«Давно ли во вращающемся кресле...».....	374
«Среди мировой чепухи...».....	375
«Спасибо за низшую милость...».....	376
«Когда Россию не ругали...».....	377
«Машина зашла в переулок, и фары...».....	378
Заборы.....	379
«Уж если своей родословной гордиться...».....	380
«Всё, всё, что ты когда-нибудь сказал...».....	381
Оредеж.....	382
«Любовью человек себя замучает...».....	383
«Меня охватила сегодня тревога...».....	384
«В восемнадцатом веке не знали...».....	385
Сон.....	386
Камеронова галерея.....	387
Алфавитный указатель стихотворений.....	388

+ 12

Литературно-художественное издание

Александр Семёнович Кушнер

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Из стихов, не вошедших в книги

Редактор А. В. Кулагин

Издательство «Булат»
115409, Москва, пр. Маршала Жукова, 39.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ГУП МО «Коломенская типография».
140400, г. Коломна Московской обл., ул. III Интернационала, 2а.

Подписано в печать 14.7.2020. Формат 60х90/16. Печать офсет-
ная. Усл. печ. листов 25,5. Тираж 200 экз. Заказ №

Александр Кушнер

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Александр Кушнер

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

